

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HL 10X3 B

18 09 8

A7
Nikitia, V. N.
Znan' zakluchennykh

Bd. Dec. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received

JUL 2 1931

Х

ЖИЗНЬ

с 2 с

ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

ОБЗОРЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЮРЕМЪ И ОТНОСЯЩИХСЯ ДО НИХЪ УЗАКОНЕНІЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ

В. Н. НИКИТИНА

V. N. Nikitich

I. Предисловіе.—II. Арестантскіе казематы въ городскихъ полицейскихъ домахъ. — III. Городской тюремный замокъ.—IV. Городская пересыльная тюрьма.—V. Городское исправительное заведеніе (смрительный, рабочій и работный домъ).—VI. Городская тюрьма срочныхъ арестантовъ, заключаемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей.—VII. Военно-исправительная тюрьма морскаго вѣдомства. — VIII. **ПРИЛОЖЕНІЕ:** Съ одного вола семь шкуръ (изъ записокъ бывшаго арестанта).

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавцевъ Колесова и Михина

1871

Въ Типографіи М. Хана, Болотная д. № 5.

Оглавление.

	Стран.
I. Предисловіе	1
II. Арестантскіе казематы въ городскихъ полицейскихъ домахъ	7
III. Городской тюремный замокъ.	30
IV. Городская пересыльная тюрьма	96
V. Городское исправительное заведеніе (смирительный, рабочій и работный дома)	170
VI. Городская тюрьма срочныхъ арестантовъ, заключаемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей.	209
VII. Военно-исправительная тюрьма морскаго вѣдомства.	231
VIII. Приложеніе. Съ одного вола семь шкуръ (Изъ записокъ бывшаго арестанта).	257

JUL 2 1951

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о томъ, какія именно мѣры легче и скорѣе ведутъ къ исправленію преступниковъ, какія физическія и нравственныя кары болѣе цѣлесообразны въ смыслѣ возмездія за совершенные преступленія и проступки—все это очень много лѣтъ ужъ занимаетъ европейскихъ криминалистовъ, теоретическихъ и практическихъ изслѣдователей, которые своими трудами по этой части создали значительную литературу, тогда какъ русская пресса подвліяніемъ прежнихъ тяжелыхъ ея ограниченій совершенно молчала объ этомъ.

Правительство наше, вводя постепенно въ нашемъ отечествѣ различныя прогрессивныя реформы, еще въ 1862 году почувствовало необходимость улучшенія тюремной системы. Въ этихъ видахъ оно въ томъ же году начало собирать матеріалы для изученія тюремнаго быта. Хотя дѣйствіе это и продолжается до сихъ поръ,—тѣмъ не менѣе читающей публикѣ почти ничего не извѣстно по сему предмету. Въ обращеніи, правда, имѣется книга г. Галкина «Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса»,—но она, будучи оффиціальнымъ изданіемъ, какъ всѣ подобныя — чрезвычайно мало характеризуетъ дѣйствительное положеніе нашихъ тюремъ.

Между тѣмъ правильное, разумное разрѣшеніе тюремнаго вопроса принесеть, безспорно, громадную пользу. Это наглядно подтверждается ужь тѣмъ наримѣръ, что въ 1864 г., во всѣхъ тюрьмахъ (кромѣ Сибирскихъ) содержалось, какъ гласятъ свѣдѣнія, распубликованныя въ концѣ 1868 г. въ «Сѣверной Почтѣ», болѣе 45,000 человекъ обоого пола. На содержаніе этой, ничѣмъ полезнымъ не занимавшейся, массы людей истрачено 2,000,000 рублей, тогда какъ еслибъ народъ этотъ трудился—онъ могъ бы заработать, полагая даже лишь казенную норму дневнаго заработка въ 15 коп.—2,453,000 руб. въ годъ. Слѣдовательно, казна не только вернула бы свою на содержаніе заключенныхъ затрату, но еще въ состояніи была бы удѣлить имъ, въ вознагражденіе за ихъ трудъ—253,750 р.; т. е., хотя по 5 р. 50¹/₂ к. каждому. А получивъ, при освобожденіи, на первоначальныя насущныя потребности такую сумму—очень и очень многіе изъ бывшихъ заключенныхъ избѣгли бы вторичнаго водворенія ихъ въ тюрьмѣ за новыя прегрѣшенія, содѣяныя вслѣдствіе голода и не отысканія на первую же ночь по оставленіи тюрьмы пристанища...

Далѣе, существующая при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ съ 1869 г. особая коммисія для разработки тюремнаго вопроса, публикуеть, изрѣдка, въ органѣ названнаго Министерства, весьма отрывочныя и ничего не говорящія свѣдѣнія о своей дѣятельности; свѣдѣнія эти перепечатаваются всѣми газетами и читающая публика узнаеть, что есть какая-то коммисія, хлопочущая объ улучшеніи тюремъ, въ которыхъ плохо живется, но отчего именно плохо—это для всѣхъ остается непроницае-

мою тайною, которая вызывает естественное неудовольствие. Все это, вмѣстѣ взятое, навело насъ на мысль заняться изученіемъ Петербургскихъ мѣстъ заключенія. Однако всѣмъ вѣдь извѣстно, что двери нашихъ тюремъ широко растворяются только предъ впавшими въ преуспеяніе, да предъ высокопоставленнымъ начальствомъ; частный же человѣкъ (какимъ мы были касательно тюремъ) ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ туда проникнуть, хотя бы желаніе его было и самое благонамѣренное. Обстоятельство это поставило намъ весьма серьезную преграду, для устраненія которой намъ пришлось вынести не малыя затрудненія, даже неприятности. Усилія наши увѣнчались таки наконецъ успѣхомъ, благодаря просвѣщенному взгляду на дѣло 3-хъ лицъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи коихъ состоятъ здѣшнія тюрьмы. Лицамъ этимъ мы и спѣшимъ выразить за оказанное ими намъ содѣйствіе нашу искреннюю признательность.

Приобрѣвъ такимъ образомъ доступъ въ мѣста заключенія—этотъ темный миръ человѣческихъ страданій—мы занялись этимъ предметомъ со всевозможнымъ стараніемъ и вниманіемъ. Болѣе пяти мѣсяцевъ сряду мы одновременно, ежедневно, посѣщали тюрьмы, знакомились съ бытомъ арестантовъ посредствомъ многихъ, иногда и не безопасныхъ способовъ; терпѣливо выслушивали и болтовни и сѣтованія, изучали дѣйствительность въ сопоставленіи съ существующими о ней законами, порядками,—короче говоря ни предъ чѣмъ не останавливались, лишь бы достигнуть задуманной цѣли. И, ежели мы, сознаемся—и не совсѣмъ, быть можетъ, точно выполнили предположенную напередъ задачу,—то это произошло положитель-

но по независѣвшимъ отъ насъ причинамъ. Ни въ одной, напр., гражданской тюрьмѣ не ведется даже сколько нибудь сносной статистики преступленій; оттого, желая выбрать вѣрныя, о содержавшихся въ данный періодъ, цифры—мы въ исправительномъ, напр., заведеніи пересчитывали множество дѣлъ, рылись въ нихъ по цѣлымъ недѣлямъ. Разсмотрѣть денежную отчетность и промышленные обороты тюремъ—эти самыя большыя ихъ мѣста—намъ, не смотря на дозволеніе свыше во все вникать, или рѣшительно не дозволили, какъ въ тюремномъ замкѣ, или если и давали, какъ въ Срочной тюрьмѣ, цифры, то такимъ манеромъ, что не станемъ ручаться за безусловную ихъ вѣрность. Кое что, черезъ чуръ ужъ печальное, отъ насъ можетъ статья и скрывали (*) исключительно потому, что знали о цѣли нашей работы, состоявшей въ опубликованіи собранныхъ свѣдѣній, а гласность для нѣкоторыхъ служить пугаломъ, по ихъ мнѣнію «грѣшно выносить изъ избы соръ». Намъ передавали наконецъ изъ быта тюремъ и такіе эпизоды, которые не вошли въ нашу книгу единственно изъ основательнаго опасенія очутиться самому временно на зачѣствѣ въ тюрьмѣ за пресловутую диффамацию, такъ какъ обвиняемый въ диффамаци, какъ доказано судебною практикою, никогда не въ силахъ оправдаться... По мере накопленія матеріала мы постепенно печатали нашу работу въ «Судебномъ Вѣстникѣ». Судя по

и — — — — —

— — — — —

(*) Сомнѣніе это въ насъ зародилось, впрочемъ, только касательно срочной тюрьмы.

расходившимся экземплярамъ тѣхъ номеровъ, въ которыхъ появлялись наши статьи, да по отзывамъ, доходившимъ до насъ съ разныхъ сторонъ, трудъ нашъ обратилъ на себя вниманіе читателей названнаго изданія. Мало того: иные отрывки перепечатывались и въ другихъ газетахъ, напр. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ была нами помѣщена первоначально часть обзора полицейскихъ казематовъ. Критика же пропустила наши статьи безъ вниманія потому, кажется, что въ журналистикѣ господствуетъ нелѣпный обычай не касаться предметовъ, разбираемыхъ въ фельетонныхъ замѣткахъ. И вотъ, основываясь на мнѣніяхъ компетентныхъ лицъ, мы собрали всѣ статьи, тщательно пересмотрѣли, почти на половину дополнили ихъ новыми, не бывшими напечатанными свѣдѣніями и предлагаемъ ихъ вниманію читателей въ настоящей книгѣ. Мы видимъ въ нашемъ трудѣ прежде всего матеріалъ, пригодный для лучшей разработки тюремнаго вопроса. Затѣмъ разсматриваемые нами многочисленные вопросы, относящіеся до различныхъ сферъ, могутъ вызвать на серьезныя размышленія и такъ называемыхъ проницательныхъ читателей, специалистовъ въ юриспруденціи и лицъ, власть имѣющихъ, къ разумному разрѣшенію этихъ вопросовъ. Наконецъ обыкновенный читатель по нашей книгѣ вполне ознакомится съ дѣйствительнымъ тюремнымъ житьемъ-бытьемъ людей, лишающихся по разнымъ случаямъ свободы, чего доселѣ ему почерпнуть было не откуда; узнать же это не бесполезно для cadaго: сума и тюрьма всѣмъ, болѣе или менѣе, грозятъ...

Если читатель найдетъ, что указанная нами тройкаго

рода цѣль достигнута, то мы сочтемъ себя вознагражденными за тяжелый трудъ и моральныя непріятности, перенесенныя нами при изученіи петербургскихъ тюремъ, которыя въ Россіи врядъ ли, добавимъ, скоро получаютъ новую, хорошую организацію: на это требуется, но официально источникамъ, болѣе 50,000,000 руб.; а вазна сама терпитъ въ деньгахъ изрядную нужду..

Авторъ.

АРЕСТАНТСКІЕ КАЗЕМАТЫ

ПРИ

ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ЧАСТНЫХЪ ДОМАХЪ ПЕТЕРБУРГА.

I.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, 12 полицейскихъ частей, а въ каждой изъ нихъ имѣются арестантскіе казематы, въ которыхъ ежедневно содержатся подъ стражею лица всѣхъ званій,—обоего пола, числомъ всего отъ 600 до 700 человѣкъ (*). Заключаются эти лица подъ стражу: одни—для пресѣченія имъ возможности уклоняться отъ суда и производящихся о нихъ слѣдствій; другія—для вынесенія наложеннаго на нихъ мировыми судьями наказанія кратковременнымъ арестомъ, за различные, мелкіе проступки, когда въ срочной тюрьмѣ нѣтъ свободныхъ мѣстъ, или срокъ

(*) Свѣдѣній о томъ, за что именно содержатся въ частяхъ люди—въ нихъ никакихъ не ведется, а всѣ поступающіе туда подъ стражу записываются званіями, именами и фамиліями въ одну общую тетрадь, либо книгу, часто цѣлые годы, а при выпускѣ или переводѣ кого либо въ другія мѣста—дѣлается отмѣтка о томъ въ тетради, книгѣ; въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, частяхъ и этихъ книгъ за прежнее время нѣтъ.

ареста менѣ мѣсяца и ихъ въ названную тюрьму не принимаютъ; третья—подлежащія, по распоряженію администраціи, высылкѣ на родину за проживаніе безъ установленныхъ паспортовъ, за просрочку таковыхъ, для отбытія рекрутской повинности и т. под.; четвертая — забираемая на улицахъ за буйства, драки, въ пьяномъ видѣ, до вытрезвленія, за кражу и т. под. погрѣшности; пятая — добровольные заключенники, — люди, не располагающіе, по разнымъ несчастнымъ случаямъ, квартирами, пищею и приходящіе въ части искать пріюта и наконецъ, шестая — заблудившіяся и безродныя малолѣтнія дѣти.

Арестантскія камеры устроены почти вездѣ на двѣ половины, такъ что посрединѣ ихъ корридоръ. Лица привилегированныхъ сословій помѣщаются всякій, а иногда и по двое въ отдѣльной, маленькой комнаткѣ съ однимъ окошкомъ, съ желѣзною рѣшеткой. Внутри этихъ келій не чисто и не грязно, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ; убранство ихъ: кровать, на ней плохенькіе матрацъ и подушка, набитые соломой, сѣрое одѣяло, а возлѣ кровати — столикъ. Камеры же простолюдиновъ — средней величины комнаты, въ два-три окна (тоже, разумѣется, съ рѣшетками), въ нихъ: досчатая нары, на которыхъ днемъ лежатъ свернутые въ трубку жиденькіе, отъ времени, даже почернѣвшіе, матрацы, съ прогнившею насквозь соломой; ни подушекъ, ни одѣялъ тутъ ужъ не видать; да и самыя, впрочемъ, матрацы есть вездѣ только въ женскихъ отдѣленіяхъ; въ иныхъ же мужскихъ и ихъ не существуетъ. На полу въ мужскихъ простолюдинскихъ камерахъ повсюду толстый слой грязи; ночью арестованные испражняются въ камерахъ же, оттого воздухъ, которымъ

народъ принужденъ дышать, ужасно тяжелый, вонючій... Въ каждомъ казематѣ содержитсяъ отъ 20 до 40 человѣкъ, смотря по наплыву народа, т. е. числящіеся за судебными слѣдователями—въ одной; за мировыми судьями—въ другой, за управою благочинія—въ третьей, сбродъ—въ четвертой, а дѣти—въ пятой комнатахъ. Женщины живутъ въ однихъ частяхъ—этажомъ выше или ниже мужчинъ; въ другихъ—на разныхъ только корридорахъ отъ мужчинъ, въ третьихъ—въ одномъ корридорѣ, противъ мужскихъ казематовъ; въ иныхъ же благородные мужчины рядомъ кельями съ женщинами ихъ сословія и при желаніи, потихоньку, посѣщаютъ другъ друга; оттого бывали случаи размноженія рода человѣческаго... На нарахъ всѣмъ нибомъ образомъ помѣститься не могутъ, такъ какъ они устроены человѣкъ на 15 не больше; по этому многіе, нерѣдко и до половины, спятъ подъ нарами, да рядомъ съ ними, на голомъ, конечно, полу. Въ женскихъ отдѣленіяхъ стѣны въ болѣе или менѣе опрятномъ видѣ, стекла оконъ промыты, на полу гораздо меньше грязи и мовроты, нежели въ мужскихъ камерахъ. Уборка арестантскихъ камеръ лежитъ на обязанности живущихъ въ нихъ.

Верхнюю одежду всѣ арестованные носятъ свою; бѣлье хотя и дается разъ въ двѣ недѣли казенное, но оно такого свойства, что весьма немногіе изъ заключенныхъ пользуются имъ; большинство же предпочитаетъ ходить въ собственномъ, отъ бани до бани, такъ что, будучи въ ней, вымываютъ, тамъ же просушиваютъ его на полкѣ, потомъ надѣваютъ снова. Въ баню арестованныхъ водятъ два раза

въ мѣсяцъ; изъ однихъ частей—въ городскую тюремную баню, а изъ другихъ—гдѣ мѣстные содержатели бань люди сердобольные—въ ихъ частныя бани бесплатно, рано утромъ, когда въ баняхъ еще никого не бываетъ изъ вольныхъ людей. Заболѣвающихъ отправляютъ, для пользованія, въ лазареты, существующіе при городской и срочной тюрьмахъ. Свиданія съ родными и знакомыми дозволяются: бѣднымъ простолюдинамъ—разъ въ недѣлю, съвозъ рѣшетку, въ присутствіи полицейскихъ служителей, а привилегированнымъ, да состоятельнымъ людямъ два — три раза въ недѣлю, и даже чаще, въ особой, приличной комнатѣ, гдѣ они спокойно сидятъ рядомъ съ посѣтителями, при чемъ наблюдаютъ за ними лишь издали, дабы не стѣснять ихъ въ разговорахъ... Провинившихся сажаютъ въ карцеры, за маловажные проступки—въ не теплые и не холодные, а за значительные—въ холодные. Карцеры—это крошечныя бонурки, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и попавшій туда можетъ, какъ хочетъ—стоять, сидѣть или лежать—на полу; холодные карцеры во многихъ частяхъ со щелями въ стѣнахъ, черезъ которыя свободно проходятъ со двора не только морозъ, но и снѣгъ и дождь...

Проходя, однажды, въ трескучій морозъ, по корридору женскаго отдѣленія части, мы увидѣли высывавшіяся изъ дверныхъ окошечекъ рядомъ расположенныхъ карцеровъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго тонкою досчатою перегородкою—двѣ женскія фигуры.

— Пожалуйте баринъ ко мнѣ, пожалуйста, полюбуйтея хоть однимъ глазкомъ на мою авантажную квартиру, насмѣшливымъ тономъ заговорила заключенница.

— Зайди батюшка, зайди къ этой стервѣ, озлобленно подхватила другая, изъ сосѣдняго карцера; она вѣдь всѣхъ васъ соврушаетъ своей харей, ну и ты тоже займись...

— Молчи, старая барга, прививнулъ стражъ. Ну ужъ твой языкъ!

Мы вошли, изъ любопытства, въ первый карцеръ. Въ одномъ углу лежала изрядная вучка снѣга, пролившаго туда черезъ щель; въ другомъ было ведро для испражненія, а посрединѣ стояла, нервически улыбаясь, неумытая, 18 лѣтняя, стройная, рослая и дѣйствительно красивая дѣвушка въ грязномъ, ситцевомъ платьѣ и съ большимъ шерстянымъ платкомъ на головѣ. Большіе, выразительные и глубоко впавшіе глаза ея, спокойно, въ упоръ глядѣли на насъ; ея нѣжныя щеки были сини, а носъ и руки багровы отъ холода.

— За что вы сюда попали? спросили мы обладательницу авантажной квартиры.

— Да за пустяги: разодралась вонъ съ этимъ ехиднымъ оборотнемъ (она указала на сосѣдеу). А драка вышла у насъ изъ-за щей: она наровила спрятать ихъ на ужо, а я хотѣла доѣсть ихъ, потому проголодалась...

— Не вѣрь батюшка ей, анафемѣ, пожалуста не вѣрь: все вретъ, перебила другая. Она въ коридорѣ съ ундиромъ торкалась, я это подглядѣла, объявила, тихимъ манеромъ, омолодочному и тотъ ихъ шугнулъ. Со злости-то надо быть она послѣ и затеяла со мной драку. Я жаловаться за оплеухи, анъ вмѣсто защиты сама, по милости ея рожи поганой, очутилась, какъ и она, въ ко-

нурѣ. Вотъ она правда то людская!.. Батюшка! ослобони ради Бога, не то замерзну къ утру, право замерзну.

— А вы не боитесь, какъ она, замерзнуть?

— Холодно-то точно шибко холодно, но замерзнуть—нѣтъ: ежели совсѣмъ ужъ не въ терпежъ станеть—позову солдата согрѣеть гдѣ нибудь... Стѣсняться не стоить, коли жутко...

— Вѣдь она, окаянная, только батюшка, на свою харю и надѣется: кажинный изъ васъ, извѣстно, не прочь... Но я то горемышная, что батюшка, подѣлаю?... Не дай хресьянской душѣ околеть за правду, вели ослобонить отселя. Ее то, стемнѣеть, навѣрняка выпустятъ, а меня нѣтъ. Изверги проклятые!

— Да замолчишь ли ты, дьяволь эдакій, повторилъ, громче прежняго, стражъ. Угомонись, говорю, лучше, не то смотри худо тебѣ будетъ.

— Молчу, батюшка, молчу; хоть рѣжь меня все молча стерплю.

— Эта старушонка такая; доложу вамъ, злющая, въ свою очередь тоже оправдывался стражъ, что все и всѣхъ тутъ мутить, ни кому отъ нея николи покою нѣтъ.

— За правду, батюшка, стою, за правду, настаивала она, а здѣсь не любятъ ее, правды-то. Вотъ они и мучать меня и терзають... Что дѣлать? Богъ терпѣль и намъ велѣлъ. А на счетъ освобожденья-то пожалей хоть мою старость...

Стражъ плюнулъ съ досады, но ничего не отвѣтилъ ревнительницѣ правды.

Мы перешли въ ея карцеръ, гдѣ обстановка была совершенно одинаковая съ первымъ. Сама она, дряхлая,

еле живая, сидѣла, скорчившись, возлѣ двери и вся тряслась отъ стужи, которая была гораздо сильнѣе различныхъ лохмотьевъ, навьюченныхъ на этой жалкой старухѣ. Впрочемъ, немного погодя, обоихъ провинившихся выпустили изъ карцеровъ и размѣстили въ разныхъ камерахъ, дабы они опять не разодрались. Старуха и по словамъ другихъ арестантовъ была дѣйствительно несносное существо: оттого она постоянно устраивала различнаго рода скандалы.

Въ каждой помѣстительной части (въ нѣкоторыхъ большой недостатокъ въ камерахъ) есть по одному, по два каземата, въ которыхъ, такъ сказать, сваливаются забираемые ночью пьяные, буйные, безпаспортные, а также добровольно приходящіе въ части ночевать люди всѣхъ, безъ различія, сословій. Такихъ людей ежедневно бываетъ въ каждой части круглымъ числомъ: пьяныхъ до 30 мужчинъ и до 15 женщинъ (ихъ помѣщаютъ къ арестованнымъ женщинамъ), въ праздничные дни цифры эти удваиваются, въ большіе праздники даже утраиваются; добровольно же заключающихъ себя отъ 15 до 20 человекъ обоюго пола. Послѣдніе преимущественно простолюдины въ теченіе дня выпущенные безъ гроша денегъ изъ больницъ, изъ тюремъ, за истеченіемъ срока, на который они туда были посажены; за оправданіемъ ихъ по суду, лишившіеся по разнымъ случаямъ своихъ паспортовъ (напримѣръ, потеряли ихъ, или ихъ у нихъ украли въ 3-хъ копеечныхъ ночлегахъ), а равно ненашедшіе себѣ въ столицѣ работы и потому просящіеся отправить ихъ, въ видѣ милости, на родину по этапу, такъ какъ они на свой счетъ, по безденежью, не могутъ вернуться

туда. Съ наступленіемъ утра, всѣхъ сваливаемыхъ лицъ выводятъ изъ казематовъ, разсортировываютъ и отправляютъ, для водворенія на мѣсто ихъ жительства, по городу и въ разныя правительственныя учрежденія. Въ моментъ опустѣнія казематовъ они представляютъ сущій погромъ, точно поле битвы тотчасъ послѣ перемирія: доски нарѣ раздвинуты, иногда мѣстами даже поломаны, на полу лужи воды, кое гдѣ виднѣется и запекшаяся, и свѣжая кровь, повсюду валяются части шапочныхъ козырьковъ, доскуты рукавовъ отъ различныхъ вещей, куски голенищъ, цѣлыя подборы сапоговъ, ключья волосъ, словомъ все, что угодно!... Все это значить, что ночью тутъ была свалка всеобщая, всякій производилъ то безобразіе, какое ему нравилось во хмѣлю...

II.

На продовольствіе арестованныхъ изъ привилегированнаго сословія отпускается на руки, наличными деньгами, отъ 10 до 50 к. въ сутки. На послѣднюю, самую большую, цифру въ правѣ рассчитывать статскій совѣтникъ и полковникъ; такія, впрочемъ, лица чрезвычайно рѣдко попадаютъ въ части; обычные же заключенные — дворяне въ оберъ-офицерскихъ, да иногда въ первыхъ штабсъ-офицерскихъ чинахъ. Дворянинъ, прапорщикъ и коллежскій регистраторъ получаютъ 10 к., подпоручикъ и губернскій секретарь 12 коп. въ сутки; далѣе кормовыя увеличиваются въ такой же маленькой прогрессіи. Самыя деньги получаютъ арестованными отнюдь не раньше слѣдующаго за ихъ заключеніемъ дня; случается и два дня спустя; такъ что ежели у кого при

подобной оказіи нѣтъ собственныхъ денегъ, а также продовольствіа изъ дома, да смотритель не сжалятся надъ нимъ—ни дасть въ счетъ изъ своихъ денегъ, то приходится просто голодать. Кромѣ того и самыхъ 10—20 к. хватаетъ, при здѣшной дороговизнѣ: жизненныхъ припасовъ, только на то, чтобъ быть не голоднымъ, но и отнюдь не сытымъ, о горячемъ, напимѣрь, кушаньи и думать нельзя, а надлежитъ довольствоваться хлѣбомъ съ протухлой колбасой, ветчиной и проч. На прокормленіе простолюдиновъ и купцовъ (они, кромѣ почетныхъ гражданъ, содержатся вмѣстѣ съ простолюдинами; почетные же граждане пользуются положеніемъ привилегированныхъ сословій) полагается также, какъ на дворянъ и лицъ перваго чина, 10 к. въ сутки на человѣка. Но эти деньги, сложенные на 60—80 чел. (такое среднее число сидитъ обыкновенно въ частяхъ) вмѣстѣ составляютъ цифру, на которую они ѣдятъ по $\frac{1}{4}$ фун. мяса во щахъ, въ супѣ, $2\frac{1}{2}$ фун. хлѣба, да 5 разъ въ недѣлю кашу; въ постные дни кушанье бываетъ у нихъ постное: съ салакушкою, снѣтками и т. под. Обѣдаютъ въ 12 ч. дня, а ужинаютъ, разогрѣтыми остатками обѣда, въ 6—7 часовъ вечера. Самая пища удовлетворительная, довольно вкусная.

Продовольственная часть всѣхъ содержащихся въ частяхъ простолюдиновъ — находится въ вѣдѣніи одного полицейскаго чиновника, который занимается заготовленіемъ потребныхъ припасовъ хозяйственнымъ способомъ, совершенно самостоятельно слѣдующимъ образомъ: Комитетъ столичнаго попечительнаго о тюрьмахъ переасигновываетъ по 10 к. на каждого въ день на канцелярію оберъ-полиціймейстера, откуда чиновникъ распоря-

датель получает ежемѣсячно примѣрную сумму, закупаетъ на нее извѣстное количество соли, капусты, масла, говядины 2 сорта (последнюю беретъ по немногу, на нѣсколько дней, дабы она не испортилась), и все это хранить въ кладовой. Потомъ смотрителя полицейскихъ домовъ ежедневно утромъ доставляютъ ему телеграфическими депешами свѣдѣнія о числѣ людей, въ частяхъ содержащихся. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ распорядитель развѣшиваетъ положенное на число людей количество припасовъ и отправляетъ таковое со своимъ довѣреннымъ рабочимъ по частямъ, при накладныхъ. Далѣе смотрителя или ихъ помощники, принявъ продукты, возвращаютъ распорядителю отрѣзываемыя отъ накладныхъ квитанціи, въ полученіи означенныхъ въ накладныхъ и повторенныхъ въ квитанціяхъ припасовъ. Затѣмъ въ канцелярію оберъ-полицеймейстера ежемѣсячно представляютъ: распорядитель—общій отчетъ объ израсходованныхъ деньгахъ, вмѣстѣ съ ежедневными квитанціями, а смотрителя частей—вѣдомости о томъ, сколько въ какой день человекъ состояло на натуральномъ довольствіи. Всѣ эти документы ревизуются и составляютъ такимъ образомъ контроль. Хлѣбъ хоть тоже готовится распорядителемъ, но чрезъ посредство постоянного поставщика, который доставляетъ его прямо въ части. Всѣ продукты смотрителя обязаны свидѣтельствовать, а дурные браковать. Горячая пища варится въ частяхъ наемными кухарками, подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, но распорядитель, надзирающіе за продовольствіемъ особы 2 чиновника полиціи, объѣзжаютъ части для удостовѣренія въ доброкачественности пищи; тоже самое предоставлено

директорамъ тюремнаго комитета. Годовая цифра расхода на этотъ предметъ простирается до 14000 р., изъ этого, однако, капитала тратится на жалованье распорядителю (1800 р.), на наемъ рабочихъ, на содержаніе 2 лошадей, сбруи, телегъ, посуду и проч. 5000 р. въ годъ.

Довольствуются заключенные распорядителемъ, а не чрезъ подрядчиковъ, съ торговъ, потому, увѣряли насъ, что будто бы подрядчики не берутся за это дѣло: вслѣдствіе развѣшиванія по мелочи и развозки по частямъ оно весьма хлопотливо и не представляетъ матеріальныхъ выгодъ. Дѣйствительно ли это такъ—судить не беремъ. По нашему, правда, мнѣнію столь значительный капиталъ вручать одному лицу во всякомъ разѣ не цѣлесообразно,—тѣмъ не менѣе замѣтимъ, что настоящій распорядитель, въ сравненіи съ прежними, достоинъ похвалы: при его предмѣстникахъ горячая пища была очень плохая, а теперь, какъ мы выше замѣтили, порядочная; прежде каша давалась арестантамъ 2, а въ настоящее время 5 разъ въ недѣлю, а все это при нашей казенной не одобрительной системѣ веденія хозяйства—нельзя не приписать къ заслугѣ этого, въ своемъ родѣ, полезнаго дѣятеля. Одно только кажется намъ страннымъ—это доставленіе ему рапортичекъ утромъ, когда въ теченіи дня и вечера въ части постоянно прибываютъ осужденные къ содержанію и попавшіеся въ прегрѣшенія люди, на довольствіе которыхъ слѣдующимъ днемъ припасовъ не вытребовано. По этому люди сіи или должны сидѣть послѣдующій день голодными, либо довольствоваться пищею, отпущенною на ихъ товарищей по заключенію и тѣмъ самымъ уменьшить ихъ порціи напр. говядины, хлѣба навѣрное. По-

рядомъ присылки рапортичекъ необходимо перенести съ утра на вечеръ, дабы новоприбывшіе не оставались безъ пищи, а порціи сидящихъ не умалались, безъ ихъ вины.

III.

Благородные сидятъ, какъ сказано выше, почти каждый отдѣльно. Досугъ свой они посвящаютъ чтенію, которое имъ дозволяется. Оттого мы видѣли во всѣхъ почти ихъ кельяхъ историческія, — ученныя, учебныя книги; но между ними главное мѣсто принадлежитъ судебнымъ уставамъ, уложенію о наказаніяхъ и кассационнымъ рѣшеніямъ; беллетристическихъ же сочиненій нигдѣ, замѣчательно, не попадалось намъ на глаза. Мало того: одинъ молодой человекъ, увѣради насъ, въ годичный періодъ своего ареста почти наизусть вы зубрилъ всю исторію г. Соловьева; другой — физику, — разумѣется по теоріи; третій — уголовное судопроизводство и судебную медицину во всѣхъ ея проявленіяхъ, тогда какъ прибывъ подъ арестъ, никто изъ нихъ не обладалъ даже элементарными свѣдѣніями по названнымъ предметамъ. На сколько уединеніе способствуетъ развитію умственныхъ способностей между благородными арестованными, на столько же, если еще не въ большей степени, вредитъ оно на ихъ нравственное состояніе: многіе впадаютъ въ грусть, тоску, меланхолію, а иные приближаются къ помѣшательству...

— Я жилъ, до возбужденія противъ меня обвиненія, 10 лѣтъ сряду вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, отчаяннымъ голосомъ говорилъ намъ отставной офицеръ, лѣтъ 40.

И вдругъ меня оторвали отъ всѣхъ и запртали въ эту конуру, гдѣ я честнымъ путемъ лишенъ возможности подѣлиться хоть съ кѣмъ нибудь мыслию, впечатлѣніемъ, разучиваюсь, въ одиночествѣ, даже говорить!.. Признають меня, по суду, виновнымъ — я понесу безропотно кару правосудія. Но за что же я до рѣшенія суда страдаю въ безусловномъ молчаніи? Намъ толкуютъ, что это необходимо ради того, чтобы мы, будучи въ сообществѣ себѣ подобныхъ, — не ухитрились извратить свои дѣла, обмануть правосудіе. Свиданія съ родными, знакомыми намъ вѣдь однакожь позволяютъ имѣть. Теперь скажите ради Бога по совѣсти: кто скорѣй поможетъ мнѣ подкупить вреднаго для меня напр. свидѣтеля: посторонній ли человѣкъ, только сидящій со мной въ одной комнатѣ, или моя жена, пріятель, которые ходятъ по волѣ и которые любя, или жалѣя меня, найдутъ повсюду доступъ? Разумѣется послѣдніе. Стало быть размѣщеніе каждаго изъ насъ по отдѣльнымъ коморкамъ является лишь отдѣльнымъ, закономъ не установленнымъ мученіемъ,—мученіемъ, которое приводитъ меня, напр. словоохотливаго человѣка, въ ярость, въ бѣшенство!..

Такимъ образомъ простолюдинамъ, содержащимся въ общихъ камерахъ, несравненно лучше, нежели благороднымъ: первые могутъ свободно говорить промежь собою когда и о чемъ имъ вздумается, а послѣднимъ не съ кѣмъ и словомъ перекинуться. Далѣе, сажать на время слѣдствія, однихъ врознь, — только потому собственно, что они чиновники, офицеры, почетные граждане, а другихъ вмѣстѣ, — лишь оттого, что они простолюдины—несправедливо, кажется намъ, даже и по

*

принципу возмездія: одиночное заключеніе, и по приговору суда, есть наказаніе несравненно высшее, нежели простой арестъ совмѣстно съ другими. Съ какой же, спрашивается, стати подвергать этой тягчайшей карѣ чловѣка подслѣдственнаго, исключительно за его привилегированное рожденіе, за считающіеся за нимъ чины, словомъ за то, что не имѣеть рѣшительно ничего общаго съ совершеннымъ имъ преступленіемъ? Въ наше время, когда передъ закономъ всѣ сословія одинаково отвѣтственны, — столь различный (для однихъ .тяжелый, а для другихъ легкій) арестъ не долженъ существовать въ интересахъ самаго правосудія. И вотъ почему слѣдуетъ, полагаемъ, и привилегированныхъ подслѣдственныхъ лицъ (по крайней мѣрѣ по неважнымъ криминальнымъ дѣламъ) содержать съ ихъ хоть согласія по нѣскольку чловѣкъ въ комнатѣ, подобно тому, какъ содержатся простолюдины, которымъ благородные положительно завидуютъ въ этомъ отношеніи, о чемъ намъ заявили, при разговорахъ, многіе арестованные. Что же касается замѣчанія, которое намъ могутъ сдѣлать, что допустивъ желаемый нами порядокъ обвиняемый приобрѣтеть, посредствомъ онаго, случай имѣть стачки, намъ остается возразить, что 1) не слѣдуетъ сажать виновныхъ въ одномъ преступномъ дѣяніи вмѣстѣ, и 2) простолюдины содержатся же по 40 чловѣкъ въ одномъ казематѣ, и никто, тѣмъ не менѣе, не опасается, что они стаянутся и истина тогда не откроется, а виноватый останется правымъ. Такимъ образомъ, нѣтъ, кажется, никакого логическаго основанія напрасно, безцѣльно усугублять тяжесть заключенія благородныхъ подслѣдственныхъ людей.

Арестованные простолюдины сами убираютъ свои камеры, носятъ воду, пилятъ дрова и прислуживаютъ себѣ по кухонной части, поочередно 5—10 человекъ въ день. Затѣмъ громадное большинство сказки рассказываетъ, слушаетъ поученія разныхъ пройдохъ о томъ, какъ ловчѣ дѣло запутать, какъ и при какихъ обстоятельствахъ легче обокрасть чердакъ, сарай и т. под.; наконецъ, даже, бьютъ другъ друга (*).

Въ одномъ казематѣ намъ попалъ на глаза здоровый парень съ подбитымъ глазомъ и распаранною щекою. Мы спросили его: кто и когда его избилъ.

— Вчера вонъ этотъ Фильба, да не взаправду, а шутя отвѣтилъ онъ, ухмыляясь.

— Какъ же это можно шутя подбить глазъ?

— Да очинно, сударь, просто. Сидѣтъ здѣсь съ утра до ночи безъ дѣла—скува одолѣваетъ. Вотъ кто нибудь и почнетъ дразнить другаго, тотъ осерчаетъ и дастъ въ зубы, ты ему взадъ и пошла катавасія... Такъ и мы съ Фильбой: онъ меня обозвалъ лопухомъ, я его жеребичей породой. Онъ меня крѣпкимъ, что ни на есть, словомъ, я его въ ухо. Онъ мнѣ по скулѣ, я его по башкѣ. Потомъ оба вспылили и знатно поколошмятились. Подярепья на досугѣ и разговоры, глядишь, потомъ, на полдня хватить, кто значить кого ловчей дубасилъ. Оно и занятно...

(*) Въ двухъ частяхъ говорили намъ, что, при всемъ желаніи устроить мастерскія, это трудно сдѣлать: нѣтъ свободныхъ помѣщеній, нѣтъ средствъ купить различные инструменты, которыхъ требуется во множествѣ экземпляровъ; въ третьей части есть миниатюрная столярная и работать въ ней охотниковъ всегда много.

Сожители парня, подтверждая его рассказ, пренаивно хихикали...

Тюремный комитетъ, правда, снабжаетъ части множествомъ экземпляровъ Евангелія, молитвенниковъ, да книги эти почти не читаются, а если арестанты и берутъ ихъ, то ради того преимущественно, чтобы вырывать изъ нихъ листы на завертку въ нихъ табаку, въ видѣ папиросъ (*); мало же охотниковъ на названное чтеніе по нѣсколькимъ причинамъ: во первыхъ, въ числѣ арестованныхъ многіе вовсе неграмотны, во вторыхъ—большинство грамотныхъ простолюдиновъ наизусть знаютъ молитвы, слѣдовательно, они изъ молитвенниковъ ровно ничего не узнаютъ новаго, интереснаго; въ третьихъ, истые мазурики индифферентно относятся къ предметамъ религіознаго свойства, а потому не только сами не станутъ читать Евангеліе,—но чудодѣйственными разсказами о своихъ похожденияхъ, да ѣдкими подтруниваніями отвлекутъ отъ этого занятія и самаго религіознаго челоуѣка. Между тѣмъ эти-то мазурики, предпочтительно передъ прочими, избираются арестованными въ старосты по камерамъ, а сдѣлавшись нѣкоторымъ образомъ начальственной персоною, — пользуются сильнымъ вліяніемъ на остальныхъ.

IV.

Обязанности старосты — наблюдать за порядкомъ въ

(*) Курить табакъ оффициально имъ возбраняется, но потихоньку можно. Курятъ преимущественно въ отхожихъ мѣстахъ, въ кухняхъ и т. п. мѣстахъ, куда начальство рѣдко заглядываетъ.

казематѣ, принимать подавнїя, когда таковыя приносятъ различные чадолюбивые купцы, дѣлить эти булки между публикою, водворять новобранцевъ, т. е. указывать имъ гдѣ лечь: на нарахъ, или подъ ними, а также изыскивать способы къ улучшенію продовольствїя, къ добычѣ сердце увеселяющаго зелья. На все это требуется изрядный навыкъ, сноровка, нѣкоторый (пожалуй) даже и талантъ. На изобрѣтеніе необыкновенныхъ источниковъ надо: а) изощрять умъ, знаніе и б) подобный способъ сопряженъ съ рискомъ очутиться въ холодномъ карцерѣ. Поэтому, они ограничиваются болѣе подходящими и менѣе опасными средствами — ограблывать новичковъ. Самая хорошая, въ этомъ смыслѣ, жатва бываетъ позднимъ вечеромъ; въ это время (когда наполняются народомъ казематы, отведенные исключительно для ночлега пьяныхъ, буйныхъ, да пойманныхъ съ похищеннымъ добромъ) арестованные вообще, а старосты въ особенности нетерпѣливо ждутъ добычи, въ лицѣ прилично одѣтаго человѣка, которому въ названныхъ карцерахъ не достанетъ мѣста, и его приведутъ, для ночлега, къ нимъ — слѣдственнымъ, осужденнымъ и проч. Точно страстный охотникъ въ лѣсу, они тогда чутко прислушиваются ко всякому говору, шороху на лѣстницѣ, и лишь до нихъ донесется тяжелое топанье сапоговъ, бурливый говоръ, — они совершенно смолкаютъ, даже дыханье сдерживаютъ отъ нетерпѣнїя.

И вотъ снаружи звякнулъ запоръ каземата, дверь полуотворилась и раздался возгласъ городскихъ: «Староста принимай!» и мигомъ высочить нѣсколько дюжихъ людей, схватятъ жертву кто за что попало, втащутъ ее въ

каземать, дадутъ городовымъ удалиться, а потомъ накидываются на новоприбывшаго, и если онъ безропотно подчинится своей участи, то у него только отнять всё вещи, годныя для обмѣна на деньги. Когда же онъ вдумаетъ сопротивляться — его силою перефрантъ изъ хорошихъ вещей въ отрепья, да вдобавокъ еще всё бока переломають... Въ подкрѣпленіе нашихъ словъ расскажем на выдержку два недавно совершившихся факта, достовѣрность которыхъ неоспорима.

Однажды, по случаю какого-то торжественнаго дня, лицо, принадлежавшее къ составу полиціи, раздавало даровые билеты на спектакль. Народу у его квартиры набралось, естественно, много. Проходившій мимо чиновникъ остановился поглазѣть, изъ любопытства, на толпу. Вдругъ люди хлынули впередъ и выдавили стекло въ дверяхъ лѣстницы, при чемъ чиновникъ какъ то очутился впереди. Его тотчасъ же схватили, свели въ часть и (не смотря на то, что онъ былъ трезвый, не признавалъ себя виновнымъ, предлагалъ, во избѣжаніе непріятностей, заплатить за стекло рубль — два; указывалъ свой адресъ) — втиснули въ казематъ головорѣзовъ, которые кинулись на него и принялись снимать: кто — пальто, кто — сюртукъ; кто — часы, сапоги и т. д. Онъ затѣялъ со своими грабителями борьбу, но не только былъ побѣжденъ, а еще весь изломанъ и потомъ затиснутъ подъ нары. На разсвѣтъ у него, изнеможеннаго физически и нравственно, кто то замѣтилъ перстень на пальцѣ и безъ дальнѣйшихъ околичностей началъ его снимать; такъ какъ чиновникъ добровольно не отдавалъ его, а сжалъ руку въ кулакъ, то одинъ держалъ его, а другой вусалъ

ему пальцы до тѣхъ поръ, побуда онъ разжалъ кулакъ и остался безъ перстня. Въ пылу отчаянія онъ закричалъ во всю мочь «карауль», взбудоражилъ начальство и дежурный офицеръ, явась на крикъ, сжалился надъ нимъ, вывелъ его изъ вертепа и помѣстилъ въ пріемной комнатѣ, откуда, по наступленіи дня, его отправили, для водворенія, на мѣсто жительства. Побои, чиновнику нанесенные, были столь сильны, что онъ двѣ недѣли пролежалъ въ постели и засимъ прохворалъ мѣсяца два.

Домоуправляющій, мѣщанинъ, попалъ, ночью, въ часть, за буйство. Смотритель, зная, что въ общей камерѣ его оберутъ — посадилъ его въ благородный номеръ. Жаждавшіе добычи арестанты пронюхали это и нѣсколько часовъ сряду караулили его у дверей, и дождавшись, когда онъ, въ утру, пошелъ мимо, для естественныхъ отправленій, — подозвали его, говоря, что между ними есть его бо ль н о й землякъ, который проситъ его зайти къ нему поговорить по весьма важному дѣлу. Онъ повѣрилъ словамъ говорившихъ, вошелъ и мигомъ былъ растерзанъ, такъ что остался въ одномъ бѣльѣ, да еще избитый.

Судя по многократнымъ заявленіямъ, дѣлаемымъ разными лицами мировымъ судьямъ, при ихъ судимости, — побоища и грабежъ въ арестантскихъ въ сильномъ ходу и до сихъ поръ.

V.

Сбываютъ арестованные описаннымъ манеромъ добытыя вещи, въ то преимущественно время, когда ихъ водятъ въ мировые суды, въ управу благочинія, дорогою, на лѣстницахъ, а то такъ даже и въ самыхъ камерахъ судовъ

и особливо управы. Большую, въ этомъ отношеніи, помощь оказываютъ арестованнымъ полицейскіе служители, которые, получая ничтожное жалованье (самое большее 100 р. въ годъ) вынуждены, по бѣдности, пользоваться хоть нѣкоторою долею арестантскихъ доходовъ, образующихся чрезъ сбытъ награбленныхъ вещей. Они же снабжаютъ арестантовъ, за возвышенныя въ 3—5 разъ цѣны, табакомъ и водкою.

Какъ для продажи пріобрѣтенныхъ физическою силою вещей, такъ равно, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, арестованные посылаютъ, чрезъ знакомыхъ, при свиданіяхъ по праздникамъ, разнымъ судьямъ просьбы, содержащія въ себѣ небывалыя иски; вслѣдствіе этихъ просьбъ ихъ вызываютъ, потомъ, для судоговоренія; иски они само собою разумѣется проигрываютъ (это они сами заранѣе знаютъ), за то главная цѣль ихъ симъ путемъ осуществляется. Написать-же просьбу самаго убѣдительнаго достоинства арестованнымъ не представляется ровно никакого затрудненія: въ арестантскихъ нѣтъ никогда недостатка въ крючкотворныхъ ходатаяхъ по мировымъ судьямъ. Мы видѣли въ нѣсколькихъ арестантскихъ въ своемъ родѣ извѣстныхъ ходатаевъ, содержавшихся за различныя плутни, а въ числѣ ихъ одного кушца, который въ началѣ введенія въ Петербургѣ мирового суда писмоводительствовалъ и былъ правою рукою у судьи, оставившаго сіе поприще изъ за куръ, которыхъ онъ, въ своей должностной цѣпи, выгонялъ со двора. По удаленіи судьи, эскъ-писмоводитель велъ довольно долго множество самыхъ разнообразныхъ дѣлъ въ здѣшнемъ мировомъ судѣ, — дѣлъ, благодаря которымъ попалъ въ

часть, былъ судимъ обружнымъ судомъ, лишень правъ состоянія и сосланъ въ Архангельскую губернію.

Въ камерахъ простолюдиновъ народу всегда много и тѣснота непомѣрная. Происходитъ это, рассказывали намъ зрителя частей, преимущественно оттого, что въ срочной тюрьмѣ, на Выборгской, не принимаютъ на содержаніе такихъ людей, которые приговариваются мировыми судьями къ заключенію въ названной тюрьмѣ на время менѣе мѣсяца. Поступаетъ тюремное начальство такъ потому, что по правиламъ тюрьмы обязаны работать только заключенные туда на мѣсячный и болѣе продолжительный срокъ; осужденные же на двѣ—на три недѣли подъ стражу вправѣ и не работать, если не захотятъ; такимъ образомъ подобный народъ даромъ, такъ сказать, ѣсть тюремный хлѣбъ, что для интересовъ тюрьмы не выгодно. Мы не станемъ касаться того, на сколько порядокъ сей согласуется съ учрежденіемъ тюрьмы,—а лишь замѣтимъ, что коль скоро человекъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ, то содержаніемъ его въ части измѣняется смыслъ приговора, а этого администрація дѣлать по закону не вправѣ. Оттого нѣсколько судей рѣшились, какъ слышали мы, возбудить чрезъ прокурорскій надзоръ вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ тюремнаго начальства.

Спасская часть (на Сѣнной) пользуется почему-то особенно мрачной славой въ отношеніи своей тюрьмы. Но внимательно обозрѣвъ полицейскія арестантскія и сравнивая ихъ между собою, мы принуждены сказать, что въ арестантскихъ Спасской части гораздо лучше, нежели въ прочихъ частяхъ. Въ простолюдинскихъ, напримѣръ, ка-

зематахъ вездѣ воздухъ довольно свѣжій, стекла въ окнахъ промыты, стѣны сносно выбращены; на полу, на нарахъ сырости, грязи весьма мало, а въ благородныхъ камерахъ безъ преувеличенія хорошо: стѣны оклеены свѣтлыми, на взглядъ пріятными обоями, комнаты убраны прилично и ихъ можно скорѣй назвать кельями женскихъ монастырей (въ женскихъ всегда порядочнѣй мужскихъ), чѣмъ казематами; короче говоря, перенесите эти комнаты въ вольный домъ и всякій бѣдный, одинокій человекъ охотно поселится въ нихъ и станетъ платить за каждую комнату 5 руб. въ мѣсяць.

VI.

Вотъ, читатель, вѣрная, безъ всякихъ прикрасъ, картина житія-бытія арестованныхъ при частяхъ. Намъ остается искренно пожелать, чтобъ этотъ бытъ улучшился, а система содержанія въ частяхъ измѣнилась бы радикально, а пока это совершится: во 1-хъ, возможно скорѣйшаго устройства предполагаемой въ Петербургѣ земской тюрьмы, въ которую должна перейти по крайней мѣрѣ половина содержащихся въ частяхъ; тогда въ послѣднихъ освободится значительная часть, въ настоящее время занятаго, помещенія, отчего въ нихъ станетъ просторно, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чисто; во 2-хъ, теперь же необходимо завести, во всѣхъ частяхъ, мастерскія; по всѣмъ отрясламъ ремесль, необходимо снабжать части, еромъ духовныхъ, книгами свѣтскаго содержанія, напр. историческаго, естественнаго, и, наконецъ, въ 3-хъ, отвести въ одномъ изъ множества городскихъ зданій

помѣщеніе для даровыхъ, временныхъ ночлеговъ лицъ, неимѣющихъ гдѣ пріютиться, вслѣдствіе ихъ нищеты, болѣзни, да образовать при томъ же помѣщеніи благотворительное Общество, которое пристраивало бы этихъ злосчастныхъ людей къ мѣстамъ, выхлопывало бы имъ, вмѣсто потерянныхъ, новые паспорта, помогало бы имъ пособіями отправиться на родину вольнымъ порядкомъ. Но такъ или иначе, а лица эти ни въ какомъ случаѣ не должны оставаться въ настоящемъ ихъ горькомъ положеніи въ сообществѣ воровъ, пьяницъ и т. п. отребья столичнаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОКЪ.

I.

Въ книгѣ «Описаніе Петербурга», составленной въ 1750 г. помощникомъ-библіотекаря академіи наукъ Алексѣемъ Богдановымъ и потомъ дополненной и вновь изданной въ 1779 г. директоромъ новороссійскихъ училищъ, надворнымъ совѣтникомъ Рубаномъ, на 157 стр. сообщается, что на с.-петербургской сторонѣ, въ концѣ большой Никольской слободы, гдѣ прежде была губернская канцелярія, помѣщался одинъ изъ трехъ тогдашнихъ остроговъ. Далѣе, на 86 стр. поясняется, что при губернской канцелярії, бывшей въ концѣ большой Никольской улицы и завѣдывавшей судными и розысканными дѣлами, состоялъ острогъ для содержанія въ немъ колодниковъ; построенъ этотъ острогъ, по словамъ авторовъ, въ 1714 г. Наконецъ, на 310 стр. между прочими церквами поименовывается «на полковомъ, морскомъ дворѣ церковь во имя св. Николая чудотворца». Церковь, известная нынѣ подъ именемъ Николы морскаго, морская возлѣ нея казарма старинной постройки, и близость къ этимъ двумъ зданіямъ теперешняго тюремнаго замка— все это, въ совокупности взятое, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что замокъ—тотъ самый острогъ, про который

рассказывают Богдановъ и Рубанъ (*). Однако, продолжали ли колодники въ послѣдующихъ царствованіяхъ томиться въ этомъ острогѣ или нѣтъ—достоверно неизвѣстно; легенда же, напротивъ, гласитъ, будто бы въ царствованіе Анны Іоанновны (1730.—1740 г.) въ замкѣ жилъ знаменитый ея фаворитъ Биронъ, а послѣ него какой-то литовскій князь, отъ имени котораго будто бы зданіе въ послѣдствіи, какъ читатель узнаетъ ниже, и получило названіе казармы «литовской».

Недостатокъ и дурное состояніе мѣстъ для заключенія лицъ, впадавшихъ въ преступленія, породилъ еще въ мартѣ 1812 г. вопросъ объ устройствѣ въ Петербургѣ вмѣсто тогдашнихъ «кордегардій» хорошую тюрьму. Но событія отечественной войны поглотили собою всѣ меньшіе по значенію государственные вопросы, въ томъ числѣ и тюремный. Затѣмъ, по окончаніи наполеоновскихъ войнъ остались безъ употребленія нѣсколько бывшихъ дотолѣ казармъ, между которыми значились и литовскія, переданныя военнымъ вѣдомствомъ, за излишествомъ, въ вѣдѣніе гражданскаго вѣдомства. Тогда, только-что учредившееся (въ 1820 г.), по примѣру заграничныхъ, попечительное о тюрьмахъ общество снова подняло вопросъ о тюрьмѣ и путемъ усиленныхъ ходатайствъ добилося того, что въ сентябрѣ 1822 г. послѣдовало Высочайшее

(*) Недавно на дворѣ замка прорывали канаву для прокладки водопроводныхъ трубъ, причемъ аршина на 3—4 отъ поверхности земли обнаружился каленый кирпичъ, столь правильно и прочно выложенные, что весьма легко допустить, что ниже ихъ нѣкогда тоже было жилое помѣщеніе.

повелѣніе: зданіе, именовавшееся литовскими базармами, обратитъ въ тюрьму. Приобрѣтя такимъ образомъ зданіе, общество, въ теченіи полутора года, приспособило его быть тюремнымъ замкомъ.

На какихъ именно началахъ организовалась эта тюрьма, сколько и откуда въ нее первоначально поступило народу, за какого рода преступленія, что въ ней, нотомъ, послѣдовательно происходило—все это весьма любопытные факты; тѣмъ не менѣе, мы, въ сожалѣнію, не можемъ ихъ сообщить читателямъ. Во-первыхъ матеріалы разбросаны въ сильнѣйшемъ безпорядкѣ по различнымъ архивамъ, доступъ въ которые по многимъ причинамъ былъ для насъ очень труденъ; во-вторыхъ—и главное—20 декабря 1869 г. минуло 50 лѣтнее существованіе почительнаго въ Россіи о тюрьмахъ общества и Петербургскій Тюремный Комитетъ, въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, составляетъ историческое обзорѣніе своихъ дѣйствій; опубликованіе же фактовъ, относящихся до тюремъ прежняго времени, раньше появленія въ свѣтъ названнаго труда—признается неудобнымъ. Оттого-то мы и вынуждены ограничиться тѣми позднѣйшими данными, какія собрали хотя и помимо комитета — но тоже, однако, изъ достовѣрныхъ источниковъ.

II.

Замокъ состоитъ въ вѣдѣніи министерствъ: внутреннихъ дѣлъ (по части полицейской, продовольственной и проч.) и юстиціи (прокурорскій надзоръ). Непосредственное начальство надъ замкомъ ввѣрено столично-

му попечительному о тюрьмахъ комитету и смотрителю замка. На основаніи 15 ст. устава о содержащихся подъ стражею (т. XIV св. зак.) попеченіе о нравственномъ и физическомъ состояніи содержащихся въ замѣхъ людей лежитъ на обязанности тюремнаго комитета, который, въ лицѣ одного изъ своихъ директоровъ, завѣдываетъ всею хозяйственною частью замка (ст. 81 и 82); комитетъ же заботится, согласно 9 п. 30 ст. устава, о скорѣйшемъ разрѣшеніи участи заключенныхъ. Администрацію и полицію замка составляютъ: смотритель, его помощники и низшая прислуга. Далѣе, согласно инструкціи 1831 г. (вошедшей въ приложение къ уставу, а для петербургскаго замка съ нѣкоторыми измѣненіями перепечатанной въ 1852 г.), первыя съ улицы глухія, желѣзныя ворота замка отъ утренней до вечерней зари только задвигаются съ внутренней стороны желѣзною задвижкой, и когда человѣкъ позвонитъ въ волокольчичъ—отпираются изъ внутри и звонившій впускается подъ арку; тамъ вторыя, тоже желѣзныя, но ужъ рѣшетками, ворота всегда заперты на замѣхъ. Когда впущенный подъ арку человѣкъ подойдетъ къ нимъ, дежурный унтеръ-офицеръ спрашиваетъ его: кто онъ и къ кому именно пришелъ? Если ему нуженъ кто либо изъ начальствующихъ въ замѣхъ лицъ, то дежурный приказываетъ: одному подчасковому-отпереть и эти ворота, а другому—проводить пришедшаго по указанію; если же явившійся желаетъ видѣться съ кѣмъ нибудь изъ заключенныхъ или принесть имъ пищу, то ждетъ разрѣшенія впуска отъ смотрителя. На ночь обои ворота запираются внутреннимъ и висячимъ замками и ключи

отъ нихъ хранятся у караульнаго офицера, который лично обязанъ: а) разспрашивать проходящихъ въ теченіе ночи лицъ; б) распорядиться строгимъ обыскомъ тѣхъ, кто является къ начальствующимъ въ замкѣ лицамъ; в) неизвѣстныхъ вовсе не впускать; г) мусорщиковъ, при въѣздѣ и выѣздѣ, осматривать, а во время ихъ работъ обставлятъ карауломъ.

Смотритель замка, согласно вышеозначенной инструкции, кромѣ того, что о немъ ужъ сказано, есть главный сотрудникъ тюремнаго комитета, и съ содержащимися въ замкѣ «арестантами» (*) долженъ обходиться кротко, человѣколюбиво, разспрашивать ихъ о ихъ нуждахъ, доставлять имъ «иногда нѣкоторыя пособія» и ласковымъ съ ними, при ихъ трудахъ, разговорами снискать къ себѣ ихъ довѣренность. И наоборотъ: онъ не вправѣ оставлять ни одного нарушенія арестантами тюремныхъ правилъ безъ взысканія, а обязанъ карать провинившагося со всею точностью, твердостью, соблюдать при томъ спокойствіе духа, отнюдь не предаваться вспыльчивости, досадѣ, а хладнокровіемъ своимъ удостовѣрять виновнаго, что налагаемое на него наказаніе основано на справедливости; предписывается же ему поступать столь энергически потому, что «малѣйшее въ чемъ либо послабленіе можетъ быть причиною большихъ проступковъ, способно породить дурныя послѣдствія». Въ хозяйственную часть замка смотритель прямо не вмѣшивается: на это есть

(*) Такъ, на основаніи 6 ст. уст. о содержаніи подъ стражею, именуются всѣ безъ изыятія сидящіе въ замкѣ, со времени восслѣдованія указа 24 іюля 1816 г.; до того же времени назывались колодниками и преимущественно невольниками.

подчиненный комитету особый экономъ, который въ управленіи своей должности руководствуется преподаанною ему комитетомъ особою инструкціею; но косвенно экономъ въ зависимости смотрителя: послѣдній надзираетъ за дѣйствіями перваго и о всякихъ его неисправностяхъ доноситъ комитету. Смотритель блюдетъ за поведеніемъ арестантовъ и вмѣстѣ съ своими помощниками «печетъ ся объ ихъ исправленіи вообще, а въ особенности о несовершеннѣйшихъ, впавшихъ въ преступленія по неопытности, незрѣлости разсудка». Смотритель же возбраняетъ арестантамъ: читать собственныя книги, безъ предварительнаго ихъ разсмотрѣнія, играть въ карты, въ шашки, кости, имѣть въ камерахъ чернила, карандаши, бумагу, пѣть, играть на инструментахъ, курить табакъ, сигары, рѣзвиться, проклинать, божиться, укорять другъ друга, шумно разговаривать, хохотать; онъ «заставляетъ» всѣхъ свободныхъ отъ занятій арестантовъ ходить въ праздники въ церковь; наконецъ, не допускаетъ вносить, безъ его разрѣшенія, горячіе напитки, а, извѣстясь о противномъ, приказываетъ при себѣ же выливать оныя на землю, нарушителя высылаетъ вонъ изъ замка и ужъ болѣе никогда и ни въ кому не впускаетъ его.

Врачъ замка, независимо управленія больницею, ежедневно обязанъ осматривать и здоровыхъ арестантовъ въ занимаемыхъ ими камерахъ, заботиться о сохраненіи ихъ здоровья и о чистотѣ воздуха, отвѣдывать лицу, питье, свидѣтельствовать приносимые въ замокъ подаанныя припасы—хорошаго-ли они качества.

Священникъ, занимаясь богослуженіемъ, обязанъ подавать собою примѣръ кротости, благонравія, благоче-

*

стія, увѣщевать и наставлятъ арестантовъ, назначать имъ читать «приличныя (?) мѣста изъ церковныхъ книгъ», знакомиться съ нравственностью каждаго изъ нихъ, расположить ихъ къ себѣ, обучать грамотности и закону Божію несовершеннолѣтнихъ арестантовъ.

Принимаются въ замокъ арестанты, для содержанія, во всякое время дня и ночи, безъ различія дней. Каждаго новоприбывшаго помощникъ смотрителя обыскиваетъ, въ присутствіи караульнаго офицера и конвойныхъ, чтобы онъ не пронесъ ножа, бритвы и т. п. опасныхъ орудія. Потомъ врачъ свидѣтельствуетъ состояніе его здоровья, затѣмъ его переодѣваютъ въ арестантское платье и отводятъ, по роду его преступленія, въ камеру, куда онъ не беретъ съ собою ровно ничего собственнаго: все, чѣмъ онъ располагалъ, отбирается и хранится впредь до его выпуска, или ссылки. Камеры, въ коихъ живутъ арестанты, начальство обязано какъ можно чаще осматривать и если притомъ у кого нибудь изъ арестантовъ найдутся деньги, то изъ нихъ первый разъ — четверть, второй — половина, а третій — всѣ цѣликомъ обращаются въ кружку. Размѣщаться арестанты по камерамъ должны сколько возможно по роду и важности ихъ преступленій, отнюдь не смѣшивая «чиновныхъ съ чернью». Арестанты осужденные отдѣляются, по закону, отъ прочихъ и ни на какія работы не наряжаются. Въ баню арестантовъ водятъ и бѣлье имъ мѣняютъ еженедѣльно; а волосы надлежитъ, по уставу, стричь ежемѣсячно, «дабы длинныхъ не запускать». Чистоту и опрятность въ камерахъ слѣдуетъ соблюдать со всею строгостью.

Продовольствовать арестантовъ надлежитъ, согласно

уставу, пищею, приготовляемою въ замкѣ, на счетъ суммъ, отпускаемыхъ казною кормовыми, да изъ запасовъ, принимаемыхъ отъ благотворителей, причемъ никому изъ арестантовъ не дозволяется употреблять собственной пищи; казенная же должна быть «умѣренная», доброкачественная и заключается въ обѣдѣ и ужинѣ, на что полагается въ сутки на человѣка: благороднымъ: 2 ф. хлѣба, щи, или супъ, въ скоромные дни съ говядиною, въ постные — съ рыбою, каша, а простолюдинамъ: 2 1/2 ф. хлѣба, щи, похлебка, горохъ; въ которые класть «нѣсколько (?) сала», постнаго масла; пить всѣмъ квасъ.

Вставать арестанты должны, по звону въ колоколъ, лѣтомъ — въ 5, а зимою — въ 6 часовъ утра, ложиться же спать въ 8 и 9 ч. вечера; тогда же они повѣряются всѣ ли на лицо. Убираютъ утромъ камеры арестанты-простолюдины, по окончаніи чего всѣ умываются и грамотные въ каждой камерѣ читаютъ вслухъ молитвы, а остальные стоятъ смирно; потомъ приставники выводятъ назначенныхъ, по очереди, на работы, занятія ремеслами, въ теченіе коихъ они вправѣ перекидываться «приличными» (?) и лишь до ихъ работы относящимися вопросами; для лучшаго же достиженія тишины въ мастерскихъ — одинъ изъ арестантовъ громогласно читаетъ духовнаго содержанія книги. Упражненія арестантовъ зависятъ отъ комитета и состоятъ въ чтеніи духовныхъ книгъ, въ обученіи несовершеннолѣтнихъ словеснымъ наукамъ и письму. Работы учреждены въ пользу замка, а равно на продажу, да по заказамъ. Число рабочихъ часовъ полагается: съ марта по сентябрь — по 10, а съ сентября по

мартъ — по 8 часовъ въ день; число этихъ часовъ можетъ, впрочемъ и измѣняться «по усмотрѣнію». Цѣна тюремнымъ издѣліямъ опредѣлена умѣренная, не болѣе той, во что оныя обходятся въ матеріалѣ, съ надбавкою небольшой суммы за трудъ. Выручаемая за сдѣланныя вещи деньги распредѣляются: одна треть — для нуждъ арестантовъ во время ихъ заключенія (причемъ въ руки имъ воспрещается давать деньги); другая — выдается работавшимъ при освобожденіи ихъ изъ замка на волю, а осужденнымъ въ Сибирь — покупаются потребныя имъ на дорогу вещи; послѣдняя же треть — на приобрѣтеніе инструментовъ, матеріаловъ, вообще на содержаніе мастеровскихъ. Предметы ремесль, которыми должно заниматься арестантовъ, суть слѣдующіе: благородныхъ — клееніемъ пакетовъ, картонокъ, пряденіемъ льна, пеньки, шерсти, сученіемъ бумаги, шелку, нитокъ, вязаніемъ чулокъ, фуфаякъ, вышиваньемъ, шитьемъ и починкою платья, бѣлья; простолюдиновъ — треніемъ сандала, баккаута, плетеніемъ ковровъ, матовъ, трепаньемъ пеньки, льна, дѣланіемъ корзинокъ, вязаніемъ сѣтокъ, лаптей, калошъ, разбираниемъ шерсти, волоса, щипаньемъ корпии, канатовъ, шлифованьемъ мрамора, гранита, плитъ, растираніемъ красокъ, портняжествомъ, сапожничаньемъ, столярнымъ, слесарнымъ, токарнымъ и проч. (до 10) ремеслами.

Посѣщать арестантовъ дозволяется разъ въ недѣлю, по праздникамъ только: дѣтямъ — родителей, сестрамъ — братьевъ, женамъ — мужей, и наоборотъ, если на это нѣтъ особаго воспрещенія; арестантамъ же, обвиняемымъ въ важныхъ преступленіяхъ, въ кражѣ, даже заподозрѣваемымъ въ послѣднихъ, и находящимся въ больни-

цѣ, свиданіе съ родными возбраняется, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда больные безнадежны къ выздоровленію.

Тюремныя прегрѣшенія наказываются по закону содержаніемъ въ карцерахъ: первый разъ—отъ 1 до 3 сутокъ, второй—отъ 3 до 5 на обыкновенной пищѣ, третій—отъ 3 до 6 на хлѣбѣ и водѣ; за серьезные же проступки простолоудины сбьются розгами съ разрѣшенія оберъ-полиціймейстера (*), а о благородныхъ доносится прокурору, для совокупнаго ихъ сужденія,—а всѣ, кромѣ того, лишаются права на свиданія: первый разъ—недѣлю по возвращеніи въ общую камеру, второй разъ — двѣ недѣли, и дальше въ такой же прогрессіи.

Возить арестантовъ въ присутственныя мѣста приказывается въ запертыхъ фургонахъ (кромѣ больныхъ мужчинъ и беременныхъ женщинъ); тѣмъ не менѣе, сопровождающимъ арестантовъ конвойнымъ вмѣняются закономъ совершенно лишнія, даже забавныя правила: чтобы арестанты: а) въ пути не учинили побѣга; б) по улицамъ не просили милостыни; в) не останавливались для сего противъ домовъ; г) не пили водку; д) не принимали ни отъ кого никакихъ вещей, оружія (ст. 134). Всѣ эти, повторяемъ, предосторожности предписывается принимать противъ людей, запертыхъ въ фургоны, въ коемъ одно крошечное окошечко, снабженное рѣшеткою. Курьезно!..

(*) Какъ главнаго начальника тюремнаго персонала, входящаго въ составъ городской полиціи.

III.

Что касается статистики замка, то въ просмотрѣнныхъ нами годовыхъ отчетахъ, разгониство писанныхъ на 2-хъ — 3-хъ листахъ, только и трактуется, по надежды усвоенной формѣ, что въ теченіе протекшаго года все обстояло благополучно; камеръ столько-то, кроватей столько-то, прибыло, убыло столько-то человѣкъ благородныхъ, простолюдиновъ; да иногда, очевидно для разнообразія, добавляется, что помѣщеніе тѣсно, неудобно, или хозяйственная часть требуетъ улучшенія, — но въ чемъ именно эти недостатки заключаются — не видно. Словомъ въ замкѣ, надъ которымъ начальствуютъ полиція, губернское правленіе, прокуратура, да попечительный о тюрьмахъ комитетъ никакихъ характерныхъ для уголовной статистики свѣдѣній не ведется, т. е. вполне примѣняется пословица: «У семи нянекъ дитя всегда безъ глазу».

Извлеченныя нами свѣдѣнія показываютъ слѣдующее: Всего содержалось въ замкѣ: въ 1845 г.: мужч.—2,150 чел., женщ.—674 чел., всѣхъ—2,824 чел.; въ 1850 г.: мужч.—3,056 чел., женщ.—491 чел., всего 3,997 чел.; въ 1860 г.: мужч.—2,658 чел., женщ.—455 чел., всего 3,113 чел.; въ 1865 г.: мужч.—2,444 чел., женщ.—337 чел., всего 2,781 чел. Въ первый послѣ введенія въ Петербургѣ судебной реформы 1867 г.: мужч. — 2,845 ч., женщ. — 385 чел., всего 3,730 чел. (*); въ 1869 г.: мужч.—1,685

(*) Цифра эта гораздо больше 1865 г. оттого, что въ ней значатся приговоренные мировыми судьями за различныя мелкія

чел., женщ. 832—всѣхъ 1,517 чел.; въ 1870 г.: мужч.—1,216 чел., женщ.—821 чел., итого 3,037 чел. Такимъ образомъ, численность преступленій, судя по приведеннымъ цифрамъ, прогрессивно уменьшалась: въ 1860 г., напр., было менѣе 1850 г. на 884 чел.; въ 1865 г. менѣе 1860 г.—на 332 чел.; въ 1869 г. менѣе 1867 г.—на 1,213 чел. Эти выводы достойны особеннаго вниманія тѣхъ, кто толкуетъ, что въ послѣднее время больше прежняго совершается въ Петербургѣ преступленій.

Больныхъ въ лазаретѣ замка, положенномъ на 150 чел., было: въ 1860 г. муж. 711, женщ. 213, итого 924 чел.; въ 1865 году 1,059 мужч., 90 женщ.—1,149 чел.; въ 1866 г. 1,458 мужч., 246 женщ.—1,704 чел.; въ 1868 г. 1,400 мужч., 505 женщ.—1,905 чел.; съ января по июль 1870 г. 1,280 мужч., 395 женщ.—1,675 ч. Изъ хворавшихъ умерло: въ 1860 г. 60 чел.; въ 1865 г. 211 чел.; въ 1866 г. 192 чел.; въ 1868 г. 157 чел.; въ 1870 г. 56 чел.

Заключались люди въ замокъ за нижеслѣдующія преступленія:

За кражу, подозрѣніе въ кражѣ, обманъ и мошенничество: въ 1861 г.—1,486 мужч.; 115 женщ., въ 1863 г.—1,517 мужч.; 215 женщ.; въ 1864 г.—1,022 мужч.; 200 женщ.; въ 1866 г.—1,719 мужч.; 93 женщ.; въ 1867 г.—833 мужч.; 227 женщ.; въ 1868 г.—763

нарушенія, въ родѣ самоуправства, драки и т. п., каковыхъ преступковъ въ началѣ дѣйствія мирового института производилось пропасть и большинство провинившихся, за недостаткомъ въ частныхъ мѣста, сидѣли въ замкѣ.

мужч.; 269 женщ.; въ 1869 г.—1,537 мужч.; 386 женщ.; въ 1870 г.—444 мужч.; 35 женщ.; въ послѣднихъ, впрочемъ, 4-хъ годахъ только за кражу и подозрѣніе въ кражѣ, т. е. безъ обмана и мошенничества, которые имѣютъ свою особую рубрику.

За неимѣніе паспортовъ, просрочку оныхъ и бродяжничество: въ 1861 г.—999 мужч.; 124 женщ.; въ 1863 г.—1,359 мужч.; 162 женщ.; въ 1864 г.—865 мужч.; 134 женщ.; въ 1866 г.—792 мужч.; 89 женщ.; въ 1867 г.—779 мужч.; 128 женщ.; въ 1868 г.—129 мужч.; 179 женщ.; въ 1869 г.—289 мужч.; 114 женщ.; въ 1870 г.—65 мужч.; 2 женщ. За составленіе фальшивыхъ паспортовъ, приобрѣтеніе таковыхъ и проживаніе по чужимъ паспортамъ: въ 1861 г.—24 мужч.; 9 женщ.; въ 1863 г.—43 мужч.; 12 женщ.; въ 1864 г.—41 мужч.; 10 женщ.; въ 1866 г.—35 мужч.; въ 1867 г.—54 мужч.; 6 женщ.; въ 1868 г.—65 мужч.; 3 женщ.; въ 1869 г.—50 мужч.; 9 женщ.; въ 1870 г.—19 мужч.; итого содержалось въ теченіи 8 лѣтъ собственно изъ за злосчастныхъ паспортовъ — 6,521 челов. Цифра эта краснорѣчиво протестуетъ противъ настоящей тяжелой паспортной системы и взываетъ о скорѣйшемъ, по возможности, измѣненіи ея на болѣе соответствующую потребностямъ простолюдиновъ, ибо они одни только и падаютъ, по милости паспортовъ, въ заточеніе. Тутъ же замѣчательно благотворно отразилась — крестьянская реформа: въ 1863 г. сидѣло безпаспортныхъ 1,123 чел.; въ 1864 г. цифра ужъ понизилась до 999 чел.; и продолжая далѣе падать такъ же быстро, она въ 1870 г. остановилась на 86 чел.; т. е. миновала надобность бѣгать отъ помѣщиковъ.

За прошеніе милостыни: въ 1861 г.—71 м.; 55 ж.; въ 1863 г.—100 м.; 45 ж.; въ 1864 г.—98 м.; 43 ж.; въ 1866 г.—108 м., 54 ж.; въ 1867 г.—28 м.; 111 ж.; въ 1868 г.—17 м.; 63 ж.; въ 1869 г.—157 м.; 114 ж.; а въ 1870 г. вовсе не было такихъ закононарушителей. Значительное увеличеніе въ 1869 г. противъ предшествовавшихъ лѣтъ числа нищихъ должно приписать тому обстоятельству, что въ этомъ году фабричныя рабочіе особенно часто калѣчились машинами, и люди сіи, оставшись безъ пальцевъ рукъ, даже безъ рукъ, ногъ, тѣмъ самымъ лишались возможности прискивать себѣ подходящій трудъ, отчего невольно превращались въ уличныхъ попрошайевъ.

За разбой, грабежъ, участіе и подозрѣніе въ оныхъ: въ 1861 г.—36 м.; 1 ж.; въ 1863 г.—98 мужч.; въ 1864 г.—95 м.; 1 ж.; въ 1866 г.—127 м.; 2 ж.; въ 1867 г.—129 м.; 10 ж.; въ 1868 г.—98 м.; 4 ж.; въ 1869 г.—129 м.; а въ 1870 г. 51 м.; 2 ж.

За угонъ лошадей и подозрѣніе въ конокрадствѣ: въ 1861 г.—55 м.; 3 ж.; въ 1863 г.—72 м.; въ 1864 г.—69 м.; въ 1866 г.—47 м.; въ 1867 г.—15 м.; въ 1868 г.—5 м.; въ 1869 г.—2 м.; въ 1870 г. никто не впадалъ въ это преступленіе, слѣдовательно оно перестало ужъ совершаться.

За поджоги: въ 1861 г.—5 м.; въ 1863 г.—9 м.; въ 1864 г.—7 м.; 1 ж.; въ 1866 г.—13 м.; въ 1867 г.—8 м.; 1 ж.; въ 1868 г.—10 м.; въ 1869 г.—6 м.; въ 1870 г.—8 м.; 1 ж.; такъ, что преступленіе это ничтожно колеблясь въ цифрѣ, доселѣ остается въ одинаковой почти пропорціи.

За убійство, отравленіе, покушеніе и подозрѣніе въ этомъ; въ 1861 г.—21 м.; 1 ж.; въ 1863 г.—30 м.; въ 1864 г.—29 м.; въ 1866 г.—34 м.; 2 ж.; въ 1867 г.—41 м.; 6 ж.; въ 1868 г.—42 м.; 5 ж.; въ 1869 г.—40 м.; 7 ж., въ 1870 г.—42 м.; 8 ж. Итакъ это, самое тяжкое изъ преступленій, постепенно увеличивается среди столичнаго населенія обоихъ половъ,—но почему—остается не разгаданнымъ; что, понятно, весьма при-скорбно.

За дѣтоубійство: въ 1861 г.—2 ж.; въ 1863 г.—1 ж.; въ 1864 г.—1 ж.; 2 м.; въ 1866 г.—9 ж.; въ 1867 г.—1 м.; 4 ж.; въ 1868 г.—2 ж. Самый тяжелый для названнаго преступленія годъ былъ, значить, 1866 г.; а самые благоприятные 1869 и 1870 г.: въ первомъ судилось 9 ж. а въ послѣднихъ никто не сотворилъ этого страшнаго зла.

За сборъ денегъ на церкви по фальшивымъ видамъ и книжкамъ: въ 1861 г.—2 м.; въ 1863 г.—7 м.; въ 1864 г.—4 м.; въ 1866 г.—5 м.; въ остальныхъ же послѣдующихъ годахъ никто не попадался.

За дерзости противъ властей (тутъ разумѣются преимущественно полицейскіе чины): въ 1861 г.—2 м.; въ 1863 г.—8 м.; въ 1864 г.—9 м.; въ 1866 г.—5 м.; въ 1867 г.—20 м.; 2 ж.; въ 1868 г.—7 м.; въ 1869 г.—18 м.; 4 ж.; а въ 1870 г.—7 м.

За святотатство: въ 1861 г.—1 м.; въ 1863 г.—14 м.; 1 ж.; въ 1864 г.—10 м.; 1 ж.; въ 1866 г.—5 м.; въ 1867 г.—2 м.; 1 ж.; въ 1868 г.—2 м.; въ 1869 г.—3 м., а въ 1870 г.—4 м. Уваженіе къ церкви слѣдовательно не падаетъ и не поднимается.

За различные подлоги: въ 1861 г.—41 м.; 5 ж.; въ 1863 г.—2 м.; въ 1864 г.—5 м.; 2 ж.; въ 1866 г.—50 м.; 2 ж.; въ 1867 г.—64 м.; 11 ж.; въ 1868 г.—51 м.; 2 ж.; въ 1869 г.—46 м.; 1 ж., а въ 1870 г.—34 м.; 2 ж. Желаніе значить разживаться на чужой счетъ распространяется.

За двоеженство: въ 1861 г.—3 м.; въ 1863 г.—3 м.; въ 1864 г.—4 м.; въ 1867 г.—1 м.; въ 1868 г.—2 м.; въ 1869 г.—2 м.

За скупъ краденныхъ вещей и барышничество: въ 1861 г.—10 м.; 3 ж.; въ 1863 г.—19 м.; въ 1864 г.—21 м.; 2 ж.; въ 1866 г.—7 м.; въ 1867 г.—3 м.; въ 1868 г.—3 м.; въ 1869 г.—4 м.; т. е. достаточно уменьшаются.

За нанесеніе ранъ, побоевъ и членовредительство: въ 1861 г.—32 м.; 3 ж.; въ 1863 г.—11 м.; въ 1864 г.—13 м.; въ 1866 г.—32 м.; въ 1867 г.—25 м.; 7 ж.; въ 1868 г.—17 м.; въ 1869 г.—14 м.; 2 ж., а въ 1870 г.—3 м.

За укрывательство бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей: въ 1861 г.—8 м.; 2 ж.; въ 1863 г.—2 м.; въ 1864 г.—4 м.; въ 1866 г.—6 м.; въ остальныхъ же годахъ этого преступленія не творилось.

За не платежъ штрафовъ: въ 1861 г.—3 м.; въ 1863 г.—4 м.; въ 1864 г.—3 м.; въ 1866 г.—2 м.; въ 1867 г.—3 м.; въ 1868 г.—1 м.; въ 1869 г.—14 м.; 6 ж., а въ 1870 г.—1 м. Усиленіе этого проступка объясняется двумя причинами: во 1-хъ съ теченіемъ времени деньги становятся дороже и люди предпочитаютъ платежу штрафовъ арестъ; во 2-хъ въ мировомъ судѣ про-

ступки гораздо чаще наказываются штрафомъ, нежели при прежнемъ полицейскомъ судѣ.

За ворчичество и контрабанду: въ 1861 г. — 9 м.; въ 1863 г.—3 м.; въ 1864 г.—11 м.; въ 1866 г.—7 м.; въ 1867 г. — 5 м.; въ 1868 г. — 1 м.; въ 1869 г. не было, а въ 1870 г.—1 м.

За опоеііе дурманомъ: въ 1861 г.—1 м.; въ 1863 г.—2 м.; въ 1866 г.—1 м.; въ 1868 г.—2 м.

За захватъ, удержаніе, утайку и промотаніе чужой собственности: въ 1861 г. — 71 м.; 5 ж.; въ 1863 г.—136 м.; 10 ж.; въ 1864 г.—139 м.; 9 ж.; въ 1866 г.—23 м.; въ 1867 г. — 37 м.; 10 ж.; въ 1868 г.—43 м.; 2 ж.; въ 1869 г.—53 м.; 13 ж., а въ 1870 г.—20 м., т. е. посягательство на чужую собственность въ теченіи 10 лѣтъ сократилось на половину.

За злостное банкротство: въ 1861 г.—5 м.; въ 1863 г.—2 м.; въ 1864 г.—3 м.; въ 1866 г.—1 м.; въ 1867 г.—4 м.; въ 1868 г. — 7 м.; въ 1869 г. — 4 м., а въ 1870 г.—3 м.

За принадлежность къ скопческой сектѣ и оскотленіе себя: въ 1861 г.—3 м.; 3 ж.; въ 1863 г.—14 м.; 39 ж.; въ 1864 г.—19 м.; 40 ж.; въ 1868 г.—1 м.; въ 1869 г.—1 м.; 2 ж., а въ 1870 г.—2 м.

За изнасилованіе и растлѣніе: въ 1861 г.—9 м.; въ 1863 г.—6 м.; въ 1864 г.—7 м.; въ 1866 г.—11 м.; 1 ж.; (*) въ 1867 г. — 8 м.; въ 1868 г. — 6 м.; въ 1869 г.—7 м., а въ 1870 г.—4 м.

(*) Чтобы женщина совершила этого свойства преступленіе—кажется противоестественнымъ, поразительнымъ, но вникнувъ глуб-

За кровосмѣшеніе: въ 1870 г.—2 м., изъ нихъ 1 съ дочерью, въ предшествовавшихъ же годахъ никто за это не заключался.

За мужеложство: въ 1867 г.—2 м.; въ 1868 г.—4 м.; въ 1869 г.—2 м., а въ 1870 г.—1 м.

За скотоложство: въ 1863 г.—2 м.; въ 1866 г.—1 м.; въ 1867 г.—2 м.; въ 1868 г.—1 м.

За развратъ и безнравственность: въ 1866 г.—3 м.; 1 ж.; въ 1867 г.—1 м.; 8 ж.; въ 1868 г.—1 м.; въ 1869 г.—31 м.; 27 ж.; т. е. въ послѣднемъ году женщины вели себя несравненно распущеннѣе предшествовавшихъ лѣтъ, за то въ 1870 г. ни одна не сидѣла.

Для вѣнчанія и исполненія религіозныхъ обрядовъ: въ 1861 г.—1 м.; въ 1863 г.—1 м.; въ 1864 г.—4 м. Эти цифры разъясняются слѣдующимъ способомъ. Изъ всѣхъ гражданскихъ тюремныхъ церквей въ одной только замка есть отъ Духовной Консисторіи книга, въ которую записываются брачущіеся. Оттого если арестантъ, или арестантка вздумаютъ повѣнчаться, то гдѣ бы они не со-

же въ дѣло оно понятно: года два тому назадъ въ Петербургскихъ газетахъ было расказано слѣдующее. По пустынной пародовской дорогѣ ѣхала, въ коляскѣ, не первой молодости женщина, нагнала шедшаго 16 лѣтняго гимназиста, красота котораго плѣнила ее сразу. И вотъ она вылезла изъ коляски, приказала кучеру ѣхать домой, а сама пустилась ухаживать за гимназистомъ, завела его въ лѣсокъ и предложила ему насладиться ея объятіями, тотъ добровольно отказался; тогда она силою свалила его на землю, полураздѣла его и себя и... но юноша благимъ матомъ закричалъ и разъяренная львица не замѣтила, какъ два—три мужика подоспѣли на крикъ и освободили невиннаго агнца...

держались — ихъ привозятъ для этого въ замокъ, гдѣ они, пробываютъ по нѣсколько дней. Точно также содержащіеся въ частяхъ, не располагающихъ церквами, вознамѣрившись говѣть—переводятся, съ этою цѣлю, на недѣлю въ замокъ.

За небываніе у св. Причастія нѣсколько лѣтъ сряду: въ 1863 г.—3 м.; въ 1864 г.—2 м.; со введеніемъ же судебной реформы этотъ проступокъ пересталъ существовать и совершенно рационально: заставлятъ людей исполнять религиозные обряды слишкомъ плохая услуга религіи.

За различные маловажные проступки (нынѣ навазуемые мировымъ судомъ): въ 1861 г.—90 м.; 21 ж.; въ 1863 г.—49 м.; 12 ж.; въ 1864 г.—51 м.; 14 ж.; въ 1866 г.—40 м.; 10 ж.; въ 1867 г.—8 м.; 11 ж.; въ 1868 г.—2 м.; 11 ж. Малочисленность людей, содержащихся въ замѣ въ послѣдніе года объясняются существованіемъ срочной тюрьмы, открытой специально для лицъ, приговариваемыхъ къ аресту мировымъ судомъ.

За прибытіе въ столицу вопреки запрещенію: въ 1861 г.—31 м.; 6 ж.; въ 1863 г.—28 м.; 3 ж.; въ 1864 г.—31 м.; 2 ж.; въ 1866 г.—6 м.; 1 ж.; въ 1867 г.—6 м.; 1 ж.; въ 1868 г.—3 м.; въ 1869 г.—11 м.

За дѣланіе и сбытъ фальшивыхъ ассигнацій и монетъ: въ 1861 г.—27 м.; 3 ж.; въ 1863 г.—26 м.; 3 ж.; въ 1864 г.—35 м.; 3 ж.; въ 1866 г.—28 м.; 2 ж.; въ 1867 г.—23 м.; 2 ж.; въ 1868 г.—45 м.; 3 ж.; въ 1869 г.—31 м.; 6 ж., а въ 1870 г.—19 м.

За безпорядки въ аукціонной камерѣ: въ 1861 г.—4 м.; въ 1863 г.—2 м.; въ 1864 г.—1 м.

За побѣги: въ 1863 г. — 36 м.; 1 ж.; въ 1864 г. — 33 м.; 2 ж.; въ 1867 г. — 12 м.; въ 1868 г. — 11 м.; въ 1869 г. — 12 м.; 2 ж., а въ 1870 г. — 10 м.

За оговоръ другихъ въ преступленіяхъ: въ 1863 г. — 2 м.; 1 ж.; въ 1864 г. — 5 м.; 1 ж.

За продажу запрещенныхъ книгъ: въ 1863 г. — 1 м.; въ 1864 г. — 1 м.

За «утружденіе Государя Императора просьбами:» въ 1863 г. — 3 м.; въ 1864 г. — 10 м.; 1 ж.; въ 1866 г. — 7 м.; 1 ж.; въ 1867 г. — 5 м.; въ 1868 г. — 5 м.; въ 1869 г. — 1 м.

За покушеніе на самоубійство: въ 1863 г. — 5 м.; 1 ж.; въ 1864 г. — 2 м.

За ложное именованіе себя: въ 1863 г. — 6 м.; 1 ж.; въ 1864 г. — 4 м.; 1 ж.; въ 1867 г. — 4 м.; въ 1868 г. — 3 м.; въ 1869 г. — 1 ж., а въ 1870 г. — 1 м.

За неисполненіе рекрутской повинности: въ 1866 г. — 3 м.; въ 1867 г. — 3 м.; въ 1869 г. — 1 м.

За лжесвидѣтельство: въ 1863 г. — 4 м.; въ 1864 г. — 11 м.; 1 ж.; въ 1867 г. — 4 м.; въ 1868 г. — 3 м.; въ 1869 г. — 3 м., а въ 1870 г. — 1 м.

За праздношатательство: въ 1863 г. — 6 м.; 2 ж.; въ 1864 г. — 8 м.; 1 ж.

За подкинутіе ребенка: въ 1863 г. и 1864 г. по 1 ж.

За упускъ арестанта: въ 1863 г. и 1864 г. по 1 м.

За распространеніе раскола: въ 1868 г. и 1869 г. по 1 м.

Приговоренныхъ къ содержанію срочныхъ арестантовъ было: въ 1861 г. — 12 м.; въ 1863 г. — 15 м.; въ 1864 г. — 34 м.; 3 ж.; въ 1866 г. — 479 м.; 68 ж.; въ 1867 г. —

275 м.; 33 ж.; въ 1868 г.—32 м.; 169 ж.; въ 1869 г.—275 м.; 588 ж., а въ 1870 г.—312 м.; 448 ж.

Подслѣдственныхъ: въ 1861 г. — 92 м.; 20 ж.; въ 1863 г.—2333 м.; 29 ж.; въ 1864 г. — 251 м.; 32 ж.; въ 1866 г.—516 м.; 44 ж.; въ 1867 г.—548 м.; 69 ж.; въ остальныхъ двухъ годахъ люди эти считаются въ цифрахъ по роду ихъ преступленій.

За политическія преступленія: въ 1861 г.—1 м.; въ 1863 г.—1 м.; въ 1864 г.—1 м.; въ 1869 г.—27 м.; 6 ж., а въ 1870 г.—11 м.; 5 ж.

Всего содержалось въ замкѣ съ больными и прочими, случайными людьми:

въ 1861 г.—	3519 м.;	495 ж.;	всѣхъ	4012 ч.
» 1863 г.—	4327 »	605 »	»	4932 »
» 1864 г.—	3406 »	582 »	»	3988 »
» 1866 г.—	4518 »	489 »	»	4959 »
» 1867 г.—	3642 »	1043 »	»	4685 »
» 1868 г.—	2229 »	1110 »	»	3339 »
» 1869 г.—	3497 »	1570 »	»	5067 »
въ 1870 г.—	1680 м.;	629 ж.;	»	2309 ч.

Всего же содержалось въ замкѣ въ теченіи упомянутыхъ лѣтъ 33,671 чел.

IV.

Здѣсь слѣдовало бы намъ, кстати, помѣстить: сколько въ годъ поступало въ распоряженіе здѣшняго попечительнаго о тюрьмахъ комитета суммъ отъ казны и благотворителей, сколько изъ нихъ и по какимъ статьямъ расходовалось на содержаніе арестантовъ, сколько арестан-

ты зарабатывали на ремеслахъ, по скольку изъ выручаемыхъ, посредствомъ ихъ труда, денегъ на что распредѣлялось, на какую цифру бывало подаяній, припасами и деньгами высыпаемыми изъ городскихъ кружекъ, — словомъ, всѣ денежныя операціи замка. Но—увъ!—никакихъ этихъ свѣдѣній намъ не дали ни экономъ, ни директоръ, завѣдывающій хозяйственною частью замка, ни наконецъ канцелярія комитета: это, названныя лица и мѣста, считаютъ канцелярскою тайною, страшною тайною!..

По поводу этой тайны мы однажды разговорились съ экономомъ, въ присутствіи 2-хъ помощниковъ смотрителя тюрьмы, и вотъ какого рода достославная рѣчь шла относительно подаяній:

— Кто, скажите пожалуйста, принимаетъ приносимыя въ замокъ подаяніями булки, мясо и проч.?

— Все это кладется въ часовнѣ, гдѣ бываетъ вахтеръ, отвѣчалъ экономъ.

— Ну, а потомъ, что же дѣлается съ этими предметами?

— Они раздаются арестантамъ.

— Кѣмъ и кому именно изъ нихъ?

— Вахтеромъ, по моему распредѣленію, поочередно на отдѣленія: сегодня напр. въ одно, завтра въ другое. Отъ вахтера принимаютъ арестанты-старосты отдѣленій.

— Мясо, напр. доставляется сырое, и его ѣсть, конечно, нельзя, а слѣдовательно и раздавать вѣдь не резонъ.

— Мясо кладемъ въ котель, въ добавокъ къ казенной порціи, для улучшенія пищи.

*

— Кому же еще, кромѣ васъ, извѣстно: сколько въ день чего принято, роздано, опущено въ котель?

— Это записывается въ особую тетрадку здѣсь, въ конторѣ.

— Мы записываемъ одно только поступленіе припасовъ, да и то, что г. экономъ намъ сообщить, замѣтилъ помощникъ смотрителя; но то ли онъ намъ скажетъ, что дѣйствительно принялъ—не наше дѣло: намъ воспрещено вмѣшиваться въ его дѣйствія.

— А ревизуется въмъ нибудь, когда нибудь эта тетрадь въ связи съ тѣмъ, что расходуется отъ казны?

— Да ревизовать-то тутъ нечего: подаванія бывають на пустяшныя деньги.

— Какъ «на пустяшныя?» продолжалъ офицеръ; въ годовые напр. праздники подаютъ столько, что цѣлую тюрьму можно прокормить по два—по три дня сряду. Да позвольте: вотъ тетрадь—смотрите.

Изъ тетради оказалось, что подаютъ и по нѣсколько пудовъ говядинны, солонины, по сотнѣ саежъ и т. под. Экономъ видимо сконфузился.

— Судя по тетради, у васъ за много дней, казенные хлѣбъ, мясо и проч. должно идти къ зачету, если вы точно кормите арестантовъ поданными припасами. Что вы на это скажете?

— Да скажу, что вы не ревизоръ и я вамъ не обязанъ давать отчета какъ и что дѣлаю: мое начальство про все знаетъ и дѣло съ концемъ; сердито молвилъ онъ. А вамъ, любопытствующему по пустому, добавлю, что и арестанты также знаютъ о подаваніяхъ.

— Откуда жъ, будьте любезны, объясните,—арестан-

ты, запертые въ казематахъ, знаютъ про то, что творится за и подъ воротами замка?

— Да они такія бестіи, что все отлично знаютъ и своего, будьте спокойны; не упустишь ни на грошъ.

— Этого я не понимаю. Св. духъ, что ли имъ передаетъ, что сегодня, напр., имъ пожертвовали 100 булокъ?

— Не св. духъ, а они, проныры, сами все пронохииваютъ. Удивляюсь какъ это всё вы, нонѣшніе, хлопочете объ этихъ разбойникахъ, мошенникахъ! По вашей то милости и дошло вотъ до того, что въ Петербургѣ размножаются всякія безобразія, убійства и т. под.

— Не стану отвѣчать вамъ на ваше замѣчаніе (объ этомъ мы бы долго, долго протолковали), а позволю себѣ спросить васъ еще объ одномъ предметѣ,—именно: кто высыпаетъ деньги изъ кружекъ, привѣшенныхъ, въ пользу арестантовъ, въ разныхъ мѣстахъ города и къ стѣнѣ замка?

— Директоръ по хозяйственной части.

— Въ присутствіи кого?

— Иногда другихъ директоровъ, а чаще одинъ. На то вѣдь онъ и директоръ, несетъ почетное званіе, чтобы ему вѣрили и безъ вашихъ свидѣтелей.

— Странно...

— Ежели хорошенько вникните въ ихніе порядки,—найдете, я увѣренъ, не мало различныхъ странностей, заключилъ чиновникъ. Мы однимъ довольны—это что ничего не приходумъ и не расходуемъ, а стало быть и упрекать насъ не въ чемъ.

Всѣ лукаво уемѣхнулись... Эвономъ поспѣшилъ удалиться. За симъ въ теченіи мѣсяца мы больше ужъ не

видали эконома: онъ какъ будто бы нарочно избѣгалъ встрѣчи съ нами, дабы мы не предлагали ему новыхъ, нескромныхъ вопросовъ.

Желая во что бы то ни стало добиться денежныхъ цифръ—мы подали въ комитетъ формальное прошеніе о предоставленіи намъ права извлечь изъ отчетности онаго, за послѣднія 10 лѣтъ, перечисленныя свѣдѣнія. Прошеніе это—записывалось, докладывалось, заслушивалось гдѣ слѣдуетъ, содержаніе его дошло наконецъ до свѣдѣнія высшей инстанціи и потомъ, ровно чрезъ три мѣсяца, мы получили категорическій отказъ. Отказъ этотъ отъ 17 ноября 1870 г. за № 2192, формулированъ такъ: «всѣ свѣдѣнія о положеніи тюремнаго дѣла въ Имперіи, свѣдѣнія, предназначенныя (?) для распространенія въ публикѣ, посредствомъ печати, признается болѣе удобнымъ и соответствующимъ образу дѣйствій попечительнаго общества о тюрьмахъ—сосредоточить въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», официальном органѣ правительства». Отказъ по своему содержанію, какъ видите, читатель, самый безобидный, деликатный и въ высшей степени тонкій, достойный нашихъ... по крайней мѣрѣ хоть потомковъ!.. Лично насъ же, приведенный отвѣтъ лишилъ возможности достигнуть цѣли: опубликовать вышеозначенныя свѣдѣнія собственно въ Прав. Вѣстн. и отъ комитета никто, сколько мы знаемъ, не пожелаетъ; слѣдовательно онѣ такъ и останутся подъ спудомъ, на съденіе крысамъ. Наконецъ канцелярская тайна въ общественномъ, да еще филантропическомъ учрежденіи, каково попечительство о тюрьмахъ—самая, полагаемъ, изумительная аномалія: жертвовать припасы, деньги и не

быть увѣреннымъ, что все это дойдетъ по назначенію, значить поступать очерга голову, значить изводить учрежденіе съ высокаго его положенія на самую низменную ступень...

И такъ, извините читатель, за оставляемый нами пробѣлъ, произшедшій, какъ вы убѣдились, помимо нашей воли и желанія. Теперь вернемся въ ту сферу, въ которой мы располагали полнымъ просторомъ.

V.

Замокъ заключаетъ въ себѣ 103 камеры, для содержанія 801 человѣкъ. Входъ въ замокъ дѣйствительно сопровождается церемонією, установленною инструкцією и описанною впереди. Первый предметъ, невольно бросающійся въ глаза, при взглядѣ во дворъ замка—это два высокіе столба, вбитые въ землю, посрединѣ двора. На одномъ изъ нихъ виситъ, на перекладинѣ, мѣдный колоколь, звономъ въ который арестанты будятся со сна, призываются къ работамъ, оповѣщаются когда слѣдуетъ обѣдать, ужинать, ложиться спать; а надъ другимъ возвышается обыкновенная голубятня, въ которой издавна пребываютъ вольныя птицы, доставляющія арестантамъ нѣкоторое развлеченіе: птицы приучились, въ опредѣленные часы дня, подлетать къ извѣстнымъ окнамъ, садиться на наружные подоконники и получать изъ форточекъ да изъ-за рѣшетокъ пищу, въ видѣ хлѣбныхъ шариковъ, крошекъ и проч. По угламъ того же двора разбиты 8—10 маленькихъ будущихъ садиковъ, въ которыхъ прогуливаются, поочередно и по отдѣленіямъ, безуворизнен-

но себя ведущіе арестанты: благородные—3, а простолюдины—2 часа въ день.

Арестанты помѣщаются во всѣхъ 4-хъ этажахъ замка, раздѣленныхъ на отдѣленія, т. е. въ 1-мъ — за кражу со взломомъ и безъ взлома; въ 2-мъ — осужденныя-привилегированныя лица и за прошеніе милостыни; въ 3-мъ — за грабежъ, подлогъ, мошенничество; въ 4-мъ — рецидивисты всѣхъ сортовъ; въ 5-мъ — разбойники, грабители и убійцы; въ 6-мъ—бродяги и непомнящіе родства; въ 7-мъ — такъ называемомъ секретномъ-люди, передаваемые гражданскому вѣдомству изъ военно-исправительныхъ арестантскихъ ротъ, за ихъ неспособность къ тамошней работѣ; въ 8-мъ—благородные подслѣдственные; въ 9-мъ—подсудимые, занимающіеся, по маловажности ихъ проступковъ, приготовленіемъ пищи для тюремнаго народонаселенія, и несовершеннолѣтніе; наконецъ, въ 10-мъ—женщины подслѣдственныя, высиживающія, опредѣленные приговорами о нихъ, сроки и судимыя за уголовныя преступленія.

Въ отдѣленіяхъ люди размѣщаются опять по роду преступленій, въ камерахъ—отъ 10 до 20 челов. въ каждой, а благородные живутъ по два человѣка въ номерѣ. Отдѣленія не имѣютъ между собою почти никакой связи: у всякаго свой ходъ прямо на лѣстницу; двери въ отдѣленія постоянно заперты на замокъ. Въ каждомъ изъ отдѣленій безотлучно находятся приставники, надзирающіе за благопріеміемъ арестантовъ, причемъ имъ, въ этомъ отношеніи, помогаютъ старосты-арестанты (*).

(*). Въ старосты избираются арестантами изъ ихъ же среды са-

И вотъ, приближаясь — обыкновенно съ провожаемымъ помощникомъ зрителя — къ которому либо изъ отдѣленій, помощникъ пронзительнымъ въ оловянный свистокъ свистомъ извѣщаетъ тамошнихъ обитателей, чтобы они одѣлись въ ихъ форму, водворили въ своихъ камерахъ порядокъ и приготовились встрѣтить посѣтителей. Потомъ, на звонъ въ колокольчикъ, дверь изнутри отпирается приставникомъ и вы входите въ длинный, узкій корридоръ, по одну сторону котораго представляются выходящія на ту или другую улицу окна, а по другую, внутрь тюремнаго двора, нѣсколько дверей, ведущихъ въ самыя камеры. Двери эти, по закону, всегда должны быть заперты и выпускать въ корридоръ изъ камеръ людей надлежитъ только днемъ, для отпращиванія въ отхожія мѣста, имѣющіяся въ концѣ каждаго изъ отдѣленій, — да и то не иначе, какъ поочередно: если изъ одной камеры вышло нѣсколько человѣкъ, всѣ остальные непременно должны быть заперты; наблюдать же за всѣмъ, въ номерахъ совершающимся, обязаны прохаживающіеся по корридору приставники, съвозъ пробуренныя въ дверяхъ крошечныя, тоже съ рѣшетками, окошечки.

Выполнить это условіе въ точности, по словамъ свѣдущихъ людей, положительно немислимо: во 1-хъ, на 100 заключенныхъ приходится отнюдь не больше

мые ловкіе, дѣльные люди, которыхъ мудрено было бы провести; это качество потому въ старостахъ необходимо, что они принимаютъ и раздаютъ своимъ собратамъ жертвуемые имъ подаваніемъ булки, калачи и проч. готовые для ѣды припасы.

5—8-ми приставниковъ, нерасполагающихъ ровно никакимъ оружіемъ; во 2-хъ, арестанты оскорбляются недоувѣріемъ къ нимъ, а потому, чѣмъ строже ихъ стерегутъ—тѣмъ чаще они нарушаютъ установленныя, для нихъ правила—съ одной стороны, чтобы хоть чѣмъ нибудь разнообразить день, а съ другой стороны съ цѣлью надѣлать подозрительнымъ приставамъ и начальству лишнихъ хлопотъ, неприятностей. Такимъ образомъ, двери камеръ запираются въ теченіе дня (какъ насъ увѣряли бывшіе заключенные) преимущественно тогда лишь, когда доносится до камеръ свистокъ. Въ возмездіе за помянутую мелкую льготу, за довѣріе, которымъ арестанты очень дорожатъ, они сами внимательно слѣдятъ другъ за другомъ и не допускаютъ серьезныхъ казусовъ въ своихъ владѣніяхъ; въ присутствіи посѣтителей держатся почтительно, особливо если послѣдніе обращаются съ ними вѣжливо: имъ напр. очень нравится, когда входящіе въ ихъ камеры произносятъ «здравствуйте, господа», говорятъ имъ «вы», слушаютъ ихъ рѣчи внимательно и т. под.

На нѣкоторыхъ закоренѣлыхъ, впрочемъ, преступниковъ никакіе эпитеты не дѣйствуютъ. Такъ, мы видѣли одного, лѣтъ 50 на видъ, съ окладистой, сѣдою бородою, съ полнымъ, краснымъ, открытымъ лицомъ, сѣрыми, поминутно бѣгающими, съ предмета на другой—глазами, и съ длинными, назадъ закинутыми, густыми, сѣдыми же волосами на головѣ.

— Здравствуй, коли не шутишь, насмѣшливо отвѣтилъ онъ, на наше обычное привѣтствіе «здравствуйте»...

— Я зашелъ къ вамъ вовсе не съ цѣлію шутить, или

подтрунивать надъ вами, человѣкомъ несчастнымъ, а если не откажетесь — поговорить съ вами запросто, о томъ, какъ вамъ здѣсь живется.

— Любопытство, значить, тебя мучаетъ—да? Ну, да отъ меня, братъ, отскочешь: терпѣть не могу толковать съ вашей братьей—барами, потому всѣхъ васъ страшно ненавижу, и ежелибъ воля была... О! Я сокрушилъ бы не мало подлецовъ... Лицо его постепенно оживлялось, вспыхивало.

— Ненавидѣть одного, нѣсколькихъ человѣкъ, которые вамъ, быть можетъ, причинили вредъ, зло, кровную обиду—понятно еще, по человѣческой слабости; но питать ненависть огуломъ ко всѣмъ — право не резонъ, особливо въ ваши дѣта...

— Я, братъ, нотацій тоже ни чьихъ терпѣть не могу: янца курицу не учать.

— Да я и не думалъ читать вамъ нотацій, а только прошу васъ поговорить со мной вовсе не какъ съ баринкомъ, какимъ я себя и не считаю, а просто какъ съ человѣкомъ, себѣ равнымъ.

— Чтожъ ты, Өома, кочевряжешься-то и въ самомъ дѣлѣ? подхватилъ кто-то вблизи.

— Коли съ тобой говорятъ по хорошему, такъ тебѣ и подавно не слѣдъ ругаться, поддержать другой.

— Вы, олухи, не шкните, коли разумомъ обижены, прикривнулъ на нашихъ ходатаевъ Өома. А тебѣ охота, я вижу, знать—за что я сижу, изволь—скажу: убилъ мерзавца и запрятали сюда. Ежелибъ я еще убилъ мужа—можетъ и увернулся бы: не стали бы сильно-то и разыскивать, потому мужику такова и дорога, а то

вѣдь вашего, видишь ли, брата, барина, а за васъ на весь, вѣдь, свѣтъ переполохъ поднимають, и хоть изъ земли, да вырють виноватаго. Вотъ я таперича и пропаль. Довольно съ тебя, али нѣтъ? Охъ вы, подглядчики...

— Да полноте, пожалуйста, горячиться-то, сердиться-то по пустому: я ей Богу ничего худаго не желаю вамъ.

— А я отъ васъ хорошаго ничего не ожидаю, ну и проваливай своей дорогой, покуда цѣль, да, покуда цѣль убирр...райся!..

Все лицо его судорожно передернулось, глаза заискрились и онъ выглядѣлъ весьма страшнымъ.

Мы поклонились нашимъ ходатаямъ и ушли. Ома, передавали намъ послѣ, рецидивистъ и неисправимый мизантропъ.

На сколько старикъ озадачилъ насъ своею выходкою, на столько же расположилъ насъ къ себѣ другой арестантъ, пожилой, блѣдный мужичокъ, сообщеніемъ о глубококомъ несчастьи, его постигшемъ.

— Грѣхъ, страшный, батюшка, грѣхъ, привелъ меня сюда, за мою, значить, гордость, заговорилъ онъ.— Жилъ я себѣ тихо, смиренно въ деревнѣ и все шло ладно, почитай 30 годовъ кряду. Только вдругъ поселился мнѣ сосѣдомъ денежный человѣкъ, задира, потому нашему брату деньги—бѣда. Сталъ онъ, знаешь, ко мнѣ все придирается, да придирается. Терпѣлъ я терпѣлъ, да не выдержалъ карахтеру—свиснулъ его, однова, въ ухо при свидѣтеляхъ. Онъ въ волосное жалиться. Меня за это и отодрали, потому онъ старикамъ угощенье поставилъ. Съ этого-то, знаешь, разу я страсть какъ на него озло-

бился. Думаль я, думаль, чѣмъ бы ему сквитать поронцу (больно мнѣ ужъ это обидно показалось: всѣ дранымъ дразнять), да разъ подь вечеръ, жена ушла въ другую деревню, а я взялъ спичекъ, да лучину и подпалилъ его хлѣвъ. А на эту бѣду поднялся вѣтеръ и его изба и моя, да еще сосѣдова, живо сгорѣли, а въ пожарищѣ-то этомъ и моя дочурка, 8 лѣтъ, тоже сгорѣла спамши... Какъ дознался я, на утро, объ дочѣ-то, такъ и повинился самъ въ зажогѣ. Вотъ, батюшка, какъ мы погибаемъ. А все отчего? Да отъ дурости и бѣсовской нашей гордости. Правда, значить, што гордымъ и Богъ противень, кончилъ онъ, вытирая вулакомъ глаза.

Въ камерахъ простолюдиновъ подъемныя кровати въ видѣ наръ; на нихъ холщевые постельники съ положенными внутрь ихъ рогожами въ два ряда, сѣрья одѣяла, мочальныя подушки и полотенца. Въ одномъ изъ угловъ каждой камеры полъ сильно пострадавшій, мѣстами даже прогнившій: тутъ обыкновенно ставятъ ночные ушаты. Въ камерахъ по два—три окна; стекла въ окнахъ грязноваты—тусклы; противъ одного изъ оконъ, столъ, за которымъ люди обѣдаютъ: бывшая прежде общая столовая превращена въ швальню. Какъ въ камерахъ, такъ и на лѣстницахъ, воздухъ чрезвычайно тяжелый, вездѣ пахнетъ сильною гниlostью, отъ непривычки захватываетъ даже дыханіе; ждановская жидкость, заглушая зловоніе, сама распространяетъ повсюду свое весьма неприятное благоуханіе, а коридоры нижняго этажа, выходящіе окнами на Тюремный переулокъ, и особливо карцеры—наводятъ паническій страхъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе; они мрачны, совершенно почти лишены свѣта,

а дорога въ карцеры чрезъ какіе-то темные лабиринты; площадка передъ карцерами мокрая и какъ тутъ, такъ и въ самыхъ карцерахъ, сыро, стѣны пропитаны насквозь изрядною вонью; ни наръ, ни постельниковъ, въ карцерахъ мы не видали, такъ что провинившіеся и сидятъ и лежатъ на голомъ полу, причемъ на ночь имъ и раздѣться нельзя—холодно. Специалисты увѣрили насъ, что самый здоровый человѣкъ непременно умретъ, если его запереть въ карцеръ на 3—4 недѣли: столь разрушительно дѣйствуютъ они на организмъ.

Въ номерахъ благородныхъ, гигиеническія условія значительно благоприятѣе. Въ нихъ возлѣ единственнаго окна, стоитъ по столику и два простыхъ табурета, двѣ желѣзныя кровати, а на нихъ соломенные, мочальные тюфяки, одѣяла и по двѣ подушки.

Бѣлье и обувь всѣхъ арестантовъ (простолюдины носятъ лапти) качествомъ на многое хуже, нежели въ другихъ тюрьмахъ; особливо для благородныхъ: огромные, тяжелые, грубѣйшей работы, сапоги такъ и хлябаютъ на ихъ ногахъ; рубашки толстаго, дерюжнаго холста, воротъ ихъ завязываются тесемками, превратившимися въ крученныя веревочки. И постельное, и тѣльное бѣлье слишкомъ сомнительной чистоты.

Между тѣмъ, ношеніе именно этого бѣлья обязательно для всѣхъ безъ изъятія заключенныхъ, согласно 34, 38 и 39 пп. инструкціи и 113 ст. Устава о содерж. подъ стражею, тогда какъ 201 статья Уст. о содержащихся подъ стражею гласитъ: «осужденнымъ на заключеніе въ тюрьмѣ дозволяется, съ разрѣшеніи мѣстнаго начальства и съ согласія прокурора, имѣть соб-

ственное платье, бѣлье, постель». Очевидно, значитъ, что 34, 38 и 39 пп. инструкціи смотрителю замѣтно противорѣчатъ 201 ст. Устава. Оттого надлежитъ согласить указаные пункты со статьею, или же предоставить смотрителю руководствоваться статьею, а не указанными пунктами инструкціи, тѣмъ болѣе, что первая составляетъ законъ, а послѣдніе—лишь приложенія къ нему, утвержденныя административною властью. Далѣе, обязательное пошеніе казеннаго платья подслѣдственными благородными, еще менѣе находятъ себѣ оправданіе; многіе судомъ, вслѣдствіи, оправдываются. За что же, спрашивается, отягощать ихъ участь скверною одеждою, когда и самое полугодичное сидѣніе до суда остается ничѣмъ не вознаградимымъ? Намъ могутъ, правда, замѣтить, что если дозволимъ доставлять подслѣдственнымъ собственное бѣлье, то въ немъ ухитрятся передавать имъ вредныя для слѣдствія записки, либо на самомъ даже бѣльѣ они могутъ переписываться. На все это мы возразимъ, что стоитъ лишь внимательно осматривать то, что приносится въ тюрьму и выносится изъ нея—и ничего подобнаго не случится. Кромѣ того, добавимъ, что обыденныя предосторожности далеко не достигаютъ своей цѣли: многіе посѣтители во время свиданія говорятъ съ арестованными по-нѣмецки, да по-французски, а такъ какъ городовые, надзирающіе за порядкомъ свиданія, не понимаютъ ни того, ни другаго языка, то заключенные легко узнаютъ все, что имъ надо. Видятся арестанты вообще не по одному, а постоянно по крайней мѣрѣ по 5 челов. съ 5 вольными, и два городовые точно также не въ состояніи разслышать всего, что говорятъ, хотя и по-русски, въ

полголоса 10 челов. Наконецъ, бывали такіе даже случаи, что въ принесенныхъ арестантамъ булкахъ запекались различнаго содержанія записки, безпрятственно проходившія по принадлежности чрезъ руки самихъ же городскихъ...

Женщины спятъ всѣ на желѣзныхъ кроватяхъ; ихъ одежда, обувь (башмаки), все бѣлье гораздо лучше и чище мужскаго; комнаты, ими занимаемыя, также несравненно опрятнѣе и привѣтливѣе выглядятъ, нежели въ мужскихъ отдѣленіяхъ; на ихъ половинѣ днемъ частью легче дышется еще отъ солнечныхъ лучей, которые проникаютъ въ окна, мужчины же и этой пріятности лишены: ихъ окна и солнце не навѣщаетъ...

Въ одной изъ камеръ женскаго отдѣленія мы развѣ увидѣли молодую, лѣтъ 20 женщину, съ чрезвычайно симпатичною, но угрюмою фізіономією; лицо ея, сохранившее слѣды миловидности, было опавшее, до крайности истощенное, а глаза испуганно, но ярко сверкали.

— Скажите, пожалуйста, за что вы здѣсь содержитесь, спросили мы ее.

— Да убирайтесь къ чорту съ вашими разспросами: что ни день, то все рассказывай всякому любопытному; мнѣ ужъ до смерти надоѣло повторять одно и то же.

Отчаяніе, звучавшее въ ея голосѣ, до того поразило насъ, что мы сами упрекнули себя за неосмотрительный вопросъ, и потому поспѣшили оставить ее въ покоѣ. Преступленіе же ея заключалось въ томъ, какъ намъ передавали, что она находилась съ какимъ-то мужчиною въ интимныхъ отношеніяхъ; потомъ онъ ея бросилъ было для другой. Поступокъ этотъ возбудилъ въ ней жажду

мщенія, она отыскала его, заманила къ себѣ почевать, стала упрекать, бранить его, а онъ смѣялся, издѣвался надъ нею—сознаніемъ, что она ему опротивѣла. И вотъ она, въ пылу ярости,хватила его утюгомъ по головѣ и онъ Богу душу отдалъ, а она очутилась въ тюрьмѣ, по обвиненію въ убійствѣ.

Уборка камеръ лежитъ на обязанности арестантовъ и арестантовъ простолюдиновъ, которые это дѣлаютъ и для благородныхъ, причемъ тѣ изъ послѣднихъ, которые располагаютъ средствами, приплачиваютъ первымъ за чистку напр. сапоговъ, платья и т. под. отъ 10 до 50 коп. въ мѣсяцъ, изъ денегъ, отданныхъ на храненіе при вступленіи въ тюрьму. Изъ этихъ же суммъ они получаютъ частицы по праздникамъ на покупку свѣчей въ церкви, но большинство пріобрѣтаетъ вмѣсто свѣчъ табакъ чрезъ сторожей, причемъ фунтъ махорки обходится имъ въ складчину до 5 рубл. Тѣ же, которые не въ состояніи платить за табакъ столь дорого—замѣняютъ куреніе ѣдою луку: онъ служитъ такъ сказать суррогатомъ табаку.

VI.

На прокормленіе привилегированныхъ арестантовъ отпускаются, на основаніи 119, 121, 122—124 ст. Устава о содерж. подъ стражею, кормовыя деньги по ихъ чинамъ. Размѣръ этого довольствія начинается 10 и кончается 50 коп. — для генераловъ. Генералы въ замѣкъ, впрочемъ, рѣдкость: со времени введенія здѣсь судебной реформы былъ Гаевскій (*), да Хомутова. Обыкно-

(*) Служившій директоромъ департамента въ святѣйшемъ си-

венно же содержатся въ замкѣ мелкіе чины и кормовыя ихъ не превышаютъ 20 коп. (надворный совѣтникъ, подполковникъ). Но въ 119 ст. говорится, что довольствіе сіе производится лицамъ, «неимѣющимъ никакой собственности»; о томъ же, полагается ли что нибудь, или нѣтъ, владѣющимъ собственностью—ни въ одной изъ статей, въ Уставѣ о содерж. подъ стражею помѣщенныхъ и къ настоящему предмету относящихся, нѣтъ ни слова. Можно, конечно, заключить, что коль скоро владѣющимъ собственностью не опредѣленъ размѣръ кормовыхъ, то законъ имъ въ таковыхъ отказываетъ. Такъ намъ извѣстенъ случай, что человекъ, сидящій подъ стражею, имѣетъ въ уѣздномъ городѣ домъ, который доставляетъ дохода 5 р. въ мѣсяцъ, нехватаящихъ на пропитаніе его семьи; чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, довольствоваться самому арестованному въ губернскомъ городѣ? Возбужденійся, по просьбѣ чиновника, вопросъ трактуется присутственными мѣстами и за и противъ него, а онъ тѣмъ временемъ сидитъ чуть ли не на пищѣ св. Антонія... Оттого по этому вопросу надлежитъ издать какой либо, сообразный обстоятельствамъ, законъ.

Далѣе, арестованнымъ благороднымъ женщинамъ 121 стат. Уст. предоставляетъ кормовыхъ въ половинномъ, противъ мужскихъ размѣровъ, количествѣ, а малолѣтнимъ дѣтямъ, находящимся въ мѣстахъ заключенія при родителяхъ, кормовыя производятся, по 128 ст., наравнѣ

но.ѣ, тайный совѣтникъ, посланный въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, за растрату около 60,000 р. казенныхъ денегъ и тамъ, съ годъ тому назадъ, умершій.

съ взрослыми арестантами. Предположить, чтобы дѣти въ состояніи были съѣдать какъ разъ вдвое больше противъ женщинъ—конечно, нельзя. Точно также немислимо, чтобы женскій желудокъ воспринималъ пищи непременно на половину меньше мужскаго (119 ст.). Всѣ наши старанія доискаться хоть ничтожной причины столь несообразнаго распредѣленія кормовыхъ ни къ чему не привели насъ, а потомъ намъ остается занести въ наши замѣтки и этотъ анахронизмъ.

На довольствіе арестантовъ-простолюдиновъ полагается, по 118 ст. Уст., цифра, опредѣляемая ежегодно министромъ внутреннихъ дѣлъ особою табелью; а дабы пища ихъ была лучше и качествомъ и количествомъ, къ размѣру ихъ кормовыхъ присоединяются: согласно 1-му примѣчанію къ 118 ст.—продукты, приносимые въ тюрьмы подаваніемъ, а по 150 ст.—часть денегъ, высыпаемыхъ изъ кружки.

Обратимся къ продовольствію арестантовъ въ замѣ. Хлѣба дается благороднымъ по 2 ф., а простолюдинамъ по 2¹/₂ ф.; но ни тѣ, ни другіе этой порціи не съѣдаютъ отъ сидячей жизни, и особливо благодаря подаваніямъ: калачами, ситнымъ, сайками и проч., отъ всѣхъ хлѣбъ остается. Готовится пища для благородныхъ отдѣльно отъ простолюдиновъ, и на первыхъ никогда не больше какъ на 50 чел., а на послѣднихъ не меньше, чѣмъ 600 чел. Изъ кормовыхъ привилегированныхъ отдѣляется на пищу по 12 коп. въ день, и за эту цифру они ѣдятъ: въ скоромные дни—по 3, а въ постные—по 2 перемѣны. Собственно кормовыя простолюдиновъ въ текущемъ году 10 же коп. въ сутки на чело-

вѣка, но они имѣютъ 5^о дней въ недѣлю—одно, а два дня—два кушанья. Пища первыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, а послѣднихъ кормятъ едва сносно. Между тѣмъ, сложивъ платимыя 50 чел. благородными по 12 коп. въ день—получимъ 6 р., да добавивъ къ нимъ хоть на 1^о р. 25 к. продуктовъ изъ подааній (*) оказы-

(*) Въ изданной, въ 1869 г., И. А. Хрыповымъ брошюркѣ, подъ заглавiемъ: «Настоящее положенiе мѣстъ заключенiя въ С.-Петербургѣ», между прочимъ сказано, что въ 1868 г. доставлено въ замокъ припасовъ для улучшенiя арестантской пищи (подаанiя) на сумму до 6,000 р. Разложивъ эту сумму на 365 дней, приходится по 16 р. 38 к. въ день, т. е. по 2¹/₂ к. на каждого благороднаго и простолюдина въ день. Мало того: въ году бывають многие дни, въ которые подаенiя весьма значительны и исключительно и а н ихъ легко прокормить арестантовъ, безъ кормовыхъ, по нѣсколько дней сряду. Дни эти—больше годовые праздники. Напр. 19 апрѣля 1870 г. подано 164 булки, 5 пуд. 17 ф. ситнаго, 2 пуд. 10 ф. говядины, 8 пуд. 20 ф. солонины, 1,700 яицъ, 6 фун. сахару, 1¹/₂ фунта чаю, 34 пасхи и т. п. здѣсь, кстати, замѣтить, что самая брошюрка г. Хрыпова весьма своеобразное явленiе: авторъ ея, директоръ тюремнаго комитета, завѣдывающiй хозяйственною частiю замка „считаетъ долгомъ изложить въ подробности, въ какомъ положенiи находятся столичныя мѣста заключенiя“, и дѣйствительно пунктуально рассказываетъ: сколько гдѣ кроватей, камеръ, какiя гдѣ одѣяла, подушки, полотенца и проч.; но какъ только доходить до денегъ,—то сообщаетъ, что въ 1868 г. „приношенiй напр. доставлено, на улучшенiе арестантской пищи, всего на сумму до 6,000 р.“; „швальня доставляетъ арестантамъ возможность заработать для себя до 2,600 рубл.“; „за стирку бѣлья, приготовленiе кушанья выдается, денежное, арестантамъ пособие, смотря по усердiю, въ гдѣ болѣе 800 р.“; „за шитье сапоговъ и т. под. до 700 р. въ годъ“; „для развоза арестантовъ и пищи въ пересыльную тюрьму нанимаются люди и лошади, что ежегодно стоитъ до 4,000 р.“; вся благотворительность комитета, судя по словамъ цитируемаго нами автора, простирается до 13,000 р. въ годъ. И вездѣ, замѣча-

вается, что на 7 р. 25 в. для них приобретается: 5 дней—три скоромныхъ, а 2 дня—два постныхъ блюда. Далѣе, съ 600 чел. простолюдиновъ по 10 в.—60 р., да изъ подаваемыхъ припасовъ по 2¹/₂ в. и изъ высыпныхъ изъ кружекъ денегъ, по меньшей мѣрѣ, по ¹/₂ в., итого по 13 коп. на человѣка, а всего 78 р. въ день—сумма довольно почтенная, на которую арестанты тѣмъ не меньше имѣютъ, наоборотъ, одно кушанье—пять, а два, лишь два дня, тогда какъ всѣмъ и каждому извѣстно, что чѣмъ на большую сумму дѣлается закушка припасовъ, которые варятся въ одномъ котлѣ, тѣмъ дешевле обходится продовольствіе каждой отдѣльной личности (*). Вотъ самый простой математическій расчетъ. И такъ, сопоставляя матеріальныя, на продовольствіе средства привилегированныхъ арестантовъ съ тѣми же средствами арестантовъ-простолюдиновъ, становится ясно, что послѣдніе могутъ, безъ малѣйшаго затрудненія, также, какъ и пер-

тельно, все „до“ и „болѣе“, но ни въ одномъ мѣстѣ не поминается съ точностью: сколько именно, тогда какъ автору, лично всѣмъ этимъ управляющему, можно бы, кажется, за прошедшее хоть время достоверно знать и предать тисненію цифры въ томъ положительномъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ значатся, по представляемымъ, куда слѣдуетъ, отчетамъ. А такъ какъ этого нѣтъ въ брошюрѣ, то невольно рождается сомнѣніе: бываютъ ли точные отчеты и если бываютъ, когда они изготовляются? Сомнѣніе это тѣмъ болѣе логично, что въ 1869 г. авторъ не зналъ сколько на что издержано въ 1868 г.

(*) Расчетъ нашъ особенно неоспоримъ въ виду того факта, что гвардейскіе солдаты получаютъ порціонныхъ по 3—4 к. въ день, довольствуются по ротню, человѣкъ по 100, и на эти средства вѣдятъ ежедневно по два кушанья, несравненно лучшія, нежели въ тюремномъ замкѣ.

вые, ежедневно истреблять три кушанья. Но въ дѣйствительности они эту роскошью не пользуются. Замѣтимъ встать, что арестанты простолюдины выглядят изнуренными, очень блѣдными, а иные едва ходятъ...

Отъ физической пищи арестантовъ, самый приличный переходъ въ ихъ умственной и нравственной пищѣ, что мы и дѣлаемъ. Главная задача тюремнаго комитета (по буквальному смыслу 15, 7 п. 30, 53, 5 п. 54 и 60 ст. Устава) состоитъ въ исправленіи преступниковъ. Но въ замкѣ на эту важнѣйшую задачу смотрятъ индифферентно: замокъ снабжается книгами исключительно (къ сожалѣнію) духовнаго содержанія. Арестанты, какъ насъ увѣряли, берутъ эти книги подъ предлогомъ чтенія, а взявъ просто рвутъ ихъ съ досады. Мы тѣмъ болѣе жалѣемъ объ этомъ обстоятельствѣ, что 239-ю ст. инструкции арестантамъ разрѣшается читать: по 2 п.—наравоучительныя, а по 2—историческія книги.

Въ тюрьмѣ ежедневно, кромѣ праздниковъ, производится, часа по два обученіе арестантовъ грамотѣ особымъ учителемъ, нанимаемымъ отъ тюремнаго комитета за 10—15 р. въ мѣсяць. Право учиться прѣдоставлено однако не всѣмъ, а лишь людямъ, содержащимся: а) за мало-важные проступки; б) изъ нихъ лишь тѣмъ, которые хорошо себя ведутъ, и в) и послѣднимъ, глядя по ихъ желанію. Этотъ странный порядокъ дѣлаетъ на практикѣ то, что является въ классъ: сегодня, напр., 40 чел., а завтра — 10, и наоборотъ; учившійся сегодня приходитъ продолжать чрезъ недѣлю, въ теченіе которой онъ все ужъ позабылъ. И въ результатѣ такой безобразной системы оказывается, что игра, такъ сказать, не стоитъ свѣчей. Что напр., за нелѣ-

ность дурно себя ведущему человѣку воспрещать учиться, когда всякая провинность карается цѣлымъ арсеналомъ наказаній? Напротивъ, именно на людей плохаго поведенія и слѣдуетъ налегать грамотностью, ибо въ ней-то онъ и найдетъ средства къ исправленію, за отсутствіемъ осмысленнаго занятія.

VII.

Мастерскія замка находятся въ чрезвычайномъ загонѣ. Изъ 460 'челов. мужчинъ, содержащихся въ замкѣ въ іюлѣ, напр. 1870 г. занимались: шитьемъ: солдатскихъ шинелей — 50 челов., сапоговъ — 5 челов., столярки 5 челов., 5 же челов. благородныхъ дѣлали папиросницы, итого 65 челов., да готовили пищу и мыли бѣлье 25 челов. (для чего же, спрашивается, арестантки? Не ихъ ли прямое дѣло стирать бѣлье?); остальные же 395 человѣкъ съ ранняго утра до поздняго вечера проводили время въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Между тѣмъ, работаютъ всѣ охотно, но бѣда-то въ томъ, что работать нечего, что посылаютъ работать опять таки только людей, содержащихся за маловажные проступки, изъ благонаправныхъ. Фактъ этотъ просто поражаетъ, когда читаешь въ 55 ст. Уст. о содерж. подъ стражею выраженія: «особенной заботливости тюремныхъ комитетовъ подлежитъ занятіе арестантовъ работами, руководъліями за вознагражденіе»; или 237 ст. инструкціи, которая гласитъ: «работы для арестантовъ избираются такія, кои сколь возможно во время ихъ заключенія занимали бы ихъ, не позволяли бы имъ быть праздными,

приучали бы ихъ къ порядку, правильному употребленію времени, къ подчиненности и повиновенію, дабы, по возвращеніи въ нѣдра ихъ общества, они содѣлались полезными самимъ себѣ, своимъ семействамъ, вообще клонились бы къ исправленію нравственности и къ привычкѣ трудиться».

Существуетъ въ тюрьмѣ едва сносная — одна лишь портняжная; остальные же мастерскія остаются поименованными только въ законѣ. Правда, многократно, говорили намъ, хлопотали объ устройствѣ мастерскихъ, хотъ для обученія содержащихся несовершеннолѣтнихъ арестантовъ; но всѣ домогательства остаются тщетными. Впрочемъ, одинъ изъ директоровъ, 4 года тому назадъ, вызвался организовать мастерскія, для которыхъ было уже очищено въ тюрьмѣ и мѣсто, — но общаніе его доселѣ еще не перешло въ дѣло. Отсюда совершенно понятно, что арестанты, томясь въ бездѣйствіи, считаютъ для себя удовольствіемъ кормить по очереди голубей остатками отъ своей трапезы.

— Хотъ пустяшное, а все-таки дѣло, говорятъ они; то договариваемся кому какую, по примѣтамъ, кормить птицу, дѣлаемъ изъ хлѣба крошки, глядимъ: скоро ли твоя птица подлетитъ, какъ она клюетъ, какъ другая подлетаетъ, — ну полчаса и пройдетъ...

Женщины арестантки и въ отношеніи работы гораздо счастливѣе мужчинъ: всѣ онѣ шьютъ въ рынокъ бѣлье, хотъ и за ничтожную цѣну; за то ихъ не тяготитъ скука, не одолѣваетъ тоска отъ бездѣйствія.

Изъ тѣхъ работъ, которыми занимаются арестанты, обязательны портняжныя, а остальные — доброволь-

ныя (159 ст. Уст.) Вознаграждается арестантскій трудъ «нѣкоторою» суммою по слѣдующему расчету: изъ вырученной за сдѣланную вещь цифры отчисляется: а) стоимость матеріала, на нее употребляемаго; б) $\frac{1}{3}$ въ доходъ замка, согласно 55, 160 и 206 ст., а остальная доля обращается въ пользу работавшаго, но выдается она ему не раньше, какъ по освобожденіи его изъ тюрьмы на волю, а если онъ осужденъ, то отсылается туда, куда онъ отправляется.

Свиданія допускаются дважды въ недѣлю, сквозь двойныя, деревянныя рѣшетки, между которыми часовые наблюдаютъ, чтобы посѣтители ничего не передавали арестантамъ. Въ длинную, узкую, сумрачную и очень неблагоприятную комнату свиданій, каждый разъ, особливо въ праздники, набирается народу до 100 челов. — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Общій, торопливый говоръ, стоны, плачь, горькія сѣтованія на судьбу и т. п. вещи, такъ и щемятъ, такъ и рвутъ за сердце, непривычное къ столь потрясающимъ сценамъ...

Видѣть арестантовъ дозволяется, на основаніи 157 ст. инструкціи — дѣтямъ родителей, мужьямъ — женамъ, роднымъ братьямъ — сестерамъ, и всѣхъ ихъ наоборотъ; «уголовные же, всѣ слѣдственные и по сомнѣнію въ воровствѣ» арестанты лишены этого права, безъ особаго на то разрѣшенія. Затѣмъ, ни родственники въ дальнѣйшихъ степеняхъ, ни тѣмъ менѣе знакомые никогда не могутъ, по 169 ст., посѣщать никого изъ арестантовъ. Видѣвъ процедуру свиданія, мы, не обинуясь, заявимъ, что этотъ ограничительный законъ безусловно несостоятеленъ: съ одной стороны, онъ крайше стѣснителенъ для несвѣду-

щихъ людей, а съ другой — безцеремонно обходится людьми опытными. Въ подкрѣпленіе нашихъ словъ приведемъ фактическія подтвержденія.

Бѣдно одѣтая старушка, являсь въ замокъ, просить позволить ей видѣться съ крестьяниномъ Петровымъ.

— Вы его мать? спрашиваетъ ее офицеръ.

— Нѣтъ, батюшка, не мать, а тетка.

— Ну, тажъ вамъ нельзя съ нимъ видѣться.

— Да я хошъ и тетка, а ближе къ нему чѣмъ мать: я его вскормила, выростила собственными трудами. Пусты, батюшка, пожалѣй хоть мою старость: съ Выборгской плелась сюда, чтобъ хоть взглянуть на парня...

— Нельзя, матушка, нельзя: законъ воспрещаетъ.

И старушка, залившись слезами горючими, уходитъ.

На сцену выступаетъ прилично одѣтый мужчина, съ плутовскою, нахальною фізіономіею.

— Позвольте мнѣ увидѣться съ мѣщаниномъ Иваномъ Ивановымъ. Онъ мнѣ братъ.

— А какъ ваша фамилія?

— Чубуковъ. Но это ничего не значить: мы отъ одной матери; угодно, я въ слѣдующій разъ и метрику принесу (*).

Доискиваться правду ли говорить посѣтителю — нѣтъ физической возможности (въ день посѣщаютъ до 100 и болѣе чел.), а потому, хоть онъ и очевидно вретъ,

(*) А мы прибавимъ, что видѣться и по чужимъ паспортамъ, въ какихъ означены одинаковыя фамиліи, тоже очень не мудрено въ столицѣ, гдѣ живетъ 500,000 чел. слишкомъ, и нуждающіеся въ свиданіяхъ сплошь да рядомъ это дѣлають.

онъ, да и множество ему подобныхъ, совершенно чужіе арестантамъ, беспрепятственно посѣщаютъ ихъ.

Намъ думается, что, въ интересахъ справедливости, необходимо дозволить свиданія съ арестантами всѣмъ безъ изытія родственникамъ, не то даже и знакомымъ. Мнѣніе это мы почерпаемъ изъ того, что самый запретъ видѣться съ арестантами созданъ исключительно для предупрежденія стачки подсудимыхъ съ свидѣтелями, но вѣдь теперь всѣ видятся, какъ мы замѣтили выше, среди сильнѣйшаго шума, толкуютъ о чемъ хотятъ беспрепятственно; при возможности всякому видѣться, подъ видомъ брата, сестры, стачка неотвратима: неотвратима и по той еще причинѣ, что арестантъ можетъ просить посѣщающихъ его жену, брата, мать: а) сговориться со свидѣтелями, а они, будучи столь близкими въ нему, почти всегда исполнять его желаніе; б) если онъ не рассчитываетъ, что они сдумаютъ это выполнить, то чтобъ свидѣтель предъявилъ къ нему у мирового судьи небывалый искъ; тогда онъ самъ явится, согласно повѣсткѣ, и въ камерѣ суда отлично споется со свидѣтелемъ о своемъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, запретъ, какъ его не толкуйте, на практикѣ теряетъ всякій смыслъ, кромѣ исключительныхъ, рѣдкихъ случаевъ, напр. касательно важныхъ преступниковъ (157 п. инструкціи) прокурорскій надзоръ, тотчасъ по заключеніи подъ стражу подобнаго субъекта, сообщитъ въ замокъ о воспрещеніи ему всякаго съ кѣмъ бы то ни было сообщенія и это въ точности исполняется.—Слѣдовательно потребность измѣнить законъ о порядкѣ свиданій—никакими доводами не можетъ быть опровергнута.

Больница замка, своимъ помѣщеніемъ, бѣльемъ и прочими атрибутами, не хороша и не плоха, а находится въ такомъ же видѣ, какъ и городскія (напр. Обуховская) больницы, и если она чѣмъ и отличается отъ прочихъ, ей подобныхъ, то развѣ тѣмъ, что, на основаніи 181 ст. уст., на медикаменты полагается лишь по 3 коп. въ день на человѣка. 3 коп.—цифра столь ничтожная, что на нее можно только имѣть горсточку горчицы, мяты или шалфею, но отнюдь не лекарство.

Въ больницѣ насъ однажды поразилъ среднихъ лѣтъ коренастый мужчина: нижнія челюсть его—была сворочена на бокъ, губа—раскроена, а зрачокъ одного глаза совершенно вытекъ, и мѣсто его занималъ огромный, синебагровый волдырь.

— Отчего это лицо ваше такъ ужасно изуродовано, обратились мы къ нему съ вопросомъ, послѣ деликатнаго вступленія.

— Это... это вотъ отчего, сирымъ, сердитымъ голосомъ заговорилъ онъ. — Шель я путемъ дорогой, фсть ужасно хотѣлось, денегъ ни гроша, да и фатеры тоже не было. На эту-то бѣду и встрѣлся мнѣ лабазникъ. Я къ нему: давай, молъ, денегъ. Хоть и есть, говоритъ, да не про твою честь. Я наскочилъ было на него, чтобъ, значить, ограбить, а онъ не будь промахъ, рванулъ, поднялъ камень и хватъ меня имъ по рылу. Я свѣту Божьяго не взвидѣлъ. О иначе злость взяла свое—я догналъ его, сгрѣбъ сзади и... и задушилъ его, скота, заключилъ онъ съ торжествомъ, негодованіемъ. — Опосля

того и самъ очумѣль, свалился. Меня нашли, я сознался и вотъ таперя здѣсь маюсь...

Крайній недостатокъ медицинской помощи съ избыткомъ, впрочемъ, пополняется духовною помощью: въ замкѣ устроены православная церковь, католическая каплица, лютеранская кирка, магометанская мечеть и даже еврейская синагога. Въ православной церкви арестанты стоятъ по категоріямъ преступленій въ отдѣльных мѣстахъ, за рѣшеткой, во всѣхъ 3-хъ этажахъ церкви.

Взять всѣ безъ изыятія арестанты (кромѣ больныхъ и беременныхъ женщинъ) въ присутственныя мѣста въ зеленыхъ, запертыхъ фургонахъ (ст. 130 инструкціи). Фургоны эти коротко знакомы петербургскимъ жителямъ: всякій ежедневно видитъ ихъ на улицахъ; но на эти фургоны вполнѣ распространяется пословица: «наружность часто бываетъ обманчива». Такъ, внутренность фургоновъ перегороджена, посрединѣ, глухою, деревянною доскою; къ наружнымъ же двумъ стѣнкамъ примощены скамейки, для сидѣнья арестантовъ; пространство между скамейками и перегородкою столь малое, что колѣнки арестантовъ упираются изъ обоихъ конурокъ въ перегородку, а потолокъ фургоновъ такъ низокъ, что высокій человѣкъ принужденъ непременно согнуться. Наконецъ, остовъ фургоновъ безъ рессоръ, отчего фургоны въ пути сильно трясутся, а люди, въ нихъ сидящіе, то и дѣло стучаются: головами—о потолокъ, корпусомъ—о стѣнки, ногами—о перегородку. Такимъ манеромъ проѣхать отъ замка до окружнаго суда въ этомъ экипажѣ составляетъ порядочное наказаніе, которое зимою значительно еще усугубляется холодомъ: путешествіе продолжается не

меньше часа, а платье арестантовъ недопуститъ только замерзнуть...

VIII.

Формальныхъ свѣдѣній о числѣ рецидивовъ въ замкѣ никакихъ не ведется; частныя же указанія насчитываютъ ихъ довольно. Такъ, въ концѣ 1870 г. сидѣли напр. за различныя преступленія мужчина въ 10-й разъ, женщина въ 18-й разъ; а тѣ, кто раза по 4—6—явленіе совершенно нормальное, никого не смущающее.

— Вы за что здѣсь содержитесь, спросили мы старушку, которая въ 18 разъ.

— За кражу, батюшка, за кражу-съ, приторнымъ тономъ отвѣтила она.

— И всѣ разы за кражи?

— Да, батюшка, все за кражу, потому я, старый человѣкъ, ни на какія другія штуки не пускаюсь.

— Что же это васъ побуждаетъ все красть, да красть и маяться тутъ.

— Такъ ужъ, батюшка, мнѣ, вѣрно, на роду написано: какъ увижу, что гдѣ плохо лежитъ—такъ ужъ, извини, батюшка, украду, безпремѣнно украду, потому я испорчена заговоромъ злыхъ людей. Только я, батюшка, краду-то, помни, не Богъ вѣсть что, а рубашечку, платочикъ напр., кофейникъ, юбочку, али башмачонки, и все вотъ такія малости. Уйти бы мнѣ изъ рода, можетъ злой духъ бы и отсталъ, да некуда и не съ чѣмъ: я бѣдненькая, безродная, круглая сиротка на бѣломъ свѣтѣ. Жить мнѣ нечѣмъ, работать силъ нѣтъ, ну и поневолѣ стащишь, что нибудь на пропитаніе.

— Такъ вы бы лучше въ богадѣльню какую нибудь пристроились, чѣмъ сюда попадать.

— Богадѣльни всѣ и безъ меня биткомъ набиты народомъ, попадать туда—надо денегъ, благодѣтелей, а у меня ничего этого тоже нѣтъ. Это разъ. А другое мнѣ, по привычкѣ, и здѣсь хорошо: я тутъ всякій уголокъ ужъ знаю и меня всѣ знаютъ; строгости и въ богадѣльняхъ такія же, какъ тутъ; кормятъ здѣсь насъ лучше, чѣмъ въ богадѣльняхъ. Такъ чего жъ я тамъ, батюшка, не видала-то? Нешто такихъ же, какъ я, старухъ? Да я не уживусь съ ними: сварливы больно, а здѣсь то та, то другая, что нибудь расскажетъ, то новенькая прибудетъ за убивство примѣрно, такихъ рѣчей наслушаешься, что дивнись смѣлости нонѣшняго народа. Ну и живу себѣ по маленьку, покуда Господь грѣхамъ терпитъ.

Аргументація, какъ видите, читатель, исключаетъ всякія возраженія.

Между тѣмъ подобные-то вотъ рецидивисты и составляютъ почтенныхъ, арестантами уважаемыхъ старожиль замка,—старожиль, жившихъ въ немъ въ разнообразные періоды времени. Періоды эти бывали слишкомъ суровые, и довольно сносные, и наконецъ, совершенно вольготные: все зависѣло отъ личныхъ качествъ главы тюремной администраціи—смотрителя. О вольготномъ періодѣ, бывшемъ съ 1860 по 1867 г. старожилы и нынѣ вспоминаютъ съ умиленіемъ, восторгомъ. Если вѣрить рассказамъ тюремныхъ обитателей, полагая въ этомъ числѣ и начальствующій персоналъ, то: а) о чудесахъ, тамъ совершавшихся, вѣрится съ трудомъ, хотя преданіе и свѣжо, и б) обвиненіе г. Крестовскаго въ томъ, будто «Петербург-

скія Трущобы» вымыселъ его фантазиі — падаетъ по крайней мѣрѣ на половину. Приведемъ, на выдержку, лишь нѣсколько фактовъ, неоставляющихъ никакого повода сомнѣваться въ ихъ достовѣрности.

Начнемъ съ того, что арестанты жили въ помянутое время привольно. Помѣщались они по камерамъ не по роду преступленія, а зря, кто гдѣ хотѣлъ. Цѣлые дни проводили они на дворѣ, точно на привалѣ, играли, пѣли пѣсни, кутили безпрепятственно; водку не только сто-рожа имъ приносили по мелочи, но она содержалась въ самомъ замкѣ въ крупномъ количествѣ.

Нѣкто, на тюремномъ нарѣчїи Сашка Татаринъ, офици-ціально торговалъ ею до перемѣны прежней администраціи; тогда новая, обыскивая замокъ, нашла въ бродяжномъ отдѣ-леніи, подъ поломъ, выложенный кирпичемъ погребъ, а въ немъ чистаго спирта 30 бутылокъ. Викуль Савельевъ былъ ростовщикомъ; онъ жилъ въ 3-мъ этажѣ, куда вся-кій арестантъ, нуждавшійся въ деньгахъ; приносилъ, если имѣлъ—собственныя, не то даже и казенныя вещи, ко-торыя оцѣнялись присяжными оцѣнщиками; потомъ Са-вельевъ ссужалъ подъ нихъ пришедшаго суммою, опре-дѣленною оцѣнщиками, на извѣстный срокъ, за процен-ты. Затѣмъ, народонаселеніе строго наблюдало за свое-временнымъ выкупомъ заклада; въ случаѣ же неиспол-ненія: по уважительной причинѣ — платежъ отсрочи-вался, по неуважительной—закладъ поступалъ въ соб-ственность заимодавца, который чрезъ тюремную при-слугу продавалъ его на волю, а кредитовавшійся терялъ, разъ навсегда, право пользоваться ссудою, да еще бы-валъ не разъ, за недержаніе честнаго слова, жестоко

колочень (*). Иные изъ начальствовавшихъ, а иногда и люди вольные, тоже (какъ рассказываютъ) одожились у Савельева при нуждѣ, но за большій процентъ, нежели арестанты. Для сбереженія заложенныхъ вещей Савельевъ располагалъ особою, также подъ поломъ, кладовою. И Савельевъ и татаринъ сидѣли конца до 1870 года въ замкѣ, по 4-му разу. Оба они сильно претендовали на настоящаго смотрителя за лишеніе ихъ права заниматься торговлею, причемъ добавляли, что онъ ихъ разорилъ, погубилъ: погубилъ потому, что, располагая прежде изрядными матеріальными средствами, они ихъ теперъ лишились и уже не могутъ, посредствомъ оныхъ, выкарабкаться изъ неволи... Мало того: свѣдущіе люди увѣряли насъ, что изъ замка выдавались, бывало, по просьбѣ и настоянію сыскной полиціи, цѣнными краденныя вещи. Подъ поломъ же третьей камеры, обрѣли спрятанными туда больше 10 желѣзныхъ болтовъ и ломовъ.

Разъ въ недѣлю, по пятницамъ, арестанты допускались официально къ арестанткамъ слѣдующимъ порядкомъ: въ указанный день арестанты, очередуясь, по отдѣленіямъ, приходили, человекъ по 15—30, въ канцелярію замка и заявляли, что хотятъ видѣться: одинъ—съ Акулиною, другой—съ Марѳою и т. д., яеобы съ родственниками. Каждому изъ нихъ выдавался на лоскуткѣ бу-

(*) Кулачная расправа до сихъ поръ еще въ употребленіи между арестантами; примѣняютъ ее они съ особеннымъ рвеніемъ къ тѣмъ изъ товарищей, которые передаютъ начальству о случающихся между ними казусахъ, если имъ удастся дознаться, кто именно сфискальничалъ.

маги пропускъ, съ обозначеніемъ имени женщины, и они отправлялись гурьбою на женскую половину, гдѣ бывали съ 2 до 5 часовъ дня, проводя это время въ публичныхъ, но столь интимныхъ бесѣдахъ, что въ результатѣ родъ человѣческій размножался... А когда бывшій смотритель, разсердившись однажды на что-то, вздумалъ было запретить эти свиданія, то арестанты поколотили его и онъ отказался отъ своего реформаторскаго замысла...

Фабрикацію, въ замкѣ, фальшивыхъ паспортовъ съ величайшимъ трудомъ вывели, увѣряли насъ, окончательно только въ 1868 г. Намъ показывали цѣлую коллекцію инструментовъ, снарядовъ, которые служили арестантамъ орудіемъ добычи денегъ; вырѣзанныя на мѣдныхъ монетахъ, на камнѣ, кости, печати волостныхъ правленій, городскихъ радушъ, думъ, пилючки, буравчики, долоты, отвертки и проч., всѣ эти—изящно сдѣланные предметы—показываютъ въ мастерахъ громадныя способности, изобрѣтательность и терпѣніе. Напр., чтобы превратить простую косточку, вынутую изъ говядины, въ круглое колечко, въ заостренный 4-хъ угольный винтикъ, она оттачивалась, во время прогулки по двору, о булыжники, по цѣлымъ мѣсяцамъ!...

Побѣги въ одеждѣ мастеровыхъ, работавшихъ въ замкѣ, прежде не составляли диковины. Но въ замкѣ сжижали люди, которымъ этотъ способъ казался несомнѣннымъ съ ихъ достоинствомъ, а потому они уходили изъ замка хотя и съ чрезвычайными затрудненіями, за то съ честью, со славою, переходившею въ потомство. До сихъ поръ слыветъ героемъ дворянинъ Баковъ, судившійся за покушеніе на убійство отца и бѣжавшій въ 1866 г. Онъ—человѣкъ весьма ловкій, способный—поль-

зовался среди арестантовъ громкою популярностію. Со-
скучившись сидѣть, онъ, въ день свиданія (когда наби-
ралось множество посѣтителей, а караулъ вообще не от-
личался зоркостью), гладко выстригся, выбрился (онъ
прежде носилъ длинныя волосы и такую же, оклади-
стую бороду), одѣлся въ добытое щегольское платье, на-
кинулъ на него сверху арестантскую хламиду, пришелъ
въ свидальную комнату, сбросилъ съ себя арестантскую
одежду, взявъ въ руки тамъ заблаговременно пригото-
вленные шляпу и тросточку, пробрался изъ арестантской
половины въ половину посѣтителей, поговорилъ немного
съ однимъ изъ арестантовъ, якобы посѣщая его, потомъ,
надѣвъ синія очки, вышелъ подъ арку, намѣреваясь по-
кинуть замокъ. Проницательный унтеръ-офицеръ, стояв-
шій у воротъ, увидѣвъ Бакова, отказался выпустить его,
говоря, что сомнѣвается: не арестантъ ли онъ? Подо-
зрѣніе это ни чуть не смутило Бакова: онъ поднялъ
шумъ съ унтеръ-офицеромъ за то, что тотъ дерзнулъ
скомпрометировать его, и потребовалъ дежурнаго по-
мощника смотрителя. Желаніе Бакова тотчасъ же было
исполнено, и онъ, очутившись въ канцеляріи, самоувѣ-
ренно началъ высказывать офицеру свою претензію на
унтеръ-офицера, причемъ такъ ловко скривилъ свою фи-
зіономію и показалъ себя не Баковымъ, что офицеръ,
лично знавшій его прежде и теперь положительно не-
узнавшій, извинился предъ нимъ и приказалъ его выпу-
стить. Тогда, надѣвъ торжественно шляпу, перчатки, и
болтая въ воздухѣ тросточкою, онъ спокойно, даже мед-
ленно, вышелъ изъ воротъ, нанялъ извозчика и уѣхалъ
съ триумфомъ. Вечеромъ, при повѣркѣ, открылся побѣгъ

*

Бакова. Тщетно проискавъ его нѣкоторое время, объявили въ приказѣ по полиціи о его сыскѣ. Спустя еще нѣкоторое время, кронштадтская полиція извѣстила здѣшнюю, что тамъ задержанъ человекъ, судя по примѣтамъ, Баковъ и потому не угодно ли, дескать, прислать когонибудь взглянуть: не онъ ли это? Однако, покуда полиція переписывалась, Баковъ ушелъ и изъ секретнаго номера кронштадтской тюрьмы, употребивъ для этого слѣдующій приемъ: онъ внезапно притворился захворавшимъ холерою и уговорилъ стерегшаго его будочника сходить купить — за дорогую, разумѣется, плату бутылку крѣпкаго вина,—а когда будочникъ принесъ, онъ зазвалъ его въ свою конуру, напоилъ, раздѣлъ, облачился въ его одежду, взялъ ночное ведро, вышелъ въ корридоръ, заперъ на ключъ стражу и, ворча на безпокойнаго узника, свободно, въ присутствіи другихъ часовыхъ, въ сумеркахъ вынесъ ведро на дворъ, вылилъ куда слѣдовало нечистоты, оставилъ ведро, и подъ предлогомъ покупки табачку—свободно выбрался на волю. Больше онъ никому ни гдѣ ужъ не попадался: такъ и исчезъ, точно въ воду канулъ.

IX.

Новое тюремное начальство принялось искоренять господствовавшіе въ замкѣ безпорядки. Къ этому оно побуждалось, независимо собственнаго желанія, и прокурорскимъ надзоромъ, обратившимъ серьезное вниманіе на замокъ, по введеніи въ Петербургѣ судебной реформы. И чѣмъ строже смотритель съ помощниками повели дѣло,

тѣмъ быстрѣ росла къ нимъ ненависть арестантовъ; послѣдніе всячески допекали первыхъ, сообразно, разумѣется, средствамъ, въ ихъ распоряженіи находившимся. Неоднократно напр. пытались убить смотрителя, помощника; разъ даже заготовили арканъ съ петлею, произвели нарочно шумъ, но явившійся на мѣсто смотритель, будучи предупрежденъ о замыслѣ арестантовъ, велъ себя такъ осторожно, что планъ ихъ не удался. Другой разъ арестанты свозили песокъ въ подвалъ и тамъ въ самый темный, отдаленный уголъ запрятали одного изъ товарищей, котораго при повѣркѣ, конечно, не досчитались. Тогда начальство цѣлую ночь насквозь проискало арестанта, найденнаго ужъ слѣдующимъ утромъ, когда обшарили всѣ подвальные углы. Третій разъ арестантъ забрался, послѣ повѣрки, на одинъ изъ чердаковъ и принялся стучать палкою въ желѣзную крышу, а начальство, думая, что взламываютъ крышу, нѣсколько часовъ сряду бѣгало по отдѣленіямъ, чердакамъ, покуда убѣдилось въ чемъ дѣло. Четвертый, наконецъ, разъ еаторжники разобрали въ своей камерѣ печку по кирпичу, вооружились ими и кричали: «подходи, кому жизнь надоѣла: на мѣстѣ положимъ!» Цѣлыхъ трое сутокъ имъ не давали пищи, стерегли ихъ днемъ и ночью—напрасно: одни спали, а другіе оставались на сторожѣ, и, лишь конвой подойдетъ, разбудятъ товарищій и всѣ мигомъ становятся въ угрожающее положеніе. Однако, вдосталь измучившись, они на четвертые сутки сдались: во время ихъ сна вошли тихонько въ камеру, сразу перехватили всѣхъ и разсажали по карцерамъ.

Арестовывать арестантовъ въ камерахъ, въ при-

судствіи другихъ, признается и въ настоящее еще время неудобнымъ: они выказываютъ всегда сопротивленіе. Оттого провинившихся обыкновенно вызываютъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ (въ родѣ полученія на его имя письма, свиданія), въ канцелярію и ужь оттуда отводятъ въ карцеръ. Вообще надо располагать значительнымъ тактомъ, огромнымъ навыкомъ, чтобъ удерживать праздныхъ арестантовъ отъ различныхъ выходовъ; достигается же благонравіе преимущественно давленіемъ на ихъ самолюбіе. Однажды смотрителю сообщили, напр., что убійцы напали на его помощника за то, что онъ ихъ распекалъ слишеомъ жесткими выраженіями. Очутившись на мѣстѣ происшествія, смотритель увидѣлъ, что дѣло дѣйствительно плохо, а потому и произнесъ: «господа, вы вѣдь не мелкіе ворюшки, а убійцы, люди умные; такъ стыдитесь же безчинствовать изъ-за пустяковъ». — «Это вѣрно, а потому и перестаемъ для васъ; извините за беспокойство», — громогласно отвѣтили разъяренные было арестанты и мигомъ разбрелись по угламъ

Мало по малу большинство арестантовъ угомонилось, пришло къ заключенію, что пора покориться; неприимримые же перемѣнили тактику: вмѣсто deboшей, они начали дѣйствовать доносами на администрацію замка; инициатива въ этомъ случаѣ всегда принадлежитъ благороднымъ. Доносы производятъ переполохъ, слѣдствіе, а иногда и судъ. Одно изъ подобныхъ дѣлъ, затѣянное знаменитыми въ уголовныхъ лѣтописяхъ Лавровымъ и Левицкимъ, и до сихъ поръ еще кажется тянется.

Жалобы впрочемъ бывають и на прокурорскій надзоръ.

Такъ, четверо арестантовъ вывозились разъ изъ замка, на позорной колесницѣ, на Конную площадь, для выслушанія приговора, но, за неприбытіемъ туда, для присутствованія при казни, члена прокуратуры, арестантовъ отвезли назадъ, потомъ вновь возили на площадь, на колесницѣ же. Эта двукратная поѣздка послужила арестантамъ поводомъ къ жалобѣ, въ виду того, что по закону сіе тяжелое путешествіе должно примѣнять только одинъ, а не два раза. Казусъ этотъ дошелъ до свѣдѣнія министра юстиціи, на вопросъ коего: почему это произошло, лицо, долженствовавшее явиться на площадь, дало слѣдующій, передавали намъ, пренаивный отвѣтъ: «не зная, гдѣ находится площадь, онъ нанялъ туда извозчика, который завезъ его совершенно въ противоположную сторону, отчего, опоздавъ на значительное время, и не попалъ на площадь».

Люди сидятъ случается, въ тюрьмѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Нѣкто И—въ бытъ заключенъ, по приговору окружнаго суда, въ замокъ на четыре мѣсяца, а просидѣлъ пять, и уже смотритель возбудилъ, по его просьбѣ, вопросъ объ его освобожденіи. Другой примѣръ: судившагося глухонѣмаго окружной судъ оправдалъ, причемъ постановилъ: опредѣлить его въ городскую богадѣльню. Начальство замка снеслось съ кѣмъ слѣдовало о приемѣ глухонѣмаго въ богадѣльню, но получило отвѣтъ, что въ названномъ заведеніи нѣтъ вакантнаго мѣста. И, не смотря на многократныя повторенія, глухонѣмой сидѣлъ въ замкѣ арестантомъ въ 1870 г. съ февраля по октябрь мѣсяць, а быть можетъ и теперь еще тамъ. Люди, приговариваемые за преступленія въ арестантскія роты,

подлежать, согласно 1008 ст. Уст. о содерж. подъ стражею, предварительно отправленія ихъ по назначенію, освидѣтельствуванію въ присутствіи губернскаго правленія, на тотъ предметъ: годны ли они къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ. Прежде, освидѣтельствованіе это производилось еженедѣльно, а съ нѣкотораго времени это стало дѣлаться разъ въ мѣсяць, отчего люди прибываютъ, безъ всякаго повода, въ заточеніи по лишнему мѣсяцу (*).

Наконецъ, содержащихся въ военно-исправительныхъ арестантскихъ ротахъ солдатъ, оказавшихся негодными къ тамошнимъ работамъ; военное вѣдомство передаетъ въ гражданское, для содержанія опредѣленныхъ сроковъ въ тюрьмѣ. Такихъ людей въ замкѣ въ 1870 г. было до 70 чел. Но и изъ нихъ многіе давно уже кончили срокъ, который они должны были просидѣть въ замкѣ. Смотритель, по наступленіи срока, доноситъ о семъ начальству, испрашивая: куда прикажутъ отправить этихъ людей? Между тѣмъ, ни въ состоявшихся объ нихъ первоначальныхъ приговорахъ, ни въ законѣ не оказалось указанія куда ихъ дѣвать... Вслѣдствіе сего, министерство внутреннихъ дѣлъ возбудило объ этомъ вопросъ, съ своей стороны (какъ говорятъ), заявляя мысль заселить ими степи Бессарабіи. Вопросъ этотъ еще не рѣшенъ, а люди доселѣ то-

(*). Мы слышали недавно, изъ достовѣрнаго источника, что теперь вовсе приостановлена ссылка людей въ арестантскія роты, которыя переполнены народомъ и приговоренные къ арестантскимъ ротамъ остаются, вслѣдствіе сего, высиживать оп. едѣльные приговорами о нихъ сроки—въ замкѣ.

мятся въ заточеніи. Нѣкоторые изъ нихъ при насъ умоляли смотрителя выхлопотать имъ скорѣе свободу.

— Мы уже съ избыткомъ загладили свои проступки, потеряли здоровье въ арестантскихъ ротахъ, здѣсь досидѣли и другой срокъ, такъ за что же насъ снова-то мучаютъ? сѣтовали они при насъ, со слезами на глазахъ. Мы и судились то не за душегубство, не за грабительство, а за пустяшныя солдатскія вины, а наказываемся гораздо хуже, чѣмъ самые отъявленные негодяи... Ушлите насъ въ Сибирь, на Кавказъ, куда угодно, но не дайте намъ вдосталь зачахнуть — сгикнуть въ заточеніи...

X.

Въ лазаретѣ замка пользуются лишь обыкновенные больные; но въ числѣ ихъ нерѣдко попадаютъ подвергшіеся умопомѣшательству. И вотъ, касательно перевода ихъ въ спеціальныя заведенія, замокъ встрѣчаетъ громадныя затрудненія, которыя рельефно характеризуются слѣдующими фактами:

Въ іюль 1869 г. смотритель замка просилъ распоряженія попечительнаго о тюрьмахъ комитета о перемѣщеніи сумасшедшаго арестанта Веселова въ такой пріютъ. С.- етербургское губернское врачебное управленіе, вслѣдствіе сношенія комитета, 23-го декабря писало о Веселовѣ въ здѣшнее губернское правленіе, которое, 12-го августа 1870 г. за № 16716, предписало смотрителю замка доставить въ правленіе свѣдѣнія: для какой цѣли содержится Веселовъ въ замкѣ и за что именно онъ су-

дится? На это смотритель отвѣтилъ правленію, что Веселовъ еще 16 ноября 1869 г. переведенъ, по распоряженію старшаго врача полиціи, въ пріемный покой Коломенской части; поступлено же было съ нимъ такимъ образомъ потому, что не могли своевременно добиться толку, а держать сумасшедшаго между здравомыслящими было невозможно.

Докторъ замка, 10 февраля 1870 г., сообщилъ смотрителю, что находящійся въ лазаретѣ арестантъ Васильевъ одержимъ сумашествіемъ. Смотритель того же числа проситъ контору исправительнаго заведенія, нельзя ли помѣстить Васильева въ состоящее при заведеніи отдѣленіе умалишенныхъ; контора 12 февраля отвѣчаетъ: нѣтъ свободнаго мѣста. Смотритель 13 февраля же проситъ тюремный комитетъ пристроить куда нибудь Васильева; не получивъ никакого отвѣта, 20 марта спрашиваетъ канцелярію комитета: что сдѣлалъ комитетъ по первому его рапорту? И комитетъ, и канцелярія молчатъ. Смотритель, 30 мая, вновь домогается отвѣта, но тоже напрасно: комитетъ безмолствуетъ. Наконецъ, губернское правленіе 13 августа (ровно черезъ 6 мѣсяцевъ и 3 дня) за № 16711, предписываетъ смотрителю немедленно донести: за что сидитъ Васильевъ въ замкѣ? Смотритель отвѣчаетъ, что человѣкъ, о которомъ онъ столько хлопоталъ, теперь уже, увы! ни въ чьей помощи не нуждается: онъ давнымъ давно уже отправился туда, гдѣ «нѣсть печалей и въздыханій»...

Неменьшій безпорядокъ происходитъ въ замкѣ оттого, что смотритель онаго не вправѣ не только произвести какую нибудь пустяшную починку, поправку, но, проще

говоря, гвоздя не может вбить въ стѣну безъ разрѣшенія понечительнаго о тюрьмахъ комитета. Разрѣшеніе же добывается слѣдующимъ порядкомъ. Смотритель сообщаетъ эконому, что нужно, положимъ, вставить стекло вмѣсто разбитаго. Экономъ передаетъ это директору, за вѣдывающему хозяйственную частью замка; директоръ дѣлаетъ о семъ представленіе комитету, который разрѣшаетъ произвести расходъ, въ засѣданіи, бывающемъ въ двѣ недѣли разъ; потомъ разрѣшеніе идетъ обратно описаннымъ путемъ до эконома, который приводитъ оное въ исполненіе, такъ что раньше мѣсяца нельзя, никоимъ образомъ, дожидаться вставленія стекла!... Что же касается самаго комитета, то отдавъ въ руки одного изъ своихъ директоровъ всю хозяйственную часть, никто изъ множества директоровъ комитета никогда не заглядываетъ въ замокъ.

XI.

Въ замкѣ, кромѣ узниковъ, живутъ еще въ пріютѣ такъ назыв. вольныя дѣвочки, т. е. дочери бывшихъ и настоящихъ арестантовъ—дѣвочки, которымъ некуда голову преклонить и которыхъ помѣщаютъ сюда по просьбамъ родителей. Пріютъ этотъ учрежденъ 10 іюня 1843 г., на 25 дѣвочекъ; завѣдываетъ пріютомъ дамскій тюремный комитетъ. Содержатся въ пріютѣ дѣвочки отъ 5 до 16-лѣтняго возраста; онѣ все это время обучаются, занимаемыми отъ комитета женщинами, грамотѣ и рукодѣльямъ. Находилось въ пріютѣ дѣвочекъ: въ 1863 г.—16 челов., въ 1864 г.—16 челов., въ 1866 г.—20 чел., въ 1869 г.—12 чел., въ 1870 г.—11 чел.

Помѣщеніе, занимаемое дѣвочками, очень чистое, опрятное; одежда и обувь на дѣвочкахъ весьма порядочныя; производуютъ ихъ сытно; вообще пріютъ выглядитъ чисто-плотнымъ частнымъ пріютомъ. Бѣда дѣвочекъ, однако, вотъ въ чемъ: Дѣтская натура слишкомъ, какъ извѣстно, воспріимчива, впечатлительна, а между тѣмъ куда онѣ не оглянутся, даже въ церкви, вездѣ взоръ ихъ встрѣчаетъ горе, печаль—неизбѣжныя спутницы людей, лишенныхъ свободы; самыя, наконецъ, разговоры, долетающіе до ихъ ушей, касаются все тюрьмы, да арестантовъ. Все это гнѣздится въ ихъ умахъ и невольно располагаетъ ихъ характеры меланхолически, а то и другое неблагопріятно отзывается въ послѣдствіи, по достиженіи ими 16 лѣтъ, когда дѣвочки, вышедши на волю, вдругъ оказываются сиротами, нравственно и матеріально нищими, въ буквальный смыслъ этого слова. Равнодушіе общества къ горемычному положенію дѣвочекъ дѣлало прежде (если вѣрить рассказамъ вполнѣ, впрочемъ, компетентныхъ лицъ) то, что, достигнувъ помянутаго возраста, дѣвочкамъ вручали ихъ паспорта, выводили ихъ за ворота и, напутствуя «съ Богомъ!» — отпускали ихъ на всѣ четыре стороны. Тогда голодь, холодъ, а частью и волчій паспортъ (воспитанница пріюта тюремнаго замка), довершали остальное: дѣвочки умножали собою число проституттокъ...

Въ 1868 году двѣ дѣвицы, такимъ способомъ оставшія пріютъ, чрезъ недѣлю явились въ канцелярію замка съ требованіемъ перемѣнить имъ паспорта; онѣ были разодѣты въ шолкъ, и на вопросъ: откуда у нихъ такіе щегольскіе наряды? — онѣ отвѣтили, что, тщетно проискавъ честный кровъ, онѣ, по необходимости, благо

молоды и красивы, обрѣли оный въ роскошномъ домѣ терпимости, гдѣ и жуируютъ на-пропалую...

Такой, совершенно естественный, образъ дѣйствій дѣвочекъ оправдывался прежнимъ порядкомъ ихъ воспитанія въ пріютѣ, гдѣ ихъ учили слишкомъ много обращать вниманія на наружность, а инныя директрисы производили надъ ними такіе эксперименты, что изъ рукъ вонь. Одна, напр., не могла видѣть дѣвочекъ некрасивыхъ, а красивыхъ ласкала, кормила пряностями и сулила имъ блестящую карьеру. Другая, привезла однажды, русскія азбуки и принялась толковать дѣвочкамъ какая буква что значить, по французски. Когда, послѣ нѣсколькихъ уроковъ, дѣвочки не выказали никакихъ успѣховъ, а барыни замѣтили, что ея метода обученія никогда не дастъ желаемыхъ плодовъ, по незнанію дѣвочками французскаго языка, она разсердилась, уѣхала и больше въ замокъ и глазъ уже не показала. Третья, ни съ того, ни съ сего, разъ заявила, что содержащаяся за преступленіе дѣвочка ей нравится, и она беретъ ее къ себѣ. Ей въ этомъ, само собою разумѣется, отказали; разобиженная отказомъ и она, въ свою очередь, отказалась отъ филантропіи. Четвертая, пріѣхавъ въ замокъ, была поражена тѣмъ, что комнаты пріюта выглядяють тюрьмою и поручила смотрителю отдѣлать оныя по красивѣе и сколько это будетъ стоить представить ей счетъ. Смотритель, исполнивъ ея желаніе, подалъ ей счетъ на 130 р. «Включите эту сумму въ счетъ ремонта, производящагося въ замкѣ», приказала она, бѣгло просмотрѣвъ счетъ. Смотритель возразилъ, что ремонтуетъ зданіе тюремный комитетъ, съ которымъ онъ по

этой части не имѣть ровно ничего общаго. • «Ну такъ верните эту затрату откуда знаете», обидчиво фыркнула барыня, уѣхала и тѣмъ прекратила свои посѣщенія замка. Комитетъ, между тѣмъ, сначала вовсе отказался принять сдѣланный расходъ на свой счетъ, а потомъ возвратилъ смотрителю половину затраты; другою же половиною онъ былъ, такъ сказать, наказанъ за довѣрїе въ филантропїѣ.

На свѣтѣ все, какъ извѣстно, измѣнчиво. Точно также и прїютъ поступилъ, наконецъ, въ руки истинныхъ филантропѣвъ, которыя занимаются имъ чрезвычайно старательно, подрастающихъ дѣвочекъ пристраиваютъ въ благонадежныя мѣста, въ швейные преимущественно магазины, пользующіеся хорошею репутациею, и, не только ужъ не выпроваживаютъ ихъ за ворота съ паспортами,— но даже и неблагонадежнымъ родителямъ не возвращаютъ ихъ дочерей. Такъ, одна женщина, содержавшаяся въ замѣ за дурную жизнь, явилась, послѣ ея освобожденїа, въ замокъ, за жившею въ прїютѣ своею 14-ти-лѣтнею дочерью. Отъ матери потребовали свѣдѣніе: что именно она намѣрена сдѣлать съ дочерью?

— Отдать въ прїютъ Семеновскаго полка (*), куда ее принимаютъ: тамъ служить ея отецъ, отозвалась мать. Ей велѣли навѣдаться чрезъ нѣсколько дней, а тѣмъ временемъ собрали вѣрныя справки: оказалось, что мать— женщина, промышляющая развратомъ, хотѣла продать свою дочь, этотъ живой товаръ, отыскавшемуся выгод-

(*) Въ гвардейскихъ полкахъ есть воспитательные прїюты для дѣтей, служившихъ въ полкахъ солдатъ.

ному покупателю. Затѣмъ, когда эта мать пришла опять за дочерью, то ей наотрѣзъ отказали въ отдачѣ ея. Мать взбунтовалась:

— Я мать, вольна сдѣлать со своею дочерью все, что мнѣ вздумается, и никто не вправѣ мнѣ указывать!

Кончилось, однако, тѣмъ, что мать выпроводили за ворота, а дочь осталась въ пріютѣ.

Въ 1870 г. комитетъ открылъ такой же пріютъ и для мальчиковъ въ вольномъ домѣ; но на сколько онъ будетъ достигать цѣли—еще не извѣстно.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЮРЬМА ПЕРЕСЫЛЬНЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

I.

Указомъ императрицы Екатерины II-й, обнародованнымъ въ 1783 году, въ Петербургѣ учреждены, «для обузданія простаго народа, для искорененія въ немъ побѣговъ, воровства и праздношатаательства», два рабочихъ и смирительныхъ дома: одинъ—при Рождественской части, а другой—при Обуховской больницѣ. Впослѣдствіи первый изъ нихъ упраздненъ, а послѣдній переведенъ (въ началѣ текущаго столѣтія) въ Демидовъ переулокъ. Потомъ—съ открытіемъ, въ 1839 году, здѣшняго Исправительнаго заведенія, людей, осужденныхъ въ смирительный и рабочій дома, перевели туда, а зданіе тюрьмы, въ Демидовомъ переулкѣ, превратилось въ срочную и пересыльную тюрьму (*). Эта тюрьма съ 1866 года становится только пересыльною: людей, приговоренныхъ ми-

(*) См. книгу «Описаніе Петербурга», составленную г. Пушкиревымъ и изданную въ 1839—1845 годахъ.

ровыми судьями къ лишенію свободы, стали заключать: сперва—въ Аракчеевскія казармы (1867 г.), а потомъ—съ января 1868 г. перевели въ Срочную тюрьму на Выборгской сторонѣ. Вотъ краткая исторія пересыльной тюрьмы. Теперь обратимся къ повѣствованію о томъ, что дѣлается въ этой тюрьмѣ.

Главное попечительство надъ тюрьмою ввѣрено (15-ю и 10-ю п. 30-й статей учрежд. мѣстъ содержанія подъ стражею, т. XIV св. зак. гражд., изд. 1857 г.) петербургскому попечительному о тюрьмахъ комитету. Независимо отъ комитета, надъ тюрьмою начальствуютъ столичные: губернаторъ, губернское правленіе, оберъ-полицеймейстеръ, управа благочинія, прокурорскій надзоръ и инспекторъ пересылки арестантовъ. Хотя предметы вѣдомства каждой изъ перечисленныхъ властей и предполагаются точно разграниченными, тѣмъ не менѣе дѣятельность этихъ властей часто парализируетъ одна другую, иногда все смѣшивается во-едино и дѣло принимаетъ такой характеръ, что это раньше всталъ, тотъ—какъ говорится—и капраль. Съ другой стороны, понятно и то, если всѣ власти одинаково индеферентно смотрятъ на тюрьму съ ея несчастными обитателями: у семи нянекъ дитя безъ глаза. Замѣтимъ, между прочимъ, что тюрьма, какъ пересыльная и до сихъ поръ не имѣетъ, напримѣръ, никакого самостоятельнаго положенія. Смотрителю ея предоставлено руководствоваться инструкціею с.-петербургскаго тюремнаго замка, которая къ пересыльной тюрьмѣ чрезвычайно мало примѣнима.

Зданіе тюрьмы состоитъ изъ двухъ смежныхъ флигелей: лицеваго—трехъ и внутренняго—двухъ этажнаго.

Въ первомъ зданіи помѣщаются караульня, контора, кухня, арестантки и надзирательницы надъ ними, а въ послѣднемъ—арестанты, баня, служителя и смотритель. Наконецъ, противъ угла втораго флигеля есть крошечная двухъ-этажная пристройка, въ которой живутъ: вверху—помощникъ смотрителя, а внизу—палачъ съ своими двумя стражами-солдатами. Все зданіе, приспособленное для содержанія по казенному разсчету 160 чел., вмѣщаетъ въ себѣ свободно до 200 чел.; бываетъ же въ немъ нерѣдко до 800, а иногда и до 1,000 челов. Тогда люди не только дни проводятъ въ корридорахъ, но и спятъ тамъ: подъ нарами, въ проходахъ между наръ, словомъ вездѣ, гдѣ представляется хоть сама-лѣйшая возможность приткнуться. Такая вопіющая тѣснота лѣтомъ еще сносна бываетъ: въ это время всѣ содержащіеся за маловажные проступки люди, на которыхъ не хватаетъ мѣста, находятся съ утра до вечера на дворѣ; за то весною, осенью и зимою положеніе арестантовъ, какъ мы видѣли, ужасно: морозъ, холодъ, вѣтеръ свободно проникаютъ внутрь корридоровъ и камеръ, отъ ежеминутно отворяющихся и затворяющихся дверей со двора; народъ, прибывая, отъ снѣга и дождя, въ мокрой одеждѣ, лишенъ, по многояюдству, всякой возможности обсушиться, отчего вещи на нихъ прѣютъ и производятъ испарину, вонь... Тѣснота же способствуетъ развитію промежъ арестантовъ болѣзней, озлобленія, кражи имущества и т. п.; а мѣръ къ устраненію перечисленныхъ неурядицъ ни откуда и никакихъ дожидаться невозможно...

Помѣщаются арестанты въ камерахъ по категоріямъ

преступлений; идущіе напр. въ каторгу и на поселеніе— въ одной, пересылаемые въ суду и слѣдствію—въ другой, беспаспортные и добровольно слѣдующіе на родину (на казенномъ нарѣчій «не въ родѣ арестантовъ») — въ третьей, благородные и несовершеннолѣтніе—въ четвертой, поляки (ихъ доселѣ еще переправляется: въ Сибирь— не мало, а изъ Сибири—множество)—въ пятой, и т. п. Въ камерахъ благородныхъ и женщинъ—кровати со сносными постельными принадлежностями, а въ камерахъ простолудиновъ мужчинъ—нары, на которыхъ на ночь кладутся такъ называемые тюфяки, ежедневно провѣтривающіеся на дворѣ. Несмотря однакожъ на то, что обитатели въ тюрьмѣ чуть ли не ежедневно мѣняются—воздухъ вездѣ довольно свѣжій, нормальный, въ камерахъ и корридорахъ опрятно, чисто. Словомъ, гигиеническія условія удовлетворительны.

Обращаются въ тюрьмѣ съ арестантами гуманно, отнюдь не унижая ихъ человѣческаго достоинства. Да это, впрочемъ, весьма естественно: съ людьми рѣшенными строгость, при крайнемъ недостаткѣ стражи (11 караульныхъ и 17 сторожей по крайней мѣрѣ на 400 чел.) не безопасна; идущимъ, напр., на каторгу больше терять положительно ужъ нечего и мизантропическое настроеніе духа большинства такихъ людей, такъ и подталкиваетъ ихъ на новыя преступленія (*).

(*). Въ 1870 году напр., помощникъ смотрителя Вильяшевъ повѣрялъ, по обыкновенію, арестантовъ. Къ нему приблизился, какъ часто случается, одинъ изъ арестантовъ, нѣкто Устиновъ, постоялъ немножко возлѣ него, да вдругъ вонзилъ ему ножъ

Продовольствуются арестанты: благородные, евреи, татары, больные и дѣти—на счетъ кормовыхъ денегъ, выдаваемыхъ имъ на руки (259 и 262 ст. уст. о содержащихся подъ стражею, т. XIV св. зак. гражд. и 391 ст. уст. о службѣ внутрѣн. стражи, т. VII св. воен. пост.), а всѣ осталь-

въ бокъ. Вильяшевъ упалъ и чрезъ 7 дней умеръ. Устиновъ отозвался, что покойный ему ровно ничего худаго не причинилъ, онъ даже и не зналъ его, но давно ужъ задумавъ кого нибудь убить—онъ, Устиновъ, все подыскивалъ случая, средство. Зайдя ночью въ комнату сторожей (они живутъ среди арестантскихъ камеръ), онъ нашелъ тамъ ножъ, взявъ его съ собой, носилъ въ рукавъ и замѣтивъ потомъ, что Вильяшевъ, при повѣркѣ, «сердито смотрѣлъ»—выполнилъ на немъ свое намѣреніе. Устиновъ лѣтъ 25, бѣлокурый, худощавый, средняго роста, лицо его сильно изнурено, съ толстыхъ, отвислыхъ губъ не сходитъ какая-то сардоническая улыбка, сѣрые глаза безсмысленно блуждаютъ; говоритъ онъ (мы съ нимъ толковали) лѣниво, относится ко всему вполне равнодушно, къ погибшему отъ его руки, сожалѣнія никакого не выказываетъ, да и о самомъ преступленіи объясняетъ такъ, какъ будто бы онъ въ немъ былъ только дальній зритель, а не главное дѣйствующее лицо. По мнѣнію врачей—Устиновъ помѣшанный; оттого онъ отправленъ, на испытаніе, въ отдѣленіе умалишенныхъ при Исправительномъ заведеніи. Устиновъ происходитъ изъ кантонистовъ, вступилъ въ службу топографомъ, унтеръ-офицеромъ въ военно топографическое депо военнаго министерства, въ послѣдствіи былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ Туркестанскую область и служилъ тамъ—оскорбилъ своего начальника, за что приговоренъ былъ къ заключенію на 9 лѣтъ въ Петровскую крѣпость,—но въ статьномъ о немъ спискѣ кто-то написалъ въ Петропавловскую крѣпость и онъ пришелъ, по этапу, въ Петербургъ и покуда шла переписка о переводѣ его за Неву—совершилъ рассказанное преступленіе. Не объявилъ же онъ своевременно объ ошибочной отмѣткѣ въ статьномъ его спискѣ потому, что желалъ повидаться съ живущею здѣсь его матерью.

ные — готовую пищу (обѣдъ и ужинъ), которая варится въ тюремномъ замкѣ и доставляется сюда въ котлахъ, въ зеленыхъ фургонахъ. Ъдятъ арестанты лѣтомъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, сидя возлѣ длинныхъ деревянныхъ столовъ, изъ деревянныхъ чашекъ, а во время ихъ ѣды камеры провѣтриваются, а зимою—въ корридорахъ, да самыхъ камерахъ. Самая пища арестантовъ (пять дней—одно, а два дня въ недѣлю—два блюда, т. е. ко щамъ каша) крайне скудная. Причинами этого является, между прочимъ, то, что пища для пересыльной тюрьмы готовится въ замкѣ, гдѣ заботятся болѣе о содержащихся въ самомъ замкѣ арестантахъ, чѣмъ о пересыльныхъ: послѣдніе — народъ проходящій, имъ не стоитъ поднимать баталіи изъ-за худой пищи, потому что сегодня они тутъ, а завтра уйдутъ. Самая перевозка кушанья изъ замка въ тюрьму ведетъ къ тому, что кушанье остываетъ, перебалтывается, теряетъ вкусъ. Правда, смотритель можетъ и браковать пищу по ея доставленіи изъ замка, но это его право приводитъ въ дѣйствіе—крайне неудобноисполнимо: забракованный котель щей подлежитъ отправленію на свидѣтельство въ тюремный комитетъ; но куда эти щи тамъ попробуютъ, да признавъ худыми, изготовятъ новую пищу или пришлютъ на всѣхъ арестантовъ кормовыя деньги, пройдетъ цѣлый день, а продержатъ массу разсвирѣпѣвшихъ людей до вечера голодными—очень опасно: иные арестанты какъ замѣчено выше, и безъ того ищатъ случая совершить преступленіе. Поэтому, при ропотѣ арестантовъ на пищу, дѣло, обыкновенно, обходится такимъ образомъ: смотритель разясняетъ арестантамъ всѣ результа-

ты браковки, а потомъ прибавить: «Такъ лучше довольствуйтесь, братцы, сегодня тѣмъ, что Богъ послалъ, а я заявлю вашу просьбу и завтра васъ хорошо навормать. Послѣ завтра отправитесь, вѣдь, въ дорогу, такъ изъ-за одного-то дня стоитъ ли поднимать тревогу?» Кромѣ того, велить вскипятить кипятокъ для заварки чая, у кого таковой есть, выпустить всѣхъ на дворъ освѣжиться—и арестанты успокоиваются.

Среди пересыльнаго народа касательно продовольствія благоденствуютъ евреи и татары, такъ какъ они получаютъ кормовыя деньги: они вѣдятъ что имъ вздумается; отчасти съ ними сравнены арестанты, имѣющіе при себѣ малолѣтнихъ дѣтей: на дѣтей выдаются кормовыя, которыхъ часть достается и родителямъ.

Чтобы арестанты были сыты, да чтобы установить разумный порядокъ — самое, полагаемъ, раціональное — перестать привозить пищу изъ замка, а отпускать на всѣхъ пересыльныхъ кормовыя деньги съ тѣмъ, чтобы смотритель тюрьмы самъ распоряжался варкою пищи для тѣхъ арестантовъ, которые пожелаютъ имѣть горячій приварокъ, а остальнымъ выдавать деньги въ руки. Введеніе этой крошечной реформы тѣмъ еще желательнѣе, удобнѣе, что во нервыхъ, въ тюрьмѣ есть просторная кухня, со всѣми въ ней принадлежностями, стало быть никакихъ новыхъ затратъ на кухню не потребуетъ, а во вторыхъ, возстановится сила положительнаго закона, которая подверглась сокрушенію: согласно 260 ст. Устава содерж. подѣ стражею, пересыльнымъ арестантамъ должно выдавать именно «кормовыя деньги», а не готовую пищу, отъ которой тошнить...

II.

Вслѣдствіе, господствовавшихъ прежде и сохранившихся до сихъ поръ общихъ всѣмъ тюрьмамъ, беспорядковъ въ отчетностяхъ, и пересыльная тюрьма одержима этимъ же недугомъ въ одинаковой съ прочими степени. Такъ, до введенія въ Петербургѣ судебной реформы изъ тюрьмы представлялась, ежегодно, въ Управу Благочинія, только перечневая, краткая вѣдомость о числѣ прибывшихъ и убывшихъ въ теченіи года людей, но куда и за какія именно провинности народъ двигался, а равно въ какому вѣто принадлежалъ сословію, полу, возрасту, все это повидимому признавалось не нужнымъ, лишнимъ. Такимъ образомъ чрезъ тюрьму прослѣдовало въ 1861 г.—2562 чел., въ 1862 г.—2905 чел.; въ 1863 г.—5617 чел.; въ 1864 г.—5934 чел.; въ 1865 г.—6773 чел. Значительное увеличеніе числа прошедшихъ въ послѣдніе изъ поименованныхъ четыре года объясняются бывшимъ польскимъ мятежомъ, результатомъ коего были ссылки въ Сибирь и другія отдаленныя внутреннія губерніи, замѣшанныхъ въ возстаніи поляковъ, полякъ и ихъ семействъ. Затѣмъ, суды начали требовать различныя, объ арестантахъ, справки, не входившія въ рубрики перечневой вѣдомости и это побудило тюремную администрацію прописывать: кто изъ арестантовъ куда отосланъ. Администрація, впрочемъ, охотно бы, говорили намъ, добавляла, «и за что именно», да не можетъ: въ бумагахъ, при коихъ арестанты прибываютъ изъ присутственныхъ мѣстъ говорится коротко и ясно: «Стенанова напр. отправить по этапу въ Енисейскъ». Изъ просмотрѣнныхъ нами вѣ-

домостей видно, что выслана собственно изъ Петербурга, да через оный слѣдующая масса людей.

Въ разные города безпаспортныхъ, за просрочку па-
спортовъ, да частицею вслѣдствіе административныхъ рас-
поряженій: въ 1866 г.—3796 м.; 397 ж.; малол. (*):
30 м.; 33 ж.; въ 1867 г.—5051 м.; 709 ж.; малол. 46
м.; 56 ж.; въ 1868 г.—7534 м.; 131 ж.; малол. 198 м.;
171 ж.; въ 1869 г.—7695 м.; 1320 ж.; малол. 203 м.;
262 ж.; въ 1870 г. 5845 м.; 903 ж.; малолѣтн.: 219 м.;
218 ж.; итого въ теченіи 5 лѣтъ прошло 30321 м.; 4660
ж.; малолѣтнихъ: 773 м.; 770 ж.; всего же 36527 чело-
вѣкъ за пустѣйшіе изъ проступковъ. Цифра порази-
тельная!

Въ каторжную работу: въ 1866 г.—441 м.; 23 ж.;
1 малол. м.; въ 1867 г. — 442 м.; 5 ж.; въ 1868 г.—
272 м.; 17 ж.; въ 1869 г.—222 м.; 43 ж.; малол. 14 м.;
16 ж.; въ 1870 г. 109 м.; 15 ж., итого въ каторгу въ
5 лѣтъ 1586 м.; 103 ж.; 30 малол. обоого пола, всего
же 1720 челоуѣкъ.

Въ Сибирь на поселеніе: въ 1866 г.—380 м.; 55 ж.;
малолѣтнихъ: 19 м. 44 ж.; въ 1867 г.—472 м.; 47 ж.;
малол. 27 м.; 26 ж.; въ 1868 г.—392 м. 74 ж.; малол.
30 м.; 34 ж.; въ 1869 г.—426 м.; 157 ж.; малол. 86 ж.;
65 ж.; въ 1870 г. 665 м.; 268 ж.; малолѣтн. 99 м.;
142 ж., итого въ 5 лѣтъ 1745 м.; 600 ж.; малолѣтнихъ:
261 м.; 201 ж.; всего же 3597 чел.

Для водворенія на жительство въ опредѣленныхъ мѣ-

(*) Малолѣтними по тюремному обычаю считаются всѣ недостиг-
шіе 21 года отъ роду.

стахъ Россіи: въ 1866 г.—1040 м.; 171 ж.; малол. 125 м.; 120 ж.; въ 1867 г.—1571 м.; 269 ж.; малолѣтнихъ: 120 м.; 144 ж.; въ 1868 г.—235 м.; 77 ж.; да 57 мал. женщ., въ 1869—г. 1368 м.; 150 ж.; малол. 77 м.; 76 ж.; въ 1870 г. 366 м.; 57 ж.; малолѣтн. 29 м.; 27 ж.; итого 4680 м.; 674 ж.; малол. 350 м.; 424 ж.; всего же 6126 человѣкъ.

Сослано въ арестантскія роты: въ 1866 г.—1178, въ 1867 г.—729; въ 1868 г. 620 въ 1869 г.—832 чел. въ 1870 г. 398 однихъ мужч., всего 3137 челов.

Разослано въ петербургскія присутственныя мѣста (окружной, мировой судъ, къ судебнымъ слѣдователямъ, въ губернское правленіе, Управу Благочинія и проч.), изъ коихъ люди назадъ ужъ не возвращались: въ 1866 г.—409 м.; 81 ж.; 12 малол. обоого пола, по поламъ; въ 1867 г.—621 м.; 63 ж.; малол. 12 м.; 9 ж.; въ 1868 г.—1167 м.; 195 ж.; малолѣтнихъ 42 м.; 30 ж.; въ 1869 г.—1149 м.; 196 ж.; малолѣтнихъ: 19 м.; 25 ж.; въ 1870 г.; 1020 м.; 137 ж.; малолѣтн. 37 м.; 22 ж. всего 5350 человѣкъ.

Освобождено изъ тюрьмы изъ числа добровольно отправлявшихъ по этапу на родину, да изъ пересылавшихся туда для отбыванія рекрутской повинности, вслѣдствіи представленія залоговъ, поручителей о томъ, что они сами явятся на мѣсто: въ 1866 г.—5 м.; въ 1867 г.—19 м.; 9 ж.; въ 1868 г.—31 м.; 6 ж.; въ 1869 г.—29 м.; 5 ж. и въ 1870 г.—41 м.; 4 ж.; малолѣтн. по одному мужч. и женщ.

Всего отправлено изъ тюрьмы людей обоого пола: въ 1866 г.—8349 чез.; въ 1867 г.—10390 чел.; въ 1868 г.—

12417 чел.; въ 1869 г.—13914 чел.; въ 1870 г. 10623 чел.; а за всѣ десять лѣтъ—69485 чел.

III.

На основаніи 170, 172, 224 ст. Устава о содерж. подъ стражею, а равно 96 ст. Уст. ссыльныхъ, т. XIV, Св. Зак. Гражд.,—простолюдины, осужденные въ каторжную работу, въ Сибирь на поселеніе, въ арестантскія роты, безпаспортные, бродяги и т. под. народъ отправляются:—первые въ ножныхъ, а всѣ остальные—въ ручныхъ оковахъ.

И вотъ, растворяются настезь тюремныя ворота и во дворъ входятъ, подъ конвоемъ, партія арестантовъ; впереди мужчины въ вандалахъ, за ними въ наручникахъ, по два вмѣстѣ скованными и по шести паръ на одномъ прутѣ; сзади ихъ женщины арестантки, женщины, слѣдующія за мужьями, дѣти тѣхъ и другихъ, дѣти-арестанты, наконецъ нѣсколько мужчинъ, идущихъ этапомъ добровольно. Въ заключеніе ввозится арестантское имущество и ворота запираются на замокъ.

«Расковывайте же, расковывайте скорѣй!» слышится отовсюду нетерпѣливый вличь арестантовъ. Они, толкаясь, торопятся въ конвойнымъ, которые спускаютъ ихъ сперва—съ общей цѣпи, а потомъ—съ наручниковъ... Народъ размахиваетъ усиленно въ воздухѣ тѣми руками, которыя были обременены цѣпями, «полируя» кровь, застоявшуюся отъ долгаго однообразнаго, неподвижнаго положенія; мужья сходятся съ женами, жены съ мужьями, дѣти съ родителями, здороваются (жены и дѣти, слѣдующія за

мужьями, хоть и ѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ одномъ поѣздѣ,—но въ разныхъ вагонахъ, которые весь путь не отворяются). Потомъ бросаются отыскивать свои пожитки, достаютъ, бранясь и пихаясь, различныя котомки, узлы, даже дѣтскія игрушки... Въ это время поднимаются суматоха, отрывистый говоръ русскій, нѣмецкій, польскій, еврейскій, татарскій, чухонскій и т. д., бѣготня изъ угла въ уголь, плачь ребятъ, перебранка, передразниванье... Проходитъ минутъ 10, и все, мало по малу, стихаетъ: одни—приведя въ порядокъ свои дѣла — сидятъ или лежатъ, кто ѣстъ какую нибудь булку или черныи хлѣбъ въ сухомятку, или грызетъ кость. При этомъ всякій зорко стережетъ свой скарбъ (*).

Передъ входомъ въ корридоръ самой тюрьмы становится столикъ, на которомъ раскладываются бумаги; у столика—начальство; у входныхъ, въ корридоръ, дверей становятся городовые,—и начинается приѣмъ партіи. Производится онъ слѣдующимъ способомъ: Писарь выкликаетъ положимъ Федорова, тотъ подходитъ къ столу. На немъ осматриваютъ казенную одежду, свѣряютъ: та ли самая на лицо, какая значится на немъ по статейному списку. Если чего нибудь не хватаетъ, тогда между арестантомъ и перекликающимъ или начальствомъ затѣвается споръ; первый увѣряетъ, что вещи не получалъ; второй доказываетъ противное, толкуя первому, что иначе

(*) Поклажею особенно богаты евреи и еврейки: они тащатъ съ собой постоянно множество котомокъ, котомочекъ, узелковъ и проч., навьючивая все это и на себя и на дѣтей, которыхъ съ ними всегда много.

она не считалась бы за нимъ; но арестантъ возражаетъ, что «написать все легко, а только онъ, ей богу, вещи не получалъ». Дѣло кончается преимущественно въ пользу арестанта, доводы котораго принимаются къ свѣдѣнію. Если же на арестантѣ вся обмундировка въ цѣлости, то онъ идетъ къ двери, гдѣ городовые тщательно осматриваютъ его имущество, каждый предметъ непременно отдѣльно, самого его съ ногъ до головы ощупываютъ: не несетъ ли онъ чего либо опаснаго, въ родѣ ножа, веревки, подпилка и т. п., и все, что найдется—отбирается тутъ же безвозвратно, а самъ онъ выпускается въ коридоръ и съ этого момента признается принятымъ. Деньги, ежели отыщутся, передаются на сбереженіе смотрителю, подъ квитанцію. По этой квитанціи арестантъ получить свои деньги на руки, если сумма меньше рубля; въ противномъ случаѣ онъ сдается партіонному офицеру (395 ст. Уст. о службѣ внутренней стражи, т. VII Св. Воен. Пост.).

Но вотъ между арестантомъ и городовыми началось энергическое пререканіе.

— Что такое онъ несетъ, спрашиваютъ городовыхъ.

— Ремень отбираю, отвѣчаетъ стражъ. Неровень часть: пожалуй еще удавится на немъ, али кто стибрить у него ремень-то, да тоже какую ни на есть бѣду сотворить, а тутъ отвѣчай за нихъ.

— Я, господа, не врагъ себѣ, и какъ мнѣ ни противно маршировать на каторгу, а все-таки я не удавлюсь: и тамъ люди, тоже, говорятъ, живутъ, возражаетъ арестантъ.—Я ремнемъ брюки подпоясываю, онъ его отобралъ и теперъ брюки, съ меня долой валятся... Поз-

вольте, г. смотритель, взять съ собой ремень, потому не носить же мнѣ, согласитесь, брюки въ рукахъ съ утра до вечера?

— Отдать ему ремень. А ты, пожалуста, держи ремень при себѣ осторожнѣй, не бросай его зря, а то вѣдь между вами, самъ знаешь, всякіе люди бываютъ... Стѣснять же безъ причины мы никого не станемъ...

— Не безпокойтесь: ремень моя собственная вещь и я ее съумѣю сберечь, а ежели что... такъ мои руки... Онъ показываетъ увѣсистый кулакъ и довольный отправляется въ корридоръ.

— Иванъ Орель, Иванъ Непомнящій, Иванъ № 27, выкликаетъ писарь.

Къ столу подходитъ плотный мужчина, лѣтъ 30, смуглый брюнетъ, съ выразительною фізіономією и деликатными манерами, несвойственными простолюдинамъ.

— Отчего, любезнѣйшій, у тебя столько различныхъ прозвищъ?

— Это какой-то полицейскій крючокъ мнѣ ихъ надавалъ: пьянъ, надо полагать, былъ и потому все перевралъ, иронически отвѣчаетъ спрошенный.

— Такъ скажи настоящую твою фамилію.

— Этого-то я и не желаю: моя фамилія секретъ.

— Какой же можетъ заключаться секретъ въ фамиліи? спросили мы.

— Вотъ ужъ и видно, что вы человекъ неопытный. Я скажусь, видите ли, за бродяжничество, и какъ только я скажу—кто я дѣйствительно, я ужъ дольше не бродяга, а тогда дѣло мое окончательно погибшее... Такъ пусть же я ужъ лучше буду, до поры до времени, и орель и кор-

пунъ и № 27 и что угодно, только не тотъ, кто есть... это мнѣ все равно...

— Молодецъ, ловокъ шельма! говорятъ ему вслѣдъ товарищи.

— А ты, братецъ, кажется бываль ужъ здѣсь? Лицо твое мнѣ что-то знакомо.

— Быть можетъ и бываль, потому мы народъ вольный, яко то-ись птицы небѣсныя, ну и немудрено, что обо-знаете, отвѣчаетъ коренастый, пожилой арестантъ.

— Не можешь ли сказать: кто ты такой?

— Я то-съ? Да всероссійскій дворянинъ, вотъ я кто таковъ. Право не хвастаю. Хе-хе-хе!...

Народъ тоже смѣется. «Всероссійскій дворянинъ» по Сибирски, говорили намъ опытные арестанты, значить бѣглый ссыльный.

— А могу я таперича отправляться на сбереженъе къ эвтимъ архаровцамъ? спросилъ онъ, довольный произведеннымъ имъ фуроромъ, указывая на городовыхъ.

— Не только можешь, а долженъ. Ступай.

— А вѣдь мѣсто-то, окаянное, точно, братцы, знакомое, продолжалъ онъ, когда его опунывали. Трижды, сударь, бываль здѣсь, обратился онъ ужъ лично къ намъ, да вотъ и въ четвертый Богъ сподобилъ... Статочное ли бы кажись дѣло, а честное слово такъ. Да и какъ, подумаешь, не зайти, коли тутъ чистота, порядокъ, на всю Расею образецъ, острилъ онъ. Учись робята у меня, пока я живъ, по бѣлу свѣту гулять, заключилъ онъ, удаляясь за дверь.

— Чьи эти вещи, вещи чьи? спрашиваетъ городской, наткнувшись на котомку огромной величины.

— Кто свои вещи потерялъ? подхватываетъ нѣсколько арестантскихъ голосовъ.

— Азь эту вещь? въ свою очередь спрашиваетъ пожилой еврей, съ полуобритой головой.— Да это мой котомку; куда мой... Ривка, Ривка! Ти насъ котомку забиль. Я твой зюбъ избеть: зачимъ тирайтъ, со злостью кричить онъ.

— Твой, такъ бери, да маршъ на мѣсто, а не шуми, вразумляетъ оторопѣвшаго еврея городовой. Ну же, ну!

— Нихай хоршеньку карулить свой вещь, тутъ могутъ верастъ; эту мой жину, оправдывается сконфуженный, нагибается къ котомкѣ, приподнимаетъ ее и вдругъ вскрикиваетъ. Ой вей... мой шапку ниту. И гдѣ мой шапку!.. Вкрали, вкрали., Ривка! Шапка...

Стали просить арестантовъ отдать еврею шапку, пригрозили обыскомъ, кое-кого обыскали—все напрасно; а еврей тѣмъ временемъ все продолжалъ оплакивать свою шапку и пересталъ тогда лишь, когда его увѣрили, что ему послѣ дадутъ новую арестантскую шапку, изъ тюремнаго запаса.

— Тебѣ, Семеновъ, кафтана не давали, а онъ на тебѣ есть; гдѣ-жъ ты его взять? спрашиваетъ писарь худенькаго молодого парня, который сильно покушался проскользнуть прямо къ городовымъ.

— Купилъ за свои кровныя 60 коп. въ Мышкинской тюрьмѣ: самъ смотритель объ этомъ зналъ.

— Тюрьма не толкучій рынокъ и въ ней нѣтъ торговли, а кафтанъ казенный, и потому положи-ка его, братъ, вотъ сюда въ казну.

— Возвратите 60 к., возьмите кафтанъ; иначе хоть

убейте не отдамъ. Ваше благородіе! сдѣлайте милость заступитесь за несчастнаго: я, почитай, двѣ недѣли ѣлъ одни крошки, объѣдки, чтобъ 60 к. скопить; скопилъ, купилъ на нихъ уэдакого же (писаря) кафтанъ, а онъ теперь отнимаетъ... Помилосердуйте?... Я согрѣться не могу, мерзну отъ хворости...

— Купилъ, правда купилъ кафтанъ, мы свидѣтели покупки, поддерживаютъ разные голоса. Что онъ тутъ, чернильная душа, мавлачить! Али себѣ отжилить вздумалъ? Не попустимъ, ни за что не допустимъ отобрать!.. Ребята! Неужто своего дадимъ въ обиду?...

— Иди братецъ ужъ съ кафтаномъ, иди, да смотри больше въ тюрьмѣ ничего никогда не покупай: въ тюрьмахъ нѣтъ ничего собственнаго, продажнаго.

— То-то же иди!.. Наша взяла; да иначе и быть не можетъ, голосають со всѣхъ концовъ, потому мы... сила!..

— Вы то какъ попали въ эту компанію, невольно спросили мы выкликнутаго пожилаго мужчину въ монашеской одеждѣ, съ длинными волосами и окладистою бородою.

— За великія наши прегрѣшенія Господь испытаніе послалъ, началъ онъ громогласно.— Потерпимъ здѣсь—въ юдоли плача—Богъ воздастъ намъ тамъ, въ сладчайшемъ царствіи его... Братіе! воскликнулъ онъ, видимо впадая въ пафосъ: — братіе, говорю я вамъ, мужайтесь, крѣпитесь... Господь самъ терпѣлъ и намъ велѣлъ! Будемъ узниками...

— Довольно, довольно: ваша проповѣдь, собственно теперь, неумѣстна, перебило его начальство.

— Крѣпитесь, передразниваетъ одинъ; мужайтесь, про-

должаетъ другой; экая чепуха, кричитъ третій. Коли тебѣ, прощальгѣ, охота терпѣть—помѣняемся ролями, возвышаетъ голосъ, четвертый, ты иди за меня по владиміргѣ, а я въ твой небывалый монастырь. Вѣдь отличная, право, оказія потерпѣть. Да вретъ онъ, мазура проклятая, что хочетъ терпѣть, обличаетъ пятый; онъ больше всѣхъ о мирскомъ хлопочетъ: общите-ка его, ребята, хорошенько и увидите, что это за святоша.

Слушая шутки надъ странствующимъ по этапу проповѣдникомъ (по списку онъ считался послушникомъ-бродягою, а самъ онъ выдавалъ себя за монаха) народъ смѣялся, острилъ.—но слова обличителя произвели противъ него же самага сильный ропоть: арестанты не терпятъ доносовъ противъ своихъ, каковы бы тамъ они ни были.

Осмотръ продолжается. У монаха нашли въ сапогѣ восьмиугольный волчокъ, съ различными на бокахъ точками (Волчокъ этотъ замѣняетъ арестантамъ карты). У другаго нашли въ ухѣ кусочикъ квасцовъ, обернутый ватю; у третьяго—въ полѣ кафтана—табакъ, завернутый въ холстъ, которымъ сдѣлана была заплатка на подкладкѣ; у четвертаго — между стелькою и подошвою сапога — три рублевья бумажки; у пятаго искусно отвертывался каблукъ, а внутри его лежали трубочка и листья махорки. Изобрѣтательность арестантовъ, относительно прятанія запретныхъ вещей, по истинѣ изумительная.

Во время осмотровъ и ощупываній арестантовъ, вдругъ калитка воротъ отворилась и чрезъ нее вошла очень милостивая, лѣтъ 18-ти женщина, франтовато одѣтая. Ока-

залось, что ее прислали для отправки, по этапу, въ Ковно, за просрочку паспорта. Глаза всѣхъ мигомъ устремились на нее, растерявшуюся, опечаленную.

— Вы, сударыня, вѣроятно на балъ сюда пожаловали? началъ съ нею разговоръ какой-то арестантъ. Другіе арестанты захохотали, женщина заплакала.

— Не хнычь, пожалуста: и безъ того тошно, строго замѣтилъ ей отставной солдатъ, шедшій по этапу «не въ родѣ арестанта». Перестань! Дура ты этакая!

— И зацмь зе мене въ Ковну, коли я не хочу больше бить еврейкой? закартавила она, всхлипывая. — Тамъ мне скорѣй втонають, цимъ ерестячь... мене и паспортъ не присияли нарочно: нихай я ѣду туда, а тамъ... они мене убьютъ, вирно убьютъ... я и тиширь жилию креститься...

— Да вѣдь вы, барышня, сейчасъ изъ Калинкинской больницы сюда пожаловали, такъ отчего-жъ тамъ лежа, на дсугѣ, не крестились? озадачилъ ее городской.

— А вотъ погоди! Тронемся уже въ путь, такъ мы сами тебя оврестимъ, сурово продолжалъ старикъ. Вспороть бы тебя анафему этакую, чтобъ не таскалась въ этакихъ малыхъ годахъ?.. Нашего брата портить, вѣдь только!...

По поводу этой женщины мы узнали, что подобныхъ ей много евреекъ-проституткокъ высылають на родину и всѣ онѣ единогласно желаютъ перейти въ православіе съ условіемъ, чтобъ ихъ оставили здѣсь. Но на это администрація не соглашается и ихъ выпроваживаютъ по этапу на родину.

— Нѣтъ ли у тебя, старикъ, денегъ съ собой, спро-

сило начальство солдата, «не въ родѣ арестанта». Есть такъ отдай на сбереженіе.

— Откуда, помилуйте ваше благородіе, у солдата денегамъ-то быть? Никакъ нѣтъ-съ.

— Украдутъ въ камерѣ послѣ, смотри, не жалуйся, а пеняй на себя. Твои деньги цѣлы будутъ. Обыщутъ, помни (*).

— У меня, солдата, украсть нельзя: я чутко сплю. А ѣсть, ваше благородье, мнѣ здѣсь дадутъ чтонибудь?

— Какъ же: щи, хлѣбъ, завтра еще и кашу.

— Ну такъ спрячьте, ваше благородье, мои гроши. Тутъ 16 р. съ полтиной (подаешь кошелекъ съ деньгами). А ранецъ позвольте ужъ въ камеру мнѣ взять: я съ нимъ 20 лѣтъ сряду не разлучень.

— Осмотрѣть: что у него въ ранцѣ!

Нашелся перочинный ножикъ, который отобрали.

Ни ножей, ни бритвъ въ арестантскихъ нигдѣ держать нельзя.

— Да это и я, ваше б—родье, хорошо знаю, что нельзя: я самъ предъ отставкой 6 лѣтъ почитай водилъ по этапу этихъ головорѣзовъ-арестантовъ и только попалдись имъ ножикъ—бѣда!...

— Знаешь, а несешь именно въ арестантскую ножикъ. Водилъ этапъ, стало быть понимаешь всѣ стѣсненія, неудобства идти по этапу, а все-таки идешь.

(* У одного отставнаго солдата, выпросившагося, по бѣдности, дойти домой по этапу, на казенный счетъ, при обыскѣ нашли 1200 р. наличныхъ денегъ. Тогда онъ, пристыженный, попросилъ освободить его изъ тюрьмы, говоря, что на свои средства лучше дождеть. Это было въ Августѣ 1870 г.

— По волѣ-то, ваше б—родье, добратся домой мочи нѣтъ: грыжа одолѣла; за 23 лѣтнюю, безпорочную, ваше бродье, службу, я вѣдь въ награду только ее, грыжу-то, и получилъ! Хе-хе-хе!... Нельзя получить ножикъ, такъ позвольте мнѣ хоть, ваше бродье, наблюсти въ камерѣ за арестантами: они вѣдь охъ какіе сорванцы, а я привыкъ ихъ стеречь. Позвольте?

— Сдѣлай, братъ, одолженіе, наблюда; особливо, чтобъ малолѣтокъ не обижали.

— Будьте, ваше б—родье, спокойны: всѣхъ сокрушу. Счастливо оставаться. Поворнѣйше благодаримъ за.... за...—И недоговоривъ за что благодарить, солдатъ, храбрясь, пошелся въ корридоръ, а оттуда въ камеру начальствовать.

IV.

Мелкія партіи отправляются изъ тюрьмы по окрестностямъ довольно часто, но значительныя по числу и важности арестантскихъ преступленій партіи—разъ въ двѣ недѣли въ Москву, а оттуда по «Владиміркъ».

Наканунѣ выступленія партіи, утромъ, моются въ банѣ всѣ весьма охотно, а часа въ три пополудни въ тюрьму являются чиновникъ губернскаго правленія и докторъ. Послѣдній опрашиваетъ: всѣ ли изъ имѣющихъ отправиться арестантовъ здоровы, и свидѣтельствуетъ сказывающихся больными; дѣйствительно больные оставляются для пользованія въ больницѣ тюремнаго замка (въ тюрьмѣ нѣтъ лазарета). Потомъ высылаемыхъ собственно изъ Петербурга по одиночѣ вымѣриваютъ и вписываютъ

въ статейные о каждомъ изъ нихъ списки: кто какого роста, у кого какіе волоса, глаза, лицо, подбородокъ, носъ, и т. под. Далѣе вытаскивается цѣлая груда сѣрыхъ суконныхъ халатовъ, брюкъ, шапокъ, котовъ (сапоги безъ голенищъ, или—проще—башмаки), бѣлья и холщевыхъ мѣшковъ. Всѣмъ этимъ одѣляютъ (согласно 229—257 ст. уст. о содержащ. подъ стражею т. XIV) арестантовъ. Идти именно въ этой одѣждѣ, по примѣчанію къ 229 ст. устава, обязаны всѣ осужденныя въ Сибирь, причемъ собственную одежду, если они располагаютъ таковою, имъ брать съ собой воспрещается. Маловажнымъ арестантамъ арестантская одежда дается, по ихъ желанію, и въ случаяхъ очевидной необходимости. Раздача одежды сопровождается, какъ и всѣ прочія дѣйствія, перекличкою.

— Дай, батюшка, мнѣ башмаки, просить слѣпая старушонка, ощупывая дорогу костылемъ.

— А ты далече ли, матка, идешь-то?

— До Твери, батюшка, до Твери. Мои башмачонки больно ужъ не казисты...

— Путь близкій и въ своихъ дойдешь. Отвести ее въ камеру.

Старуха пошла, посылая хворобу «немилосливому» начальству.

— Ты, Филиповъ, мѣшокъ получилъ?

— Нѣтъ, да и не надо: мнѣ въ него власть нечего.

— Толкуй еще «не надо». На тебѣ ужъ записанъ мѣшокъ, такъ и получи его: не скоблить же списокъ по твоей прихоти.

Филиповъ беретъ мѣшокъ, вскидываетъ его, пустой,

на плечо, и отходить въ сторону. На сцену является босый, въ одномъ лишь отвратительно грязномъ, рваномъ бѣльѣ, человекъ, въ народѣ называемый «сорви-голова».

— Тебѣ, Савельевъ, какія вещи нужны?

— Всѣ, всѣ пожалуйста, потому вы видите, въ чемъ я есть.

Распоряженіе сдѣлано. Савельевъ переодѣлся.

— А красивъ я теперь выгляжу, неча сказать! продолжалъ онъ, обращаясь къ публикѣ и охорашиваясь. Вотъ дома-то обрадуются какъ увидятъ въ этой муніципалитетѣ?... А и въ ней всежъ лучше, чѣмъ нагишомъ. Спасибо, право спасибо казнѣ, что радѣеть объ нашемъ братѣ: когдабъ я безъ казны-то домой попалъ?

— Гаврилову дать халатъ, а то вонъ онъ въ какихъ отрепьяхъ.

— Голубчикъ! Ослобони отъ халатины, ради самого Создателя ослобони; я въ своей чучекѣ дойду; хоша она и не казиста, а все лучше халатины—вольготно!

— Бери, тебѣ говорятъ, халатъ: въ вагонахъ ночью холодно, лихорадку схватишь въ своемъ отрепьи.

— Мнѣ, судырь, легче околѣть, чѣмъ плестись въ вагонѣ халатинѣ; въ ей и глаза поднять на народъ стыдно: подумаютъ—душегубъ какой, а моя и вся вина — просрочка паспорта, по безграмотству. Сотворите божескую милость—пускай я пойду въ своей чучекѣ.

— Ну, чортъ съ тобой, иди въ отрепьяхъ, околѣвай.

Гавриловъ даже покраснѣлъ отъ радости, что просьба его уважена.

За раздачею одежды слѣдуетъ заковычаніе въ кандалы отправляющихся на каторгу (170 ст. уст. о содержащ.

подъ стражею и 172 ст. того же устава по продолж. 1868 г., т. XIV св. зак.). На каменномъ полу кухни кладется небольшая желѣзная наковальня; арестантъ садится возлѣ нея на полъ же, къ нему приближается кузнецъ и изъ кучи кандаловъ пригоняетъ ему по ногамъ кандалные обручи (обхватывающіе ногу выше щиколки), потомъ съ наружной стороны владываетъ въ дырочки (на концахъ обруча) довольно толстый со шляпкою гвоздь и бьетъ по немъ увѣсистымъ молоткомъ, до тѣхъ поръ, покуда и другой конецъ гвоздя тоже расплющивается шляпкою. Заклепывая обручъ, кузнецъ колотитъ молоткомъ возлѣ самой ноги арестанта; при малѣйшемъ его движеніи ногой, а также при промахѣ молотка, нога можетъ быть раздроблена. Поэтому, рассчитывая на ловкость кузнеца во время заковыванія, арестанта окружаютъ конвойные, зорко слѣдя, чтобы онъ невольно, а тѣмъ паче нарочно, не дернулъ ногу въ сторону (чего, впрочемъ, они никогда не въ состояніи предупредить). Заковываются люди очень крѣпко, со всѣми зависящими предосторожностями; тѣмъ не менѣе, не рѣдко находятся люди, предъ ловкостью которыхъ все, даже само желѣзо, преклоняется. Какъ на рѣзкій примѣръ уважемъ на нѣкоего Ляпунова, который за убійство фельдфебеля петербургскаго ордонансъ-гауза отправился, недавно, на каторгу на 20 лѣтъ и который, ни чуть не повредивъ ни обруча, ни заклепки, — снималъ и надѣвалъ кандалы безъ всякаго затрудненія. Онъ какъ-то такъ удачно выгибалъ ступню и пятку ноги, что самыя узкія кандалы снимались у него съ ногъ, точно тѣсныя сапоги. Впрочемъ, здѣсь онъ не злоупотреблялъ своимъ умѣньемъ и пользо-

вался имъ умѣренно: ложась спать—скидывалъ, а вставая — надѣвалъ кандалы преспокойно, какъ сапоги. Съ дороги, за Москвою, Ляпуновъ таки убѣждалъ.

— И это сряду 12 лѣтъ я теперь буду путаться въ этихъ кандалахъ, за то, что будтò бы хотѣлъ ударить ротнаго командира, отъявленнаго вора, поддеца?! съ отчаяніемъ произнесъ, ни къ кому не обращаясь, бывшій солдатъ Малышевъ, кроткій съ виду молодой человѣкъ, вставъ съ пола въ ножныхъ кандалахъ. Господи! да гдѣжь правда-то на свѣтѣ? видно нѣтъ ее, нѣтъ въ людяхъ правды, коли я погибъ безвинно!... уныло заключилъ онъ, вытеръ кулакомъ жгучія слезы, катившіеся по его щекамъ, круто повернулъся и побрелъ къ сторонѣ, ожесточенно звеня цѣпами...

Самый безчувственный человѣкъ не могъ бы, кажется намъ, не содрогнуться отъ трагическаго монолога Малышева, да отъ тяжелаго вздоха, раздавагося изъ груди окружавшихъ Малышева солдатъ, глубоко, по себѣ судя, сочувствовавшихъ его горю. Потрясающая сцена эта напомнила намъ здѣшнія убійства и намъ особенно жаль стало Малышева, больно сдѣлалось за него: сопоставляя его преступленіе съ преступленіемъ, напр., Максима Иванова, который за отравленіе Зона пошолъ въ каторгу также, какъ Малышевъ за покушеніе ударить офицера на 12 лѣтъ,—приходится согласиться съ Малышевымъ, что истиннаго правосудія нѣтъ на землѣ!...

Помнувъ М. Иванова, не можемъ, встати, не занести въ наши замѣтки нижеслѣдующаго характернаго казуса. Предъ отправленіемъ Иванова, его поосѣтилъ, въ тюрьмѣ, одинъ изъ извѣстныхъ столичныхъ проповѣдниковъ

и горячимъ словомъ убѣжденія попытался было возбудить въ немъ раскаяніе, — но не могъ: Ивановъ машинально слушалъ проповѣдника, часто перебивалъ его, говоря, что онъ безгрѣшенъ.

— Какъ безгрѣшенъ? вопрошалъ проповѣдникъ; ты умышленно отравилъ человѣка и еще дерзаетъ считать себя правымъ?

— Именно правымъ; правымъ потому, что въ священномъ же писаніи говорится, что и волосъ съ головы человѣка не упаде безъ воли Божьей. Богу угодно было отравить Зона и онъ употребилъ при этомъ меня, т. е. я былъ только орудіемъ воли Божьей. Не ясно ли послѣ этого, что я правъ, а все ваше краснорѣчіе чепуха? Такъ оставьте же меня въ покоѣ.

Аргументація Иванова крайне смутила проповѣдника и онъ счелъ за лучшее ретироваться домой.

Послѣ заковки, декорация мѣняется. Ставятъ скамеечку, цирюльникъ вооружается своими препаратами, — и выкликаютъ арестанта, чтобъ ему, какъ лишенному всѣхъ правъ состоянія (согласно 175, 176 ст. уст. о содерж. подъ стражею, т. XIV св. зак., 440 ст. уст. о службѣ внутр. стражи, т. VII св. воен. пост., и Высочайше утвержденнаго 10 марта 1859 г. мнѣнія государственнаго совѣта) обрить полголовы. Къ скамеечкѣ приблизился молодой человѣкъ, съ длинными, красиво вьющимися бѣлокурыми волосами. Онъ понурилъ голову и стоялъ, точно доживая послѣднія минуты своей жизни; на лицѣ его выразилось сильное страданіе.

— Чего же ты еще ждешь? Садись, молвилъ цирюльникъ.

— Пощадите, г. смотритель, будьте отецъ родной, пощадите, не брейте! взмолился арестантъ.

— Не могу, братецъ, право не могу; по закону такъ слѣдуетъ.

— Сдѣлайте божескую милость, пощадите! вѣдь волоса мое послѣднее достояніе въ жизни...

— Повторяю не могу; если здѣсь и не сбреютъ, такъ въ Москвѣ, все равно, это сдѣлаютъ: неизбежно. Да и что ты такъ дорожишь волосами? Отростутъ. Поворись дружокъ, что дѣлать; коли несчастье уже такое тебя постигло? Богъ дастъ, выйдетъ манифестъ, сократятъ срокъ, помилюють, вернешься еще на волю... Не мучь же попустому себя, да и другихъ; и мнѣ за тебя тяжело...

— Ну; такъ велите же лучше поддержать меня: я не ручаюсь за себя... Ахъ Боже мой, Боже мой, что со мной стало!...

Нѣсколько солдатъ взяли его за руку, за голову, которую цирюльникъ намылил и началъ брить, а лицо арестанта то блѣднѣло какъ полотно, то ярко вспыхивало, мускулы на лицѣ такъ и передергивались, а слезы, жгучія слезы, такъ и катились по его щекамъ... Онъ переживалъ невыразимыя мученія. Прошло минутъ 5 и половина головы была голая... Онъ всталъ, отеръ голову рукавомъ халата, запатался, запатался и еслибъ солдаты не поддержали его — онъ навѣрное грохнулся бы на землю... И это, замѣтите, читатель, былъ убійца!...

— Будь добръ—сбрей треть, а не полголовы, просить цирюльника слѣдующій арестантъ, вторично отправляющійся по Владиміркѣ.

— Хорошо, хорошо, садись только скорѣй: ждать некогда.

— Держать меня не надо, потому дѣло привычное, предупреждаетъ арестантъ, садясь: — сдержишь слово, завтра пятакъ дамъ.

Солдаты окружили и этого. Началась операція. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ какъ бы арестантъ не шевельнулъ головою, какъ бы онъ не выхватилъ изъ рукъ цирюльника бритву, и т. п.

— Ахъ, ты, подлецъ этакій, закричалъ вставшій арестантъ, ошупавъ голову. — А еще слово далъ, подлецъ этакій! А выбрилъ половину. Попадись ты мнѣ, анаема, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, я бы тебѣ показалъ какъ обманывать!... Вѣрите ли, сударь, отнесся онъ къ намъ, что ей Богу, легче вытерпѣть 25 плетей, чѣмъ сидѣть подъ бритвой...

Бритье это, по словамъ тюремнаго начальства, дѣйствительно постоянно потрясаетъ арестантовъ. Не забывать случая, чтобы самый отчаянный головорѣзъ относился равнодушно къ этой операціи. Напротивъ, бывають такіе субъекты (особенно раскольники), что никакія вразумленія на нихъ не дѣйствуютъ и нужны необычайно крутыя мѣры, чтобы обрить ихъ. Недавно, напр., пошелъ въ каторгу Тюрицъ (за то, что не признавалъ никакихъ военныхъ властей, отрицалъ православіе, бранилъ здѣшній военно окружной судъ и проч.), и для того, чтобы сбрить ему волосы, его на рукахъ вынесли къ скамеечкѣ изъ камеры, связали, держали на множество манеровъ и т. п.

Бритьемъ заключается вечерняя подготовка арестан-

товъ въ путь. Такъ какъ слѣдующимъ утромъ арестантамъ приходится встать очень рано, то часовъ въ 8 вечера всѣхъ запирають по камерамъ, чтобы они успѣли выспаться. Воспользоваться плодами этой заботливости начальства арестанты, однако, не пожелали: не прошло и получаса, какъ въ камерѣ сибирныхъ раздалась пѣсня, да такая заунывная, чисто сибирская пѣсня, что слушая ее за сердце такъ и щемило; за первую послѣдовала вторая, третья и все такія же грустныя, монотонныя... Въ ихъ содержаніи выливались всѣ человѣческія горести, выражалась отповѣдь волѣ, прощанье съ милыми, родной, домомъ, каждымъ кустикомъ посаженной акаціи,—вороче: разставанье со всѣмъ, что только есть отраднаго въ жизни свободныхъ людей, переселяющихся въ тяжкую, безысходную неволю... Пѣли очень стройно, съ чувствомъ, съ увлеченіемъ... Наконецъ, въ 10—11 часамъ все смгло; народъ утомился и заенуль. Только звяканье цѣпей ворочавшихся съ боку на бокъ людей прерывало ночную тишину...

V.

Шесть часовъ утра. Арестанты ужъ одѣты, связали въ мѣшки, котомки, сакъ-воязи, узелки свои пожитки, и готовые въ походъ—толпятся по корридорамъ. Предъ выходными во дворъ дверями стоитъ опять столпъ и—по примѣру приѣма—народъ выпускается по одиночкѣ, обсыкивается, ощупывается, все запретное отбирается, свѣряется цѣлы ли на людяхъ выданныя одежда, обувь. Выходятъ во дворъ прежде всѣхъ ваторжники. Лишь толь-

ко изъ дверейъ показался первый изъ ссыльныхъ, конвойные достали изъ завѣтнаго сундучка по связкѣ наручниковъ (96 ст. Уст. о ссыльныхъ, 172 и 224 ст. Уст. содерж. подъ стражею и 406 и 463 ст. Уст. о сл. внутр. стражи).

— Господа, пожалуйста заковывайтесь! приглашаютъ конвойные.

Люди подходятъ изъ двери къ конвойнымъ, которые надѣваютъ одному—на правую, другому—на лѣвую руку по желѣзному «легкому» обручу, висящимъ на одной цѣпочкѣ, отводятъ пару немножко впередъ и ставятъ ее рядомъ, потомъ ей въ затылокъ другую, третью — до 6 паръ включительно. При этомъ къ срединѣ цѣпочки каждой пары прицѣпляютъ длинную цѣпочку, что получаетъ характерное названіе «идти на прутъ».

Пока всѣхъ мужчинъ снаряжали на пруты, въ длинный рядъ, и вывели, та же процедура повторялась въ женскихъ камерахъ. Разница та, что женщины, всѣ безъ изыятія (на основаніи примѣчанія къ 172 ст. Уст. о содерж. подъ стражею, по продолж. 1864 и 1865 г.), изыаты отъ оковъ (*). Сзади ихъ стали слѣпая старуха и три мальчика, одному изъ воихъ поручили вести слѣбую.

Стали сводить счеты обмундировкѣ, вслѣдствіе новыхъ недоразумѣній, выразившихся въ томъ, что у однихъ арестантовъ опять не хватало, а у другихъ появились лиш-

(*) Тѣмъ не менѣе, намъ передавали за до стовѣрное, что женщины, идушихъ по сухонутной дорогѣ и до сихъ поръ ведутъ въ наручникахъ. Странно, что помянутыя повелѣнія, вошедшія въ законъ, доселѣ не дошли еще до внутренней стражи.

нія вещи; первые показывали, что ихъ обокрали, а послѣдніе призывали всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что они купили вещи у товарищей, третьяго дня ушедшихъ. Спорныя вещи отъ однихъ отобрали и отдали другимъ. Много вещей не доставало, ибо арестанты изловчивались переправить эти вещи во дворъ заблаговременно.

— Отдайте, г. смотритель, мой боченочекъ, присталь ваторжный.

— Нельзя: ты не простой... Да и на что онъ тебѣ, скажи на милость?

— Я взялъ боченочекъ на поддержаніе у товарищей, когда изъ Сибири ушелъ, и обѣщался назадъ имъ принести его, ежели попадусь. Теперь иду туда, безъ боченочка мнѣ тамъ нельзя будетъ показаться: честное слово не сдержалъ.

— Слышали мы такихъ рѣсказней довольно; это неправда. Ступай на свое мѣсто.

— Ей богу, не лгу про боченочекъ. Я три года сряду шатался съ боченочкомъ по городамъ, по доламъ и по лѣсамъ по дремучеимъ, а все сберегалъ его, и вдругъ теперь отнимаете! Отдайте же, говорю, боченочекъ-то, крикнулъ онъ, впадая въ азартъ и поднимая руки.—Отдайте, говорю, коли не хотите, чтобы я вамъ сію минуту баталію сочинилъ.—И онъ подступалъ все ближе и ближе къ столу.

— Отдайте ему боченочекъ; пусть ужъ потѣшится, до Москвы донесетъ: тамъ тоже отберуть.

— Не на того напали, чтобъ отобрать, возразилъ арестантъ, получивъ маленькій деревянный боченочекъ грубой работы, стоящій много 10 к., и припрыгивая удалился.

— А мнѣ позвольте, ваше б—родье, ножичекъ почтительно заговорилъ старикъ-солдатъ въ ранцѣ.—Ножичекъ мнѣ 40 к. стоитъ.

— Въ Москвѣ партіонный офицеръ отдасть тебѣ твой ножикъ, а теперъ этого нельзя: у тебя украдутъ его на машинѣ, да еще, пожалуй перерѣжутся имъ.

— Будьте добры, прикажите здѣсь отдать: мнѣ завтра бриться срокъ, а я ножичкомъ брѣюсь.

— Ты отставной, можешь не бриться; не на парадъ, а домой идешь, такъ не къ чему и лицо напрасно свободить.

— Ну нѣтъ-съ, мнѣ не бриться не можно; у меня и въ билетѣ сказано: «по міру не ходить, бороду брить». Я на то и солдатъ, чтобъ законъ исполнять. Сдѣлайте милость.

— Чего онъ тутъ конючить? Ножа? Ни за что въ свѣтѣ не позволю, вмѣшался партіонный.—Пошелъ на мѣсто! Въ Москвѣ отдадутъ.

Солдатъ приунылъ, но повиновался.

— Соблаговолите, ваша милость, шильце да дратовку, обратился старичокъ къ писарю. — У коты подошвица расхудилась и я мигомъ зачиню, потому самъ чеботарь.

— Пошелъ прочь! Дорогою, на досугѣ, починишь, а здѣсь ужъ некогда.

Старикъ пожалъ, въ недоумѣніи, плечами и побрелъ въ сторону.

Все, наконецъ, успокоилось. Къ правому флангу выстроенной партіи подошли пожилая дама, а за нею молодой человѣкъ со связкою книжекъ въ переплетахъ, въ корешкахъ и просто только проброшюрованныхъ: это

(на основаніи 58 ст. Уст. о содерж. подъ стражею) выдаютъ арестантамъ на дорогу Св. Писаніе.

— Ты, любезный, куда идешь? деликатно спросила дама правофлангового арестанта.

— Посланникомъ въ сибирскіе предѣлы, басомъ отвѣтилъ онъ—высокій, прощенный парень.

Близъ стоявшіе засмѣялись.

— Шутки, дружокъ, въ сторону, а куда, скажи, ты ссылаешься-то; мнѣ это надо знать.

— Да нешто не видите, что на каторгу? На каторгу, сударыня, плетусь. А вѣдь далеко поди...

— А какой ты вѣры?

— Божеской. Да пожалуйста ужъ книжецу-то, чѣмъ калякать по пустому.

— У меня книжки на разныхъ языкахъ. Ты православный, что ли?

— Неужтожъ татаринъ, али жидъ? Извѣстно православный. Пожалуйте...

Дама вручила ему переплетеное евангеліе и пошла дальше, съ такими же разговорами.

— А книжица-то важнецкая, и кому надо—двугривенный дастъ, продолжалъ арестантъ, осматривая переплетъ.—А ну-ко, попытаемся еще эдакую добыть, добавилъ онъ, спрятавъ за пазуху книжку, и выйдя тихонько за фронтъ, опередилъ даму, сталъ въ ряды, сверчился, нахлобучилъ на лобъ шапку и смиренно ждалъ.

— Ты православный, или лютеранинъ? спросила его дама, торопясь раздачею.

— Лютеранинъ, баронеса, лютеранинъ, визгливо от-

вѣтилъ онъ:—изъ Риги тащатъ; чтобъ тамъ нѣмцевъ меньше осталось.

Она дала ему лютеранскій молитвенникъ, а онъ, пропустивъ ее, вернулся на свое мѣсто, совершенно довольный своей экспедиціей; евангеліе тотчасъ же промѣнялъ сбитенщику на 2 стакана сбитню, булку и на 3 к. наличными.

Раздача книжекъ обыкновенно влечетъ такія послѣдствія: арестанты живо перепродаютъ ихъ, мѣняютъ на съѣстное вольнымъ людямъ. Мы не видали, чтобъ хоть ктонибудь, кромѣ евреевъ, развернулъ книжку, прочелъ въ ней строчку. Тѣ, которымъ не удастся продать, или промѣнять ихъ—рвутъ ихъ на папиросы.

Даму замѣнилъ пестилой, краснощекій купецъ, съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ. Это былъ случайный жертвователь.

— Ты въ каторгу идешь? спросилъ купецъ перваго съ края.

— А то куда-жъ мнѣ идти въ этомъ уборѣ? Арестантъ звякнулъ цѣпями.—Разумѣется, въ каторгу, въ самую т. е. поганую каторгу.

— Такъ вотъ тебѣ на дорогу гривенникъ. Поминай Афимью!

— Не стоить, потому правофланговому положенье четвертакъ. Пожалуйте, ваше степенство, еще пятиалтыничекъ, чтобъ вышло положенье.

— Какое ты еще выдумалъ положенье? Бери что дають, благодари, да поминай, говорю, за упокой рабы божьей Афимьи.

— Поминать, ваше степенство, хоть Афимью, хоть

Аксинью—это для насъ все единственно и мы съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ. А вы ежели мнѣ не вѣрите, что правофланговому положеніе четвертакъ—спросите любого арестанта. Правофланговый всѣму дѣлу голова: какъ онъ зашагаетъ, такъ ужъ и всѣ за нимъ поспѣвай. По этому-то самому, пожалуйста еще пятиалтынный, и да дастъ Богъ царствія небснаго вашей—какъ бишь ее?—Аксиньѣ... нѣтъ... тѣфу ты пропасть этакая...—Афимьѣ, рабѣ Божіей Афимьѣ! А не хотите, возьмите и свой гривенникъ назадъ: мнѣ его братъ конфузно. На-те!

Купецъ добавилъ ему 5 к., но онъ неудовольствовался, требуя еще 10 к.; купецъ поспорилъ немножко, сунулъ ему еще 5 к. и пошелъ дальше.

— И тутъ не можетъ, аршинникъ этакій, не поторговаться, ворчалъ купцу вслѣдъ арестантъ, посылая Афимью въ разныя нелегкія мѣста.—Ну, да врещъ, братъ! У меня не отжилишь пятачка; мы свое изъ горла вырвемъ, заключилъ онъ сердито.

— Ты, почтенный, откуда? спросилъ купецъ арестанта, человекъ чрезъ 10 съ краю, давъ ему 10 к.

— Изъ Сибири, г. купецъ.

— А куда стопы-то направляешь?

— Туда же, въ Сибирь.

— Зачѣмъ же удраль оттуда?

— Да тамъ больно комаровъ много: шибко кусаются. По этому-то, по самому, и тягу даль оттуда.

Купецъ одѣлилъ каторжныхъ по 10, а остальныхъ по 5 к., причѣмъ большинство женщинъ, получая подаяніе, смиренно крестились, а многія къ тому-жъ цѣловали руку купцу, который охотно ее подставлялъ для лобзаній.

— Г. купецъ! Додайте лучше пяточокъ, нахально оставидь его правофланговый, загоразивая ему путь къ выходу.—Додайте говорю, не то спокаетесь: я не токма не помяну вашей Хавроньи, а и васъ Богъ покараеть, потому я такое слово знаю.

— На, на, песь ты неблагодарный! И купецъ бросилъ ему чуть не въ лицо 5 к. и вышелъ.

— Подавать, такъ подавай безъ брани, а то смотри!.. угрожалъ купцу правофланговый, поймавъ пяточокъ на лету.—Поминай его Аксинью? Да чортъ тебя подери, вмѣстѣ съ нею!...

— Выводить! скомандоваль партіонный, уходившій съ тюремнымъ начальствомъ въ контору принимать арестантскія деньги и расписываться въ книгахъ.

Первыя ворота растворились. Арестанты сняли шапки, перекрестились, всѣ съ бритыми головами, но надѣвая шапки—нахлобучивали ихъ на отбритую сторону, на ухо, чтобы скрыть бритые. Смотритель съ партіоннымъ, пропуская мимо себя людей, сосчитывали ихъ; итогъ былъ 186 чел. Между первыми и вторыми воротами повторилась повѣрка. Какъ тутъ, такъ и предъ выходомъ, арестанты желали тюремному начальству «счастливо оставаться», а начальство имъ «счастливаго пути».

— Богъ дастъ, еще увидимся: я непременно вернусь къ вамъ въ гости, крикнулъ кто-то.

— Освободи братъ отъ этой чести, отвѣчалъ городской:—и безъ тебя тошнехонько.

Отворились, навонецъ, и первыя ворота.

— Смирно! скомандоваль партіонный. — Дорогой не отставать, не шумѣть. Конвойные, сабли на-голо! Маршъ!..

*

И партія, окруженная конвоемъ, тронулась въ путь. При этомъ переулочъ огласился страшнымъ звяканьемъ цѣпей. Замыкали партію 4 фургона съ благородными арестантами, калѣками изъ простонародья, женщинами съ грудными ребятами, дѣтьми и имуществомъ. Несмотря на то, что не было еще 9 часовъ утра, на обѣихъ панеляхъ переулка толпился во множествѣ разнокалиберный народъ.

VI.

Вслѣдствіе особаго распоряженія, партія проходитъ къ Николаевской желѣзной дороги не прямою дорогою (по Невскому проспекту), а различными малолюдными улицами, переулками, къ Лиговскому каналу, тамъ входитъ черезъ боковыя ворота во дворъ воксала и, до подачи вагоновъ, становится подъ багажнымъ навѣсомъ, куда постороннимъ лицамъ входъ воспрещается. По прибытіи подъ навѣсъ арестантовъ, закованныхъ на прутѣ, спускаютъ съ общей цѣпочки, оставляя ихъ закованными попарно. Провожать партію являются смотритель пересыльной тюрьмы и офицеръ внутренней стражи. Въ порядочномъ отъ арестантовъ отдаленіи мы увидѣли изрядную толпу мужчинъ, женщинъ, дѣтей всѣхъ сословій, но преобладающій элементъ составляли простолюдины: это были родные арестантовъ. Многіе изъ нихъ попросили начальство позволить имъ, быть можетъ, послѣдній разъ въ жизни поговорить съ несчастными. По закону этого, строго говоря, нельзя; но надо быть величайшими педантами и безчувственными эгоистами, чтобы не отступить отъ буквы закона. Оттого и начальство отдѣлило

въ сторону нѣкоторыхъ арестантовъ и арестантокъ для свиданія, причемъ завованные въ наручникахъ отвели за собою и своихъ товарищей по наручнику. Всѣхъ окружилъ усиленный конвой. Произошла сцена ужасная: видъ полуобритой головы, костюма, кандаловъ, наручниковъ вызвалъ въ женщинахъ цѣлые потоки слезъ, воплей, обмороковъ.

— Не плачь пожалуйста: слезами только вѣдь хуже разстроишь и себя и меня, упрасивалъ благородный арестантъ молодую еще женщину, дребезжащимъ голосомъ.

— Да что-жъ мнѣ дѣлать какъ не плакать, спрашивала она, всхлипывая и ломая руки. Едва устроились и вдругъ!... О боже! за что такое наказаніе?! Нѣтъ, я не перенесу, не перенесу этого удара, этого позора...

— Не отчаявайся Катя, не отчаявайся, говорю я тебѣ, а если любишь меня—покорись.... необходимости... Распродай имущество и уѣзжай къ теткѣ: тамъ, въ уединеніи, тебѣ легче будетъ, право легче. Вѣдь ты же убѣждена, что я страдаю безвинно, такъ вотъ въ этомъ то хоть обстоятельствѣ ищи себѣ отрады.

— Отрады?.. Ты сомнѣваешься люблю ли я тебя? ты... Нѣтъ! я никуда не поѣду, а съ тобою хочу, хочу вмѣстѣ страдать, если ты невиненъ... Я завтра же ѣду слѣдомъ за тобой, да что откладывать до завтра—я сейчасъ беру билетъ и ѣду, непременно ѣду. Она повернулась было, чтобы идти вѣроятно въ кассу.

— Сдѣлай милость не глупи: это не мыслимо, удерживалъ онъ ее за руки. Дай мнѣ тамъ осмотрѣться, избрать профессію, а потомъ... потомъ пріѣдешь; теперь же покуда прощай, прощай душа моя, будь здорова...

Онъ обнялъ ее, поцѣловаль и хотѣль уйти, — но она повисла у него на шеѣ и, казалось, замерла въ этомъ положеніи. На немъ, какъ говорится, лица не было. Онъ продержаль ее нѣсколько минутъ, поцѣловаль нѣсколько разъ, а потомъ осторожно посадилъ на куль муки, вывободился отъ нее и тихонько пошелъ въ группу арестантовъ, то и дѣло оглядываясь. А она, свѣсивъ низко голову на грудь—впала, по видимому, въ забытье...

— Вотъ тебѣ, голубчикъ, на дорогу, заговорила тоже плачущая женщина, подавая каторжному узелочекъ. Тутъ сыръ, сайки, да кусокъ ветчины, не взыщи на большемъ: денегъ не достало... Побереги, родной, пожалуста, платочекъ-то: онъ вѣдь материное приданое и мнѣ дорогъ...

— Платокъ дорогъ? дорогъ онъ тебѣ, а я то нешто дешевле тебѣ? дешевле што-ли я то тебѣ, стервѣ, достался, коли о платкѣ конючешь?!.. вспылилъ арестантъ. Прочь отъ меня, прочь дьявольское отродье!.. О! ежелибъ таперича воля была—я бы тебя, да и всю твою поганую родню въ мигъ задушилъ! Такъ и скажи имъ, а сама убир..райся!...

— Ненаглядный ты мой, што ты, што ты озлобился? очнись сердешный! Нешто я коли смѣнила тебя на кого? Я такъ, сдуру обмолвилась про платокъ, а онъ нахо што выдумаль! Грѣхъ тебѣ, Семенъ Ивановичъ, грѣхъ меня обиждать на останкахъ. Она протянулась было къ нему, чтобы его поласкать, но онъ не допустилъ ее до себя.

— Не лебези, не лебези, тебѣ говорятъ, грозно приказываль онъ ей; я вѣдь тебя знаю, знаю што ты и Богу свѣча и черту кочерга. По эвтому по самому убирайся

ко всѣмъ чертямъ, да помни, што я тебѣ говорилъ... Не самъ, такъ добрые люди перекокошатъ твое поганое отродье. Прочь же!..

Онъ рванулся отъ нея и зашагалъ на свое мѣсто, захвативъ, впрочемъ, съ собой и узелокъ. А она зарыдала во все горло и за это солдатъ отогналъ ее въ массу зрителей...

— Пойдемъ, братъ, на мѣсто скорѣй, звать арестантъ другаго, съ которымъ онъ былъ въ однихъ наручникахъ, и который имѣлъ свиданіе съ матерью, сестротою и братомъ: Миѣ ужъ надоѣло слушать ваши не антиресныя розсказни и я больше не хочу тутъ стоять.

— На вотъ тебѣ пятиалтынный только пожалуйста не торопи его, молвилъ купецъ, братъ молодого арестанта, который шолъ въ арестантскія роты.

— Это дѣло иное; есть хоть за что нутро надрывать: я, безродный, слушаючи вашъ родственный разговоръ злюсь,—зачѣмъ у меня никого нѣтъ.

— Веди себя, Ѳедя, смирно, не груби никому, настаивала, между тѣмъ, арестанта мать; оставь свои шалости, вразумись, авось Господь дастъ вернешся еще, пока я жива...

— А ты, Анюта, не выходи, смотри, замужь до моего возвращенія, не то просить, не то приказываетъ арестантъ своей сестрѣ, плачущей, молодой дѣвицѣ, пропуская мимо ушей слова матери. Два года живо пролетять, а тамъ я вернусь—шаферомъ буду, то-то потанцуемъ съ тобой!..

— Полно тебѣ дурачиться-то, свинья ты этакая, вразумляетъ арестанта братъ. Объ Анютиной ли свадьбѣ

тебѣ теперь думать, безшабашная твоя голова! Погляди на родительницу-то, пожалѣй хоть ее-то старость.

— Не брани его Ваня, не брани ужь, со вздохомъ вступается мать; ему безъ тебя попадетъ еще тычковъ не мало. Охъ не мало тебѣ, Федя, горя впереди еще... И для чего это я дожидала-то до селѣ? Лучше бы вмѣстѣ съ родителемъ закопали, чѣмъ видѣть сына, любимаго сына... Она не договорила, поперхнувшись душившими ее слезами...

— Поѣшь, родная хоть ягодокъ на прощанье, предлагалъ молодой арестанткѣ паренъ, развѣртывая бумагу съ ягодами.

— Скоро ты, Афоня, чай меня забудешь, тоскливо начала она, глотая вмѣстѣ съ ягодами слезы; съякшаешься съ какойнибудь, а либо оженишься и заживешь себѣ припѣваючи... а я?... охъ безталанная моя головушка... Она зарыдала.

— Богъ свидѣтель не женюсь, а выправлю долгій папортъ, сгонюшу деньжонокъ по боле, да и переберусь къ тебѣ, утѣшалъ ее, тронутый ея горемъ паренъ. Далече-то далече эта проклятая Сибирь, да ничего—языкъ до Кіева доведетъ. Сдержу слово.

— Сдержи неглядный, сдержи милый, словечко-то свое, лепетала она, захлебываясь слезами. Я кажиный Божій день стану тебя, Афоня, поджидать, ни съ кѣмъ и словечкомъ не забавлюсь до тебя, моя радость, мой соколикъ ясный.

— Такъ не убивайся же, Палаша, не унывай: никто какъ Богъ свидимся, говорилъ паренъ, готовый тоже заплакать.

— Какъ я васатикъ жить-то стану сиротинушкой, во-пила пожилая женщина, съ любовью глядя на закованнаго въ кандалы арестанта. Меня кажинный избидѣтъ будетъ волень, а заступиться-то будетъ некому, некому безъ тебя... Создатель небесный!..

— Ау братъ, Марфа, живи не какъ хочется, а какъ Богъ велить, отвѣчалъ пожилой арестантъ. Выходи замужъ, коли пожелаешь, да женихъ сыщется: ты это можешь, потому я теперь все единственно, что мертвый для тебя есть... Не уповай ужъ больше на меня...

— Замужъ?.. Да въ умѣ ли ты, родименькій?..

— Въ умѣ матушка, въ умѣ въ несчастію: ежелибъ рихнулся — въ каторгу не угодилъ бы... Я навѣрняка сгину на каторгѣ, такъ что-жъ тебѣ-то убиваться изъ-за меня: я набѣдокуриль, я и всѣ муки терпѣть долженъ... Прощай же, навѣви, Марфуша, прощай... (*)

— Маршъ по мѣстамъ! скомандовали конвойные: скорѣй, скорѣй, машина идетъ!..

Одни повиновались, другихъ толкали, третьихъ отрывали отъ женъ, дѣтей. Плачь, вой, шумъ, страшно усилились....

— Мотри же Алена не балуй, на ходу ужъ прикривалъ кто-то: ничего, что я буду въ Сибири, а я — мужъ, волень вѣдь и вытребовать тебя туда (**). Сблудишь, узнаю, бѣду, помни, надѣлаю...

(*) Если одинъ изъ супруговъ ссылается въ каторгу, на поселеніе — другой вправе вступить въ новый бракъ (2 п. 43 ст. X ч. X. т.)

(**) Ссылаемые по приговорамъ обществъ на житье въ отдаленныя мѣста располагаютъ правомъ вытребовать къ себѣ женъ

Арестантами нагрузили два обыкновенныхъ третьеклассныхъ вагона, которые отличались отъ прочихъ только частыми, въ окнахъ, рѣшеткамъ и отсутствіемъ въ окнахъ стеколъ: это для того, чтобъ воздухъ освѣжался и чтобы стеклами какой нибудь бѣды не натворили. Размѣстили арестантовъ по два человѣка на скамеечкѣ, мужчинъ отъ женщинъ отдѣльно. Распоряженіе это вызвало общій ропотъ въ мужьяхъ и женахъ, хотѣвшихъ ѣхать вмѣстѣ, чего они однако не добились. Въ концѣ каждаго вагона — не большее отдѣленіе для партіоннаго, съ мягкимъ диваномъ, стульями и столиками. Въ одномъ отдѣленіи расположился партіонный съ писаремъ, который тотчасъ же засѣлъ писать, а въ другое, партіонный помѣстилъ благородныхъ, да женщинъ съ малыми ребятами. Конвойные поселились среди арестантовъ. Затѣмъ въ вагоны внесли и раздали арестантамъ по вареному куску говядины съ $\frac{1}{2}$ ф. и по 3 порціи хлѣба на человѣка. Этою пищею люди довольствуются до Бологовской станціи, гдѣ имъ варится горячее кушанье (*) и потомъ въ Москвѣ.

и помимо воли послѣднихъ (2 п. правилъ приложенныхъ къ 103 ст. 1 ч. X т. по прод. 1863 г.)

(*) До 1867 г. арестантамъ давали здѣсь, на весь путь до Москвы, по фунту вареной говядины въ деревянныхъ ящичкахъ, стоившихъ казнѣ по 4 к. каждый, и хлѣба. Арестанты тотчасъ же съѣдали всю говядину, а потомъ весь путь питались сухимъ хлѣбомъ. Обстоятельство это вынуждало ихъ роптать противъ начальства, а такъ какъ, кромѣ партіонныхъ, при нихъ никакого начальства не было, то они и обрушивали всю свою досаду на партіонныхъ. И вотъ сопровождавшіе этапъ, чтобы избавить себя и арестантовъ отъ неприятностей, энергически стали хлопотать объ измѣнѣи порядка продовольствія арестантовъ и достигли того, что уговорили содержателя гостиницы Бологовской станціи ва-

Возлѣ вагоновъ, на платформѣ, толпился, между тѣмъ почти весь еще народъ, пришедшій прощаться съ арестантами. И вотъ, къ одному изъ оконъ вагона, гдѣ сидѣлъ молодой арестантъ, приблизилась старушка и попросила руку у арестанта сына. Тотъ въ свою очередь попросилъ товарища по наручнику высунуть, вмѣстѣ съ его правою, свою лѣвую руку за рѣшетку окна.

— А что за это дашь? освѣдомился арестантъ.

— Чтожь я тебѣ дамъ, коли у меня, самъ знаешь, нѣтъ ничего?

— Ну, хоть говядины полпорціи.

— Получи! Только пожалуста скорѣй: опоздаю.

Вскорѣ сквозь отверстія двухъ (рядомъ) рѣшетокъ вы-

речь, къ прибытію партіи, горячую пищу, за причитающіеся арестантамъ кормовыя деньги, потомъ доложили тюремному комитету, что введеніемъ новаго порядка сократится расходъ на ящички, и дѣло рѣшилось наконецъ такъ: накормивъ въ Бологовѣ арестантовъ, партіонный росписывается въ особой, на этотъ предметъ заведенной, книгѣ, что было столько-то человѣкъ доброкачественную пищу, и возвращаясь изъ Москвы, беретъ съ собою эту книгу, представляетъ ее въ комитетъ, который выдаетъ ему исчисленную за пищу сумму денегъ, которую онъ, отправляясь, чрезъ недѣлю, со слѣдующею партіею, выдаетъ содержанию гостиницы тоже подъ росписку, которую комитетъ въ слѣдующій разъ обозрѣваетъ при выдачѣ новыхъ денегъ. Этотъ порядокъ оказался гораздо лучше прежняго, какъ по отношенію къ арестантамъ, такъ и въ смыслѣ экономіи.

Порядокъ установленъ, однако, такъ сказать домашнимъ образомъ, ибо 18 п. правилъ о перевозкѣ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ, правилъ, приложенныхъ къ 220 ст. Уст. о суд. подъ стражею по продолж. 1863 г.—говоритъ, что арестанты въ пути не довольствуются варевомъ, а имъ дается по 3 ф. хлѣба и $\frac{1}{2}$ ф. варенаго мяса въ сутки на человѣка.

сунулись на воздухъ двѣ руки, къ одной изъ коихъ старушка и припала, обливая ее слезами. Вдругъ раздался свистокъ, арестантъ внезапно сильно дернулъ назадъ свою руку, а вмѣстѣ съ нею и руку товарища, за которую держалась старушка, обѣ руки мигомъ очутились въ вагонѣ, а старушка грянулась навзничь на платформу... Въ зрителяхъ, промежъ арестантовъ послѣдовали смѣхъ, брань...

— Пошли домой, домой ступайте! погнажи толпу съ платформы.

Машина, наконецъ, еще разъ свиснула и партія помчалась... А народъ ползлся въ свояси, причеиъ до 30 женщинъ громко рыдали: видно было, что имъ осталось (какъ говорить въ стихотвореніи Н. А. Некрасовъ «Орина, мать солдатская»).

Мало словъ, а горя рѣченька.
Горя рѣченька бездонная!..

VII.

Внимательно всматриваясь въ процессъ пересылки арестантовъ по этапу, невольно наталкиваешься на множество самыхъ разнообразныхъ недостатковъ.

Начнемъ съ одежды, которая для всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей одинаковая. Чтoбъ длинный, до полу, халатъ не распахивался, арестанты принуждены его подпоясывать ремнями, веревочками. Достать и сохранять эти вещи, какъ мы видѣли, представляетъ громадныя трудности. Чтoбы не путаться въ полахъ кафтановъ, поднимаютъ ихъ еверху и затыкаютъ за поясъ, а чрезъ это колѣни предоставлены стужѣ. Коты также прикрѣпляются къ ногамъ

тесемками, мочалками, чтобъ не сваливались. Мѣшки съ хламомъ арестанты несутъ на плечахъ, держа ихъ попережѣнно руками, поднятыми вверхъ. Все это не было бы конечно особенно трудно, еслибъ арестантамъ привелось тащиться день, или весь путь сдѣлать по желѣзнымъ дорогамъ. Но большею частію они идутъ пѣшкомъ, по сему, эти мелкія на поверхностный взглядъ неудобства превращаются въ большое, очень и очень большое отягощеніе. Неудобства эти особенно разительно сказываются по сравненіи ихъ съ удобствами, какими пользуются, въ этомъ отношеніи, арестанты изъ польскихъ губерній: тѣхъ снабжаютъ на мѣстѣ плотно обхватывающими тѣло пальто, застегивающимися на 6 пуговкахъ; вещи свои несутъ они въ суконныхъ, на манеръ солдатскихъ, ранцахъ, надѣваемыхъ на плечи посредствомъ суконныхъ же перевязей; на ногахъ у нихъ сапоги, съ длинными голенищами. Всѣ эти удобства порождаютъ зависть въ русскихъ арестантахъ. Такимъ образомъ мы прежде всего думаемъ, что форму русской арестантской одежды слѣдуетъ непременно измѣнить на болѣе удобную, напр. по образцу польской.

Въ тюрьму почти ежедневно приводятъ арестантовъ въ одномъ лишь рваномъ, отвратительно грязномъ бѣльѣ, въ которомъ многіе изъ нихъ тѣмъ не менѣе пробываютъ до кануна дня отправки въ путь—по недѣлѣ, по двѣ, даже и зимой. Безпорядокъ этотъ происходитъ оттого, что въ тюрьмѣ для подобныхъ случаевъ имѣется только сто паръ бѣлья, котораго, по многолюдству, крайне недостаточно: не успѣваютъ вымывать; изъ дорожнаго же бѣлья, находящагося въ вѣдѣніи губернскаго правленія, не да-

ють, съ цѣлью препятствовать происходящимъ между арестантами кражѣ и распродажѣ казеннаго имущества. Хотя все это и бываетъ дѣйствительно, но средство это и мало дѣйствительно и само по себѣ не можетъ быть одобрено. Читатели помнятъ, что изъ одежды, раздаваемой накануне отправки партіи, многія вещи, въ теченіе одной ночи, легко переходятъ изъ рукъ въ руки; слѣдовательно зло это неустранимо, а въ такомъ случаѣ пѣтъ основанія держать людей въ рубищахъ, почти голыхъ, по двѣ недѣли. Кромѣ того, очевидно, что бѣлье, надѣтое на человека, нельзя украсть съ него; нельзя также ожидать и того, чтобы арестантъ продалъ его и самъ остался нагишомъ. Наконецъ, что касается продаваемыхъ и воруемыхъ арестантами вещей, то ихъ вѣдь отбираютъ предъ отправкой партіи: значить казна едва ли потерпитъ серьезный убытокъ отъ измѣненія настоящаго порядка раздачи вещей арестантамъ.

За неизготовленіе, съ надлежащею исправностью и скоростью, документовъ на пересылаемыхъ по этапу людей, 223 ст. Уст. о содерж. подъ страж., грозитъ виновному въ томъ начальству, замѣчаніями, выговорами и, независимо сего, взысканіемъ издержекъ, употребленныхъ на излишнее оттого содержаніе людей въ тюрьмахъ. Однако на практикѣ статья эта постоянно остается безъ дѣйствія. Дѣло въ томъ, что сегодня напр. пришла партія и въ ней есть люди, которые могутъ отправиться дальше съ отходящею, завтра, партіею; но они, точно также, какъ и столичные арестанты, остаются тутъ до тѣхъ поръ, покуда ихъ документы запишутся: въ алфавитѣ самой тюрьмы, въ губернскомъ правленіи, въ управленіи

внутренней стражи и въ этапномъ управленіи. Отмѣтка же документовъ въ перечисленныхъ четырехъ инстанціяхъ дѣлается для того (какъ выражается напр. 401 ст. Уст. о сл. внутр. стражи), «дабы въ случаѣ справки, безъ затрудненія, можно было дать отчетъ о каждомъ прослѣдовавшемъ». И вотъ, изъ-за такого порядка, арестанты проживаютъ здѣсь по двѣ недѣли и болѣе, между тѣмъ постоянная норма кормовыхъ денегъ арестантовъ (258 ст. Уст. о содерж. подъ стражею и 35 ст. Уст. о ссыльныхъ по продолж. въ XIV т. Св. Зак. 1868 г.) благородныхъ—15, а простолюдиновъ 10 к. въ сутки. Чтобы наглядно доказать, какіе убытки казна несетъ отъ нахождения въ тюрьмѣ арестантовъ по двѣ только недѣли, сдѣлаемъ слѣдующій расчетъ, хотя и примѣрный, но весьма близкій къ истинѣ. Человѣкъ пересылается изъ Пскова въ Тобольскъ; считая, что онъ проживетъ по двѣ недѣли въ каждой попутной губернской тюрьмѣ, и полагая этихъ тюремъ хотъ только шесть:—Псковскую, Петербургскую, Московскую, Нижегородскую, Пермскую (отъ Нижняго до Перми везутъ арестантовъ, лѣтомъ, на волчинскихъ пароходахъ) и Тобольскую, оказывается, что онъ просидитъ 84 дня, или 3 мѣсяца безъ 6 дней,—время, которое ему въ срокъ не зачтется. Далѣе, проѣстъ онъ, полагая простолюдина, 84 гривенника 8 р. 40 к. Потомъ, считая изъ прослѣдовавшихъ въ 1869 г. чрезъ здѣшнюю тюрьму 13,914 чел. хотъ только четвертую часть, пошедшими въ Сибирь (въ дѣйствительности гораздо больше), получается 3,479 чел., по 8 р. 40 к. на каждого, на всѣхъ 29,215 р. 20 к. непроизводительно затраченныхъ исключительно изъ-за медлен-

ныхъ отмѣтокъ документовъ, производящихся на случай справки о томъ, прослѣдовалъ ли Иванъ Петровъ туда-то!... Отсюда вытекаетъ неотложная необходимость сократить процессъ отмѣтокъ съ четырехъ на одну инстанцію, напр. губернское правленіе, какъ болѣе компетентное присутственное мѣсто, и затѣмъ не задерживать людей по пустому въ различныхъ тюрьмахъ.

На основаніи 19 ст. Уст. о ссыльныхъ и 372 ст. Уст. о сл. внутр. стражи, статейные списки, при которыхъ люди препровождаются, должны писаться на каждаго человѣка отдѣльно, дабы «при остановкахъ его въ пути можно было удобнѣе отдѣлить оный». На дѣлѣ, многія провинціальныя присутственныя мѣста, вписываютъ въ одинъ списокъ по 4—6 чел. и тѣмъ самымъ отягощаютъ и казну и арестантовъ. Одинъ напр. изъ записанныхъ въ общемъ списокѣ арестантовъ, вдругъ, дорогою расхворался, слегъ въ больницѣ,—и всѣ товарищи его по списку принуждены ждать его выздоровленія, или смерти, иначе ихъ нельзя пустить въ дальнѣйшій путь...

Согласно 93 ст. Уст. о ссыльныхъ, по прод. 1868 г., въ XIV т. Св. Зак., каждому арестанту предоставляется вести по желѣзнымъ и сухопутнымъ дорогамъ имущества до 30 фунт. Но, у переправляющихся по этапу семейныхъ вообще (и какъ мы выше замѣтили, у евреевъ въ особенности), пожитки вѣсятъ всегда въ 4—5 разъ больше установленнаго помянутою статьею казеннаго вѣса. По этому поводу между начальствомъ и переселяющимися возникаютъ постоянно споры и пререканія, которые кончаются то въ пользу одной, то другой заинтересованной стороны, смотря по характеру партіоннаго.

Чтобы облегчить и начальство и арестантовъ, было бы, полагаемъ, вполне основательно разрѣшить везти, по крайней мѣрѣ, по полтора пуда на каждого изъ членовъ переправляющихся семействъ: они тащатся вдаль, гдѣ обзаводиться, по дорогомъ предметовъ потребленія, имъ будетъ трудно, не по средствамъ; оттого оставлять свои пожитки дома, куда они ужъ безъ сомнѣнія не вернуться, или распродать ихъ за безцѣнокъ, въ равной степени убыточно.

Очень часто жены и дѣти арестантовъ добровольно слѣдуютъ за ними, въ мѣста ихъ ссылки, заточенія. Немало также, какъ извѣстно, на Руси солдатъ, которые по выходѣ въ отставку, по бѣдности, добираются на родину тоже по этапу; тотъ же этапъ и по тѣмъ же причинамъ доставляетъ: солдатокъ—въ служащимъ мужьямъ, а дѣтей, женъ умершихъ ссылныхъ—въ первоначальное мѣсто ихъ пребыванія. Весь этотъ вольный народъ именуется, на казенномъ нарѣчїи, «не въ родѣ арестантовъ», кормится и возится на казенный счетъ. Правительство безспорно оказываетъ несчастнымъ людямъ благодѣяніе — доставленіемъ ихъ по назначенію. Между тѣмъ, при тюремной практикѣ благодѣяніе это теряетъ свою цѣну, вслѣдствіе превращенія вольнаго человека въ арестанта: людямъ, называющимся «не въ родѣ арестантовъ», точно также, какъ и настоящимъ арестантамъ, воспрещается не только раньше мѣста назначенія совсѣмъ покидать партію, — но и отлучаться отъ нея хотя-бы и на полчаса; ихъ помѣщаютъ весь путь въ этапныхъ острогахъ вмѣстѣ съ арестантами; ихъ, какъ и арестантовъ, не выпускаютъ на дневахъ, оста-

новках за тюремныя ворота; при вступленіи въ тюрьмы и выстѣпленіи ихъ обыскиваютъ, какъ и арестантовъ. Словомъ, вся ихъ льгота противъ арестантовъ заключается собственно въ томъ, что ихъ не нанизываютъ на пруть и не облакаютъ въ ножныя оковы. Лишаютъ же вольныхъ людей «не въ родѣ арестантовъ» свободы на все время ихъ путешествія по этапу,—вотъ по какимъ причинамъ. Во первыхъ, всѣ пересыльныя тюрьмы страдаютъ неизмѣрною тѣсною и недостаткомъ стражи, по этому нельзя отдѣлять арестантовъ отъ не арестантовъ, а изъ тюремъ не выпускаютъ вольныхъ людей даже прогуляться, изъ опасенія, какъ бы вмѣсто вольнаго не вышелъ, сговорившись, арестантъ. Вторая и — кажется — главная причина заключается въ законѣ, который не говоритъ ни о томъ, какихъ именно лицъ надлежитъ вести «не въ родѣ арестантами», ни о томъ, какъ вообще далеко простирается власть начальства надъ «не въ родѣ арестантами», ни о томъ, какія льготы, сравнительно съ арестантами, имѣютъ вольные люди. Относительно солдатъ «не въ родѣ арестантовъ», 402 статья Уст. о сл. внутр. стражи обязываетъ воинскихъ начальниковъ отмѣчать въ спискахъ сихъ солдатъ: кто какого поведенія, дабы, за «людьми, подверженными порокамъ, бывшими въ штрафахъ, можно было употребить надлежащій присмотръ и не допустить ихъ до побѣговъ». Прописываются же эти вольные люди въ спискахъ «не въ родѣ арестантами» только потому, что (403 ст. Уст. о сл. внутр. стражи) «эти люди получаютъ кормовыя деньги не по арестантскому положенію, а по особой табели, на сей предметъ ежегодно утверждаемой». Приурочивать

въ арестантамъ вольныхъ людей, вслѣдствіе матеріальной нищеты перенравляющихся по этапу изъ-за того, что они когда-то подверглись штрафу, за то, что казна снабжаетъ ихъ кормовыми, въ видѣ милости помогаетъ имъ, — да на что же это, помилуйте похоже? Не насмѣшка ли эта надъ идеею справедливости?

Что добровольно идти по этапу не въ родѣ арестантовъ, но на арестантскомъ положеніи, слишкомъ тяжело, это видно изъ того, что многіе умоляютъ освободить ихъ, предпочитая отправиться домой пѣшкомъ, и въ пути кормиться, какъ они говорятъ, христовымъ именемъ — милостынею, нежели превратиться на мѣсяць въ арестанта. Но и тутъ, желающихъ исключиться изъ числа «не въ родѣ арестантовъ», выпускаютъ не тотчасъ послѣ ихъ заявленія, а лишь тогда, когда получится на то надлежащее разрѣшеніе.

Отставной солдатъ поѣхалъ, въ числѣ «не въ родѣ арестантовъ» въ Тамбовъ, предполагая тамъ поселиться, если найдетъ въ живыхъ родныхъ и пріютъ у нихъ; но, не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Москвы, его увидѣлъ, бывший нѣкогда его начальникомъ, отставной генералъ и узнавъ, что онъ ѣдетъ на авось — предложилъ ему выгодную службу у себя, недалеко отъ желѣзной дороги. Солдатъ охотно принялъ предложеніе и оба обратились въ партіонному съ просьбой освободить солдата. Партіонный на отрѣзъ отказалъ, объяснивъ, что солдатъ обязанъ доѣхать до Тамбова, гдѣ его сдадутъ въ управленіе внутренней стражи, оттуда перешлютъ въ мѣстную полицію, которая и уволитъ его на всѣ четыре стороны... Такъ солдатъ и поѣхалъ дальше.

Таже самая участь постигла коллежскую совѣтницу, которая недавно переправлялась изъ Москвы въ Динабургъ съ 10-лѣтнимъ племянникомъ, и которая желала остаться въ Псковѣ.

При насъ напр. прибыла 15-лѣтняя дѣвочка. Изъ разговора съ нею мы узнали, что она осталась безъ родителей во младенчествѣ, ее содержалъ холостой ея братъ, котораго приговорили на поселеніе въ Сибирь, куда онъ и ее взялъ съ собой и тамъ пробармливалъ чѣмъ могъ. Но вотъ онъ умеръ и она осталась безъ крова и пищи, на далекой чужбинѣ, а не будучи никѣмъ призрѣнною — попросила возвратить ее въ Радомъ, гдѣ у нея «кажется» жива еще тетка. Шла она изъ Красноярска; туда шла также этапомъ, какъ и теперь назадъ.

И такъ, описанный порядокъ пересылки «не въ родѣ арестантовъ» не совмѣстенъ съ значеніемъ благодѣянія, которое правительство стремится оказывать несчастнымъ людямъ, многіе изъ коихъ прямо говорятъ: «захотѣлъ даромъ проѣхать—будь арестантомъ, т. е. люби вататься, люби и саночки возить». Очевидно, стало быть, что само, такъ сказать, благодѣяніе вопіетъ ко власти придерживающей о возстановленіи ея силы, смысла, превращенныхъ въ ничто; достигнуть же этого можно только, кажется намъ, созданіемъ положительнаго закона, въ которомъ категорически обусловить всѣ льготы, какія вправѣ ожидать «не въ родѣ арестантовъ», люди вольные, а главное, конечно, то, что они имѣютъ право выходить изъ этапа гдѣ имъ вздумается.

VI.

На основаніи 2 п. приложенія къ 103 ст. I ч. X т. и первой части 319 ст. Уст. о предупред. и пресѣч. преступл. т. XIV, жены, пересылаемыхъ по приговорамъ обществъ въ Сибирь, обязаны слѣдовать за мужьями противъ желанія, кромѣ случаевъ: когда мужъ согласится оставить жену дома; когда она неизлечимо больна, или когда докажетъ, что мужъ жестоко съ нею обращался, либо былъ развратнаго поведенія. Мужьямъ (по 320 ст. Уст. о предупред. и пресѣч. преступл., и 3 п. прилож. къ 103 ст. I ч. X т.) предоставляется, на ихъ волю сопровождать женъ, или нѣтъ; мужьямъ же евреямъ и крестьянамъ даже воспрещается слѣдовать за осужденными ихъ женами. Приведенныя нами правила касательно женъ распространяются, согласно 8 п., и при удаленіи мужей административнымъ порядкомъ (158 ст. Полож. о вкрест., вышед. изъ крѣп. завис., а также примѣч. къ 58 ст. Улож. о нак.) «впредь до того времени, покуда сіи виды административнаго взысканія не подвергнутся измѣненію».

Пользуясь правомъ, указаннымъ въ помянутыхъ законоположеніяхъ, мужья постоянно тащатъ съ собою женъ и дѣтей. Мало того: люди грубые, не развитые, вымещаютъ свою злость на безвинныхъ и имъ подначальныхъ женахъ, заставляя ихъ мучиться съ дѣтьми въ теченіи длиннѣйшей дороги, принуждая ихъ прислуживать себѣ, добывать гроши грѣшнымъ тѣломъ, бранять, бьютъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ!... И женамъ все это приходится выносить, собственно потому, что имѣли несча-

стіе оцутиться замужемъ за негодыями. Изучая процедуру пересылки по этапу, мы видѣли довольно примѣровъ возмутительнаго обращенія мужей съ своими женами, которыя все это терпятъ, и бѣдныя не только не знаютъ, но и не догадываются о томъ, чтобы довазывать жестокое съ ними обращеніе, или развратное поведеніе мужей!.. Прибавимъ, что жена, получивъ согласіе переселяемаго мужа остаться дома, должна постоянно быть на готовѣ отправиться въ мужу, такъ какъ 319 ст. Уст. о пред. и прес. преступл. разъ навсегда сохраняетъ за мужьями право «вытребовать къ себѣ женъ». Это и бываетъ сплошь да рядомъ. При насъ, напр., переправляли, въ числѣ прочихъ, женщину съ 5-ю дѣтьми, малъ-мала меньше: старшему было 7 лѣтъ. Горю этой женщины не было, важется, и границъ... За мужьями постоянно идутъ, и охотою и неволею, множество женъ; но мужья, сопровождающіе женъ по этапу,—явленіе, по словамъ тюремныхъ сторожилъ, едва ли бывалое.

Мужчины, содержавшіеся, по которой либо изъ 5 степеней 31 ст. Уложенія о наказаніяхъ, въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, возвращаются, по отбытіи въ нихъ опредѣленныхъ сроковъ, въ тѣ общества, въ которымъ они принадлежали до ихъ осужденія (1 п. 1081, 1086 ст. Уст. о содержащихся въ арест. рот. т. XIV Св. Зак.). Однако общества въ силу 566, 1 и 2 п. 567 (*), 9 и 574 ст. Зак. о состояніяхъ, т. IX, а равно 2 п. 300 ст. Уст. о предуп. и пресѣч. преступ., т. XIV, по осо-

(*) По продолженію къ XVI т. Св. закол. 1863 г.

бымъ приговорамъ, составленнымъ согласно 301—311, 313 и 314 ст. Уст. о предупр. и пересѣч. преступл. — вправѣ и не принять подобныхъ людей въ свою среду. Тогда люди эти, согласно 312 ст. Уст. пресѣч. прест., тотчасъ же заключаются подъ стражу, а по утверженіи помянутыхъ приговоровъ ссылаются (по 316 ст. того же Устава и 1083 и 1084 ст. Уст. о содержаніи въ арест. ротахъ) на житье въ Томскую, или Тобольскую губерніи, куда съ ними отправляются по тѣмъ же, какъ выше указано, законамъ—жены и дѣти. А чтобы люди долго не сидѣли подъ стражею, покуда утверждается приговоръ,—законовъ (568 ст. Зак. о сост. IX т. и 314 ст. Уст. пресѣч. преступл. т. XIV) придписываетъ не тянуть эту процедуру долѣе 2-хъ мѣсяцевъ.

Это право, предоставленное обществамъ, представляетъ собою вообще анахронизмъ, а на практикѣ служить источникомъ произвола, несправедливости, злоупотребленія. Начнемъ съ того, что судя по дѣйствіямъ здѣшней пересыльной тюрьмы, общества, исключая весьма рѣдкихъ, не принимаютъ въ свои члены мужчинъ, возвратившихся изъ арестантскихъ ротъ. Дѣлается это такъ потому, что человѣкъ, вернувшійся изъ ротъ, не отпускается прямо на волю, а задерживается подъ стражею, впредь до полученія отъ общества отвѣта: желаетъ ли оно его принять, или нѣтъ? Между тѣмъ, въ теченіе 3—5 лѣтъ нахождения человѣка въ арестантской ротѣ — память о немъ, особливо, ежели онъ былъ бѣденъ средствами, роднею, въ обществѣ совершенно изгладилось, мѣстное, общественное начальство, при которомъ онъ былъ на лицо, давно уже перемѣнилось и такимъ образомъ въ пользу

этого несчастнаго человѣка рѣшительно некому и добраго слова замолвить предъ кѣмъ слѣдуетъ; некому похлопотать даже о скорѣйшемъ составленіи роковаго приговора, который обыкновенно является не раньше, какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ предложеннаго обществу вопроса (*). Прибавимъ, что этотъ вопросъ занимает собою и законодателя, который старается уменьшить зло, происходящее отъ такого права обществъ: правилами 11 іюня 1865 г. было постановлено: исключеннымъ изъ обществъ выдавать билеты на шестимѣсячный срокъ, до высылки ихъ въ Сибирь, на водвореніе, для пріисканія обществъ, которыя согласились бы ихъ принять въ свою среду (прим. въ 11 ст. Уст. о ссыльн., по прод. 1868 г.). Положеніемъ главнаго крестьянскаго комитета 19 августа 1865 г. помянутыя правила были распространены на крестьянъ. Но затѣмъ, постановленіями 6 мая 1866 г., 5 мая и 23 іюня 1867 г. дѣйствія правилъ 11 іюня 1865 г., о выдачѣ 6 мѣсячныхъ билетовъ «временно пріостановлены, впредъ до окончательнаго введенія судебной реформы», а возстановлены правила, дѣйствовавшія до 1865 г. о немедленной высылкѣ въ Сибирь, на водвореніе, лицъ низшихъ сословій, какъ оставленныхъ судомъ въ подозрѣніи, такъ и не принятыхъ обществами, послѣ суда и наказанія.

(*) Здѣшнее напр. общество отказалось недавно принять въ свою среду, содержавшагося въ арестантскихъ ротахъ ремесленника, осужденнаго туда за то, что онъ, будучи 18 лѣтъ, рябился изъ шалости, въ офицерское платье и именовался офицеромъ. Не

Въ Петербургскомъ и Московскомъ судебныхъ округахъ новый судъ существуетъ уже 5 лѣтъ, а новыхъ правилъ еще нѣтъ. Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ возстановить дѣйствіе правилъ 11 іюня 1865 г., т. е. давать людямъ 6-ти мѣсячную льготу для пріисканія себѣ осѣдлости внутри имперіи, и ужъ тѣхъ, кто не найдетъ такового, отправлять на водвореніе въ Сибирь. Кромѣ того женамъ ссылаемыхъ слѣдовало бы предоставить право не отправляться за своими мужьями, если онѣ того не пожелаютъ, ибо тащить ихъ силою — ни съ чѣмъ несообразно: силой милъ не будешь, тѣмъ болѣе, что они отрываются отъ осѣдлости и тащатся въ Сибирь затѣмъ, чтобъ терпѣть тамъ голодь, издѣванья и всякаго рода не выгоды; да увеличивать собою проститутковъ. Мужчина, напр. вступивъ съ женщиною въ бракъ, прожилъ съ нею 4-6 мѣсяцевъ, впалъ въ преступленіе и сосланъ на 5 лѣтъ въ арестантскія роты. По свойственной человѣческой натурѣ слабости, горе постепенно, какъ извѣстно, изглаживается изъ памяти, забывается. Жена въ теченіе столь долгаго срока куда нибудь пристроилась, постепенно охладѣла къ мужу. И вдругъ онъ возвращается, общество не принимаетъ его въ себѣ, его отправляютъ въ Сибирь. И онъ, въ отомщеніе всѣмъ, тащить за собою жену, которая ни въ чемъ не повинна, а его положительно ужъ забыла. Какая жъ, спрашивается, будетъ она ему жена, когда онъ, кромѣ горя, страданій ровно ничего не принесъ ей, безъ того ужъ несчастной?

приняли же его оттого, что онъ не въ состояніи былъ, какъ намъ передавали, заплатить за это мироѣдамъ.

На основаніи 2 п. 171 ст. Уст. о содерж. подъ стражею и 2 п. приложенія къ 30 ст. Улож. о наказан. заключеніе кого либо въ оковы причисляется къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Потомъ, согласно второй части 171 ст. Уст. содерж. подъ стражею, всѣ осужденные въ каторжную работу должны быть заковываемы въ ножныя кандалы, исключая привилегированныхъ лицъ (перечисленныхъ въ 1 и 2 п. 171 ст. и 172 ст. по прод. 1864 и 1868 г. къ Уст. сод. подъ стр. и 2—12 ст. прилож. къ 30 ст. Улож. о нак.). Далѣе, согласно первымъ частямъ 224 ст. Уст. сод. подъ стр. и 406 ст. Уст. о сл. внутр. стражи въ пути арестанты идутъ въ оковахъ, или безъ оковъ, смотря по тому, какъ они отправлены съ мѣста, а на ссыльныхъ, кои идутъ безъ оковъ, предписывается налагать «легкіе желѣзные, ручные прутья»—наручнику (96 ст. Уст. о ссыльныхъ и 463 ст. Уст. о сл. внутр. стражи). Затѣмъ, 224 ст. Уст. сод. подъ стр. и середина 406 ст. Уст. о сл. внутр. стр. предоставляютъ усмотрѣнію гражданскаго начальства облегчать тѣхъ изъ пересылаемыхъ по этапу людей, кои не требуютъ особыхъ мѣръ предосторожности, назначая препровожденіе ихъ безъ оковъ. Наконецъ примѣчаніе къ 224 ст. Уст. сод. подъ стр. и 406 ст. Уст. о сл. внутр. стр. гласятъ: «Если арестанты, идущіе безъ оковъ, слѣдуютъ по этапной дорогѣ, то для предупрежденія побѣговъ (а военный законъ добавляетъ: и для сокращенія числа конвоя) на нихъ налагаются наручные, желѣзные прутья, какъ на ссыльныхъ. Впрочемъ дозволяется (заключаютъ помянутыя примѣчанія и статья) и на ссылаемыхъ за легкія преступленія арестантовъ накладывать ножныя кандалы, какія опре-

дѣлены для важныхъ преступниковъ, вмѣсто приковыванія ихъ къ пруту, если токмо они того пожелаютъ и будутъ просить у начальства, какъ особаго снисхожденія.»

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ указанныхъ нами статей гражданскихъ и военныхъ законовъ вытекаетъ ясно, что кандалы предназначены для каторжныхъ, а наручники для ссыльныхъ, но наручники же надѣваются и на всѣхъ остальныхъ легкихъ преступниковъ, т. е. къ ссыльнымъ приравнены и безпаспортные, и просрочившіе паспорта, и нищіе, выпроваживаемые на родину, и непринятые обшествами бывшіе арестанты, отправляющіеся на водвореніе въ Сибирь. Сюда же принадлежатъ высылающіеся для личнаго отбытія рекрутской повинности, или для занятія мірскихъ должностей по крестьянскому самоуправленію, словомъ «всѣ идущіе по этапной дорогѣ». Такъ, что люди почти ни въ чемъ не повинные подвергаются тѣлесному наказанію—и единственно: «для предупрежденія побѣговъ, да для сокращенія числа конвоя»!!!

Оковы вообще существуютъ какъ средство противъ побѣговъ. Но убѣжать закованному отдѣльно въ ножныя кандалы при свободѣ обоихъ рукъ, какъ намъ говорили свѣдующіе люди—конвойные, партіонные, гораздо легче, удобнѣе, нежели тому, кто привинченъ за руку вдвоемъ, а на прутѣ по 12 чел. Отсюда слѣдуетъ, что самое расpredѣленіе вести тяжелыхъ преступниковъ въ ножныя, а менѣе преступныхъ ссыльныхъ—въ ручныя оковы не согласно съ своей цѣлью: законъ очевидно болѣе желаетъ предупредить побѣгъ каторжника, чѣмъ ссыльнаго, а между тѣмъ даетъ каторжнику гораздо большую возможность бѣ-

жать (*), нежели ссыльному. Кроме того наручники несравненно мучительнѣе для идущаго по этапу, чѣмъ кандалы, между тѣмъ законъ подвергаетъ наручникамъ всѣхъ мелкихъ правонарушителей, но сознавая эту несправедливость, — законъ въ тоже время предоставляетъ имъ право просить о перемѣнѣ ихъ, этихъ страшно неудобныхъ браслетъ (такъ арестанты называютъ наручники) на кандалы. Какъ ни странна эта привиллегія быть сравненнымъ съ тяжчайшими преступниками, — этой привиллегіи добиваются почти всѣ мелкіе правонарушители. Но принимая во вниманіе, что вслѣдствіе удовлетворенія всякой такой просьбы, некого будетъ вести въ наручникахъ, что вся партія сдѣлается по кандаламъ, огромною толпою каторжныхъ и что отъ этого еще болѣе придется усилить число конвойныхъ — такія просьбы обыкновенно не исполняются, а освобождать отъ наручниковъ людей, «не требующихъ особыхъ мѣръ предосторожности», гражданское начальство не считаетъ себя вправѣ, за силою примѣчаній къ 220 ст. Уст. содерж. подъ стражею и къ 371 ст. Уст. о сл. внутр. стр., которыя гласятъ, что при передачѣ стражѣ людей для пересылки по этапамъ «не должно требовать отъ нея препровожденія ихъ не въ родѣ арестантовъ» (безъ оковъ, чѣмъ послѣдніе только вѣдь и отличаются отъ арестантовъ). Ясно, слѣдовательно, что приведенныя примѣчанія уничтожаютъ собою тѣ части

(*) Съ годъ тому назадъ одинъ каторжный на полномъ ходу машины вышибъ рѣшетку въ вагонъ, выскочилъ изъ него прямо въ оврагъ и хотъ и были тотчасъ же приняты мѣры къ отысканію бѣжавшаго, — но его нигдѣ не нашли.

224 ст. Уст. о содерж. подъ стражею и 406 ст. Уст. о сл. внутр. стр., по которымъ «отъ усмотрѣнія гражданскаго начальства зависитъ облегчать тѣхъ изъ пересылаемыхъ, кои не требуютъ особаго надзора, назначая преепровожденіе ихъ безъ оковъ».

Дабы читатели могли составить себѣ понятіе о томъ, какъ тяжелы эти наручники, дѣлающіе людей новыми сіамскими близнецами скажемъ, что въ теченіе всего пути, если одинъ захочетъ лечь на полу спать, другому приходится дѣлать тоже; вздумаетъ спящій повернуться на другой бокъ, онъ будитъ уснувшаго товарища по наручнику, оба встаютъ и переключиваются одинъ на мѣсто другаго; одинъ хлебаетъ щи правою рукою, другой въ тоже время принужденъ свою лѣвую руку поминутно поднимать и подносить вмѣстѣ съ правою рукою товарища къ его рту, и т. д. (*).

Изъ сказаннаго легко видѣть необходимость отмѣны закона о заключеніи въ наручники людей, пересылаемыхъ

(*) Въ числѣ мелкихъ правонарушителей, въ рѣдкой партіи, не идутъ въ наручникахъ 15—16 лѣтніе мальчики.. Мы видѣли горько плакавшихъ отъ боли, страха и униженія 3 мальчиковъ, отправлявшихся на пруть, за просрочку паспортовъ, въ Ярославскую губернію. Здѣсь кстати отмѣтить, что по статистикѣ пересыльной тюрьмы большинство мальчиковъ, высылаемыхъ за неимѣніе и просрочку паспортовъ, уроженцы Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи, откуда они прибываютъ въ Петербургъ въ услуженіе въ мелочныя лавки, въ трактиры, причеиъ пошехонская крестьянская администрація настолько непростительно безпечна, что или не снабжаетъ ихъ вовсе паспортами, или не мѣняетъ имъ своевременно таковыя и тѣмъ самымъ подвергаетъ ихъ несчастію возвращаться во свояси въ наручникахъ.

по этапу административнымъ порядкомъ (примѣчанія къ 220 и 224 ст. Уст. содерж. подъ стражею т. XIV Св. Заб. Гражд. и вторую часть 406 и примѣчаніе къ 371 ст. Уст. о службѣ внутренней стражи, т. VII Св. воен. постановленій). Сверхъ того, если уже будетъ признано, что отъ наручниковъ вовсе нельзя отказаться, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, хотъ измѣнить законъ касательно перевозки арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ—освобожденіемъ ѣдущихъ по этапу за мелкія прегрѣшенія отъ наручниковъ, предоставивъ, пожалуй, партіоннымъ офицерамъ заковывать въ наручники въ наказаніе тѣхъ, которые стануть въ пути буйствовать, нарушать правила благочинія. Введеніе этой реформы не можетъ встрѣтить положительно никакихъ затрудненій: арестанты (согласно примѣч. къ 220 ст. Уст. о содерж. подъ стражею и 9 п. приложения къ 16 ст. Уст. о ссыльныхъ, по продолж. 1863 г. къ XIV т. Св. Заб.) ѣдутъ запертыми въ вагонахъ и ни подъ какимъ видомъ изъ нихъ не выпускаются, стало быть убѣжать никому и безъ того никогда не удастся; мало того: предлагаемая нами мѣра вооружить партіонныхъ вліяніемъ на арестантовъ,—вліяніемъ, которымъ они, по собственному ихъ сознанію, не пользуются при нынѣшнихъ условіяхъ перевозки этаповъ.

VII.

Возвращаясь къ пересыльной тюрьмѣ, замѣтимъ, что существующіе беспорядки не примираютъ арестантовъ съ ихъ положеніемъ, не смиряютъ ихъ, а напротивъ, озлобляютъ,

и они не упускают ни малѣйшаго удобнаго случая мстить чѣмъ и кому попало за свои притѣсненія. Такъ, живя по недолгу въ тюрьмѣ, они ломаютъ посуду, окна, нары, вышибаютъ стекла, тушатъ, ночью, нарочно огни, поднимаютъ шумъ, драки, истребляютъ казенную одежду и т. п. Последнюю ночь, предъ отходомъ этаповъ, арестанты обыкновенно спятъ уже на голыхъ нарахъ, потому что данные имъ постельники они истребливаютъ въ клочья, на томъ основаніи, что дескать намъ больше ужъ не нужны. Недавно, напр., арестантъ снялъ ночью въ отхожемъ мѣстѣ лампу, завернулъ ее въ свой халатъ, да и опустилъ съ огнемъ въ люкъ, но, не успѣвъ во-время скрыться, былъ пойманъ на мѣстѣ происшествія, и на вопросъ: для чего онъ это сдѣлалъ? — отвѣтилъ: «Мнѣ спать не хотѣлось, я ходилъ, ходилъ одинъ по камерѣ, соскучился, увидѣлъ лампу, да и бросилъ ее: все жъ начальству убытокъ, неприятность, а у насъ завтра разговоръ будетъ...»

Чтобы хотя нѣсколько разсѣять скуку арестантовъ, однажды вздумали было учить ихъ, за отсутствіемъ полезнаго, хоть пріятному — хоральному пѣнію. Попробовали было доказать невозможность исполненія, но этихъ доводовъ не послушали. И вотъ, приступили къ урокамъ. Время было предъ Пасхою и потому начали занятіе съ разучиванія пасхальныхъ пѣсенъ. Два урока прошли еще туда-сюда, съ грѣхомъ пополамъ, но на третьемъ, когда одна половина арестантовъ запѣла «Святися Святися новый Іерусалимъ», другая въ сторонѣ затянула «Ахъ, вы сѣни, мои сѣни».

— Зачѣмъ вы мѣшаете, поете не то, что слѣдуетъ? спросили нарушителей порядка.

— Извините, что умѣемъ, то и поемъ, отвѣтили спрошенные.— Услышали пасхальную пѣснь, у насъ на сердцахъ повеселѣло,— вотъ мы и затянули...

Наконецъ, прѣіхало начальство, послушало пѣніе и осталось имъ недовольно.

— Эти арестанты не успѣли еще выучиться, оправдывался учитель.

— Гдѣ же, покажите, выученные, если вы точно учили ихъ?

— Да третьяго дня всѣ въ походъ ушли: они вѣдь пересыльные.

— Ахъ да, понимаю...

И начальство успокоилось, а обученіе хоральному пѣнію на томъ и прекратилось (*).

Тюремная церковь считается домашнею и потому въ ней нѣтъ книги для записыванія брачущихся, крещаемыхъ. И вотъ, однажды, содержавшаяся въ тюрьмѣ женщина родила и потребовалось крестить ея младенца. По-

(*) Въ тюремной церкви нѣсколько лѣтъ ужъ поетъ хоръ дѣвицъ изъ швейнаго магазина г. Григорьева, который самъ регентомъ. Будучи пѣвчимъ и страстнымъ любителемъ церковнаго пѣнія, онъ обучаетъ дѣвочекъ пѣть по слуху, ибо многія не грамотныя, не въ состояніи понять нотъ. Свѣдущіе, въ пѣніи, люди говорятъ, что этотъ оригинальный хоръ поетъ хорошо. Григорьевъ и содержитъ своихъ контрактныхъ дѣвочекъ очень опрятно, заботится, сказывали намъ, о нихъ точно о своихъ дѣтяхъ, что между содержателями магазиновъ обыкновенно рѣдкость; живетъ у него до 30 дѣвочекъ.

слали за священникомъ сосѣдней приходской церкви, но онъ, посмотрѣвъ документъ арестантки, отвѣтилъ, что она нѣмка и потому не ему совершать таинство крещенія. Отправились въ пастору, который отозвался, что родильница эстонка; бросились въ реформатскую церковь, но тоже безуспѣшно; надо, сказали, крестить по чухонски; чухонскаго же попа ни гдѣ не нашли и пригласили ксендза, который и умножилъ свѣтъ однимъ будущимъ католикомъ. Отчего же, рождается естественный вопросъ, никто, кромѣ ксендза, не хотѣлъ крестить младенца? Да оттого, говорили намъ, что арестантка не могла ничего заплатить за крещеніе, а даромъ совершить его никто не пожелалъ.

Изъ тюрьмы былъ разъ отправленъ въ богадѣльню глухонѣмой; но вскорѣ послѣ того пришло извѣстіе, что онъ бѣжалъ изъ богадѣльни, причемъ сманилъ съ собою тамошнюю дѣвицу. Нѣкоторое время спустя обоихъ гдѣ-то поймали и, какъ беспаспортныхъ, привели опять въ тюрьму, для передачи по принадлежности. Дѣвица покорно перенесла неудачное свое бѣгство, а ея возлюбленный, отпираясь отъ того, чтобъ онъ былъ тотъ самый, котораго первоначально отправили въ богадѣльню, страшно возмущался за лишеніе его свободы и никоимъ образомъ не хотѣлъ возвращаться въ богадѣльню. Сила власти взяла, разумѣется, свое и его свезли въ богадѣльню, гдѣ, говорила дѣвица, жить гораздо хуже, нежели въ тюрьмѣ.

Одинъ крестьянинъ, живя въ деревнѣ, страдалъ главною болѣзнью, для пользованія отъ которой онъ перетянулся въ Петербургъ и здѣсь поступилъ въ клинику, пролежалъ въ ней 2 года, окончательно ослѣпъ и былъ

выписанъ. Вскорѣ затѣмъ его здѣсь задержали, какъ безпаспортнаго, и отправили чрезъ управу благочинія въ губернское правленіе, которое распорядилось отсылкою его по этапу на родину, откуда онъ вернулся назадъ съ отвѣтомъ, что онъ, почти 3 года неизвѣстно гдѣ пропадавшій, исключенъ изъ мѣстныхъ ревизскихъ сказокъ и потому общество не можетъ его принять въ число своихъ членовъ. Губернское правленіе снеслось съ казенною палатою, чтобы она распорядилась приписать его къ какому нибудь обществу. Палата поочередно предлагала крестьянина всѣмъ уѣздамъ петербургской губерніи, но всѣ единогласно отказались отъ него. Тогда крестьянина передали суду какъ бродягу. Однако, прокуроръ, посѣтивъ тюрьму, убѣдился, что его судить нѣтъ основанія, прекратилъ дѣло и сообщилъ объ этомъ губернскому правленію, которое передало его на дальнѣйшее распоряженіе комитета нищихъ. Комитетъ попросилъ кронштадтскую городскую думу принять его въ число мѣстныхъ мѣщанъ. Дума, соглашаясь уважить просьбу комитета, предварительно ея исполненія, потребовала отъ комитета, причитающіяся за приписку крестьянина деньги, комитетъ отказался заплатить, а дума въ свою очередь отказалась приписать его. Тогда комитетъ отправилъ крестьянина опять на родину, гдѣ его опять не приняли и потому онъ опять очутился въ Петербургѣ безъ паспорта, за что его снова арестовали, снова потащили, прежнимъ порядкомъ, до губернскаго правленія, правленіе снова обратилось за помощію къ казенной палатѣ, которая, сжалившись надъ несчастнымъ, приписала его даромъ въ кронштадтскіе мѣщане, ему вручили паспортъ и отпу-

стили его на всѣ четыре стороны.. Все странствіе его по этапамъ, тюрьмамъ и арестантскимъ, продолжалось около трехъ лѣтъ сряду и едва кончились въ 1870 году.

Лазарета въ тюрьмѣ нѣтъ, а заболѣвающіе арестанты отправляются, для пользованія, въ больницу тюремнаго замка, въ пресловутыхъ зеленыхъ фургонахъ, а когда нѣтъ ихъ — пѣшкомъ, подъ конвоемъ. Знакомые съ неудобствами фургоновъ арестанты, какъ дѣйствительно больные, такъ особенно притворяющіеся больными, всегда умоляютъ позволить имъ лучше пѣшкомъ пройти до замка. И вотъ, однажды, при нашихъ посѣщеніяхъ тюрьмы, молодой, бойкій парень, лѣтъ 25, объявился больнымъ и услышавъ, что его готовятъ, вслѣдствіе отсутствія фургона, отправить пѣшкомъ въ замокъ, очень этому обрадовался.

— Прикажете, ваше благородіе, только заковать меня въ кандалы—не то убѣгу.

— Ну этого-то тебѣ, братъ, не удастся, твердо замѣтилъ одинъ изъ конвойныхъ.

— Удастся — хорошо, не удастся—хлопотъ все таки вамъ надѣлаю. Лучше, ваше благородіе, зауйте, спокойнѣй будете, потому безпремѣнно набѣдокуру.

Желаніе арестанта, шедшаго въ Сибирь, было исполнено. Часа черезъ два онъ вернулся назадъ благополучно: его, здороваго, не приняли въ больницу.

— Зачѣмъ же ты напрасно людей-то беспокоилъ, когда здоровъ? спрашивали его.

— Не напрасно, а съ пользой, возразилъ онъ:—прогулялся, 25 к. заработалъ, да калачъ съѣлъ, а тутъ вѣдь

*

сколько не сиди, окромя вашего поганого пойма ничего не обрѣтешь.

— Такъ для этого-то ты вѣрно и хлопоталъ о кандалахъ.

— Разумѣется; коли идешь просто съ конвоемъ — ни одна шельма на тебя не взглянетъ, а идешь въ кандалахъ — самые безчувственные люди сжалятся. А встрѣнешь какую нибудь барыню, али барышню, прикинешься сироткой, да звякнешь изо всей мочи кандалами-то, такъ она вздрогнетъ, испужается и мигомъ гривенничекъ тебѣ сунетъ, не то и больше: на какую нападешь. Вотъ кандаламъ-то и спасибо!

И не только арестанты, но и конвойные пользовались прежде кое-какою матеріальною выгодою отъ кандаловъ: они водили заключенныхъ въ нихъ арестантовъ вмѣсто кратчайшихъ путей, по глухимъ — чрезъ многолюдныя улицы, торговыя площади, за что арестанты дѣлились съ ними частью набранныхъ копѣекъ, съѣстныхъ предметовъ. Этого мало: люди вполне компетентные передали намъ, по поводу кандаловъ, и вотъ еще какой казусъ, случившійся въ Петербургѣ, въ 1867 г. Три этапныхъ солдата, располагая кандалами, надѣли ихъ на своего товарища, да вдвоемъ и повели его по Невскому проспекту, по Садовой, чрезъ Сѣнную площадь. Онъ отчаянно брянчалъ кандалами, а народъ, слыша кандалный звукъ, спѣшилъ подавать «несчастненькому» — кто деньги, кто съѣстное. Собравъ, такимъ манеромъ, въ теченіе 2-хъ—3-хъ часовъ нѣсколько рублей, всѣ трое зашли въ харчевню, расковали мнимаго арестанта и ужъ начали было угощаться — наслаждаться плодами своей

аферы,—какъ вдругъ является городской (онъ почему-то долго издали слѣдилъ за ними), заявляетъ, что подозрѣваетъ двоихъ въ намѣреніи упустить третьяго—арестанта и настойчиво требуетъ заковать арестанта и отправиться всѣмъ вмѣстѣ въ полицію. Солдаты, видя, что дѣло слишкомъ плохо, признались во всемъ городовому и умоляли пощадить ихъ. Но городской оказался безчувственнымъ, созвалъ товарищей и доставилъ солдатъ въ квартиру, откуда ихъ переслали, при протоколѣ, къ непосредственному ихъ начальству... Случай этотъ послужилъ, между тѣмъ, основаніемъ къ изданію строжайшаго приказанія: конвойнымъ, партіоннымъ отнюдь не смѣть водить арестантовъ чрезъ торговыя, многлюдныя улицы и площади.

VIII.

Въ заключеніе всего вышеизложеннаго, остановимъ вниманіе читателей еще на нѣкоторыхъ явленіяхъ тюремнаго быта.

Штатнаго начальства въ пересыльной тюрьмѣ немного: смотритель, получающій 600 р. въ годъ, да одинъ писецъ; помощникъ смотрителя есть привомандированный полицейскій офицеръ. Справедливость требуетъ сказать, что содержаніе смотрителю и его помощнику слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, сравнять съ содержаніемъ служащихъ въ другихъ тюрьмахъ, Точно также необходимо прибавить жалованья на 2—3 писцовъ, въ которыхъ ощущается настоятельная необходимость.

Въ тюрьмѣ живетъ палачъ, который въ народномъ

представленіи—бичъ божій, человекъ отверженный, проклятый и т. п. Совершенною противоположностью является палачъ, о которомъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Онъ высокій, широкоплечій, съ неподвижною, въ передрыгахъ закалившеюся фізіономіею и съ окладистою, русою бородою. Намъ сказывали, что онъ былъ солдатомъ, совершилъ побѣгъ, попался, объявился, во избѣжаніе прогулки сквозь строй, бродягой, и затѣмъ, чтобы не подвергнуться никакому тѣлесному наказанію (бродягъ прежде стегали плетью) пожелалъ въ палачи. Обязанности этой должности такъ мучили его, что послѣ каждой работы плетью, онъ не могъ найти себѣ, недѣли по двѣ сряду, минутнаго душевнаго покоя и въ это время тысячу разъ каялся затѣмъ лучше не умеръ подъ палочными ударами. Такъ мучился онъ вплоть до отпѣны наказанія плетью. И теперь, правда, еще остались наказанія бѣглыхъ каторжныхъ — плетью, а бродягъ — розгами 25 ударовъ, но каторжные слишкомъ рѣдко попадаютъ, а бродягъ сбькутъ не публично, а въ тюремной банѣ, келейно, да и привычка, наконецъ, много значить... Нѣсколько уже лѣтъ палачъ живетъ чистымъ аскетомъ: съ утра до вечера постоянно на досугѣ молится въ церкви, которую стережетъ, моетъ, чиститъ съ необычайною любовью, рачительностью. Ведетъ онъ себя скромно, высоко честно, и проситъ, какъ величайшей для себя милости, уволить его, за 12 лѣтнюю безукоризненную жизнь и службу отъ настоящей его должности, для поступленія въ Соловецкій монастырь, чтобы тамъ, вдали отъ суеты мірской, въ постѣ и молитвѣ кончить свою злосчастную жизнь...

Исполнится ли это его желаніе—это еще вопросъ: палачамъ нѣтъ, по закону, выслуги.

Дворъ тюрьмы чрезвычайно узенькій, тѣсный; но предъ окнами арестантовъ былъ разбитъ, для освѣженія, лѣтомъ, воздуха садикъ. Арестантское имущество (полусубки, халаты, коты и проч.), находящееся въ вѣдѣніи губернскаго правленія хранилось въ помѣщеніи правленія. Такъ какъ оно преетъ, гниетъ и издаетъ скверный запахъ,—то администрація, не желая слышать этотъ запахъ,—распорядилась, недавно, уничтожить, въ тюрьмѣ садикъ, а воздвигнула на его мѣстѣ сарай, и сложило въ оный имущество. Такимъ образомъ арестанты лишились послѣдней отрады — свѣжаго, лѣтомъ, воздуха, проща говоря «на бѣднаго макара всѣ шишки валятся»!..

Жизнь партіонныхъ офицеровъ тоже далеко не красна и требуетъ значительнаго матеріальнаго улучшенія: они, за бытность въ году 9 мѣсяцевъ въ походѣ, получаютъ 500 р. въ г. содержанія; на эти деньги они принуждены жить постоянно бивуакомъ, платить за самые насущные предметы въ три дорога (напр. по желѣзнымъ дорогамъ). Положеніе конвойныхъ солдатъ несравненно хуже: они 6 дней въ недѣлю постоянно въ дорогѣ, и подвергаются непрерывнымъ хлопотамъ и разнымъ оскорбленіямъ озлобленныхъ арестантовъ. Подъ навѣсомъ платформы Николаевской желѣзной дороги одинъ напр. арестантъ нарочно отбросилъ отъ себя на порядочное разстояніе свою шапку и потомъ, обращаясь къ конвойному, повелительно крикнулъ: «ей, ты, подай мнѣ шапку!» Солдатъ, вышешій къ подобнымъ выходкамъ, молча исполнилъ требованіе арестанта. На наше замѣчаніе арестанту: для

чего онъ шалить—онъ смѣясь, отвѣтилъ: «эти архаровцы наши лакеи,—такъ пусть служатъ, а не стоитъ разиня ротъ». Солдаты подаютъ арестантамъ въ пути ѣду, добываютъ на станціяхъ воду, перетаскиваютъ поклажу, прибывающихъ и убывающихъ арестантовъ, стерегутъ ихъ, томясь вмѣстѣ съ ними на застѣжкѣ, въ вооруженіи, лѣтомъ—въ духотѣ, а зимой—въ вонючей атмосферѣ и проч. и проч. Кромѣ того, на основаніи 249 ст. Уст. о содерж. подѣ стражею и 383 ст. Уст. о сл. внутр. стр., конвойные отвѣчаютъ за утрату арестантами въ пути какихъ либо предметовъ казенной ихъ обмундировки. А такъ какъ арестанты часто нарочно бросаютъ вещи, то зоркость и бдительность конвойныхъ должна быть неимовѣрная. Затѣмъ согласно 251 ст. Уст. о содерж. подѣ стр., 3 и 5 пп. приложенія къ 68 ст. Уст. о ссыльныхъ и 386 ст. Уст. о сл. внутр. стражи, конвойные обязаны заботиться о чинкѣ въ дорогѣ расхуdivшейся арестантской обмундировки. Для этого всякая партіонная команда снабжается, подѣ надлежащую отчетность, доскутами холста, сукна, кожи, ножницами, шильями, нитками, дратвою и иглами. О томъ же, кто именно долженъ портняжить и сапожничать на ночлегахъ и дневкахъ, 10 п. приложенія къ 68 ст. Уст. о ссыльныхъ и 10 п. 386 ст. Уст. о сл. внутр. стражи гласятъ: «поелику всѣ мѣры относительно починки одежды и соблюденія акуратности не будутъ достаточны для ссыльныхъ, скованныхъ по рукамъ (читатели знаютъ, что всѣ скованы), буде таковыя препровождаются особо отъ другихъ, имѣющихъ руки на свободѣ, то должно приспособить оныя (мѣры, или руки?) къ обстоятельствамъ, въ какихъ люди

сіи находятся, заставляя исправлять одежду всѣхъ тѣхъ, кто будетъ въ состояніи дѣлать сіе, какъ для себя, такъ и для прочихъ». Проще говоря, въ виду положительнаго нежеланія арестантовъ не только работать для другихъ, но и поднимать свои шалки,—того, что заставить ихъ работать нѣтъ у команды ни права, ни возможности,—того, наконецъ, что арестантамъ опасно давать въ руки ножницы, иголки, шилья,—въ виду всего этого конвойные же принуждены бываютъ, какъ это всегда на самомъ дѣлѣ и поступается, и портняжить и чеботарить на ночлегахъ и дневкахъ, вмѣсто того, чтобы свободное время отдохнуть. И весь этотъ адскій трудъ оплачивается обыкновеннымъ солдатскимъ 3 р. годовымъ жалованьемъ!... Очевидно, жалованье конвойныхъ должно быть повышено, по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ разъ...

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ.

I.

Мысль объ исправительныхъ тюремныхъ заведеніяхъ впервые получила у насъ болѣе или менѣе правтическое примѣненіе еще въ 1839 году. 13 января того года состоялся законъ объ учрежденіи въ Петербургѣ, на счетъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія, исправительнаго заведенія, а при немъ, на тѣхъ же, какъ и оно, началахъ, рабочій домъ «для людей продерзостныхъ, поведеніемъ своимъ повреждающихъ добронравіе, наносящихъ стыдъ и зазоръ обществу». Цѣлью заведенія было «стараться исправлять помянутыхъ людей до того, чтобы они возвращались изъ заведенія полезными себѣ, своимъ семействамъ и обществу». Для достиженія же этой цѣли предписывалось устранять изъ заведенія «всякія злоупотребленія и соблазны, превращающіе доброе и полезное въ зловредное». Открылось заведеніе на 590 человекъ обоого пола; содержать въ немъ повелѣвалось людей всѣхъ сословій по приговорамъ: судебныхъ мѣстъ (*), обществъ, по распоряженіямъ полиціи, а такъ-

(*) Опреѣленный приговорами срокъ заключенія ни въ какомъ

же, по просьбамъ помѣщиковъ—крестьянъ, и родителей—дѣтей (*). Уставъ этого заведенія требуетъ, «чтобы между полами пресѣлось всякое сношеніе»; чтобы заключенные размѣщались по правамъ ихъ состоянія: привилегированные — совершенно въ отдѣльныхъ камерахъ отъ престопаго; убирать камеры, коридоры и проч. предписывается заставлятъ однихъ простолюдиновъ. Столовая чиновныхъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдіи должны быть тоже отдѣльныя отъ простолюдинскихъ столовыхъ. Пища полагается, по закону, тоже различная. Завтракъ чиновныхъ — черныи хлѣбъ съ стаганомъ сбитню, а не чиновныхъ — одинъ лишь хлѣбъ; хлѣба положено по 2¹/₂ фунта въ сутки на человекъ, безъ различія состоянія. Обѣдъ и ужинъ: чиновныхъ—щи или супъ съ разваренною говядиною, рыбою, каша, а питье—квасъ; въ большіе праздники — говядина, либо солонина кусками, а исправляющимся въ поведеніи, кромѣ того, вмѣсто ржаного— по полуфунту пшеничнаго хлѣба, и всѣмъ деревянныя вилки, ибо иное кушанье ѣсть безъ вилки «неопратно»; простолюдинамъ же—щи, или похлебу, въ которую кладется «нѣскольо» сала, либо снѣтковъ и постнаго ма-

случаѣ не сокращален, хотя бы заключенный и вполне того стоилъ.

(*) 1592 ст. Уложенія о наказаніяхъ, изд. 1866 года. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости—17 февраля 1861 г. прекратилось и право помѣщиковъ заключать крестьянъ въ смирительный и рабоче дома. Общества и родители платятъ за содержаніе заключенныхъ по 3 руб. въ мѣсяцъ, на основаніи 547 ст. Уст. о содерж. въ смир. и рабочихъ домахъ, т. XIV Св. Зак. Гр., изд. 1857 г.

сла, а пить—воду. Называть законъ приказываетъ: чиновныхъ—по имени и отчеству, а простолюдиновъ—однимъ лишь именемъ: тѣхъ и другихъ съ момента поступления въ заведеніе до самаго выхода изъ онаго уставъ одинаково лишаетъ фамилій. Одежда чиновныхъ: мужчинъ—темносѣрый скюртукъ, брюки, жилетъ, фуражка, коленкоровый черный галстукъ, рубашка, подштанники, носки, полусапоги, перчатки и носовой платокъ; женщинъ—темносѣрый капоть, фламскаго полотна юбка, полотняная косынка, миткалевый чепчикъ, чулки, башмаки, рубашка, носовой платокъ, перчатки и нанковый рабочій мѣшокъ. Простолюдиновъ: мужчинъ — куртка, шаровары, шапка, онучи, въ сухое время—лапти, въ мокрое—коты, рубаха и рукавицы; женщинъ—шугай, парусинныя юбки, холщевыя платки на голову, онучи, лапти, коты, глядя по времени, рубаха и рукавицы. Для спанья отдѣльная каждому кровать, а на нее соломенный тюфякъ толщиною: благородному — въ два, а не благородному — въ одинъ вершокъ; подушка: первому — волосяная въ 6 ф., а послѣднему—соломенная въ 2 вершка.

Все время заключенія всѣ, безъ изыятія, заключенные должны работать: благородные — переписывать молитвы, къ вѣрѣ, нравственности, учености и хозяйству относящіяся разсужденія, графить книги, бумаги, ноты, рисовать нравственные сюжеты, копировать карты, планы, клеить пакеты, корзинки, пряхъ лень, пеньку, шерсть, сучить бумагу, шелкъ, нитки, вязать чулки, фуфайки, вышивать шелкомъ, шить и чинить бѣлье, платье; простолюдины — печь хлѣбъ, варить квасъ (для благородныхъ), прислуживать всѣмъ за столомъ, молотъ на руч-

ныхъ жерновахъ и мельницахъ—рожь, крупу, тереть сандалъ, баккаутъ, дѣлать изъ смоленого каната маты, ковры, трепать пеньку, ленъ, шерсть, хлопчатую бумагу, дѣлать камышевыя и деревянныя корзинки, плести лапти, сѣтки, теплыя галоши, щипать корпию, пилить дрова, шлифовать мраморъ, гранить, растирать и готовить краски, портняжить, сапожничать, столярить, токарить, вить канаты, веревки, стирать бѣлье, полоть огороды и проч. и проч. Самыя занятія законъ устанавливалъ продолжать съ 5 часовъ утра до 9 час. вечера, исключая одного часа, положеннаго на отдыхъ послѣ обѣда, и времени, употребляемаго на молитвы и переключки утромъ и вечеромъ.

На приобрѣтеніе необходимыхъ, для работъ, инструментовъ, заведенію, назначено изъ суммъ общественнаго призрѣнія по 55 р. 20 к. въ годъ. Всѣ арестантскіе заработки, за выдѣленіемъ изъ нихъ извѣстной доли на инструменты, и въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, подлежатъ, по уставу, обращенію въ особый капиталъ, на выдачу пособій выпускаемымъ изъ заведенія людямъ. Размѣръ пособія на человѣка поставленъ въ зависимость отъ цифры общаго капитала и отъ «усмотрѣнія» попечителя. Свиданія арестованныхъ только съ самыми близкими родственниками допущены на одинъ часъ, въ праздники, разъ въ мѣсяцъ, съвозъ рѣшетку, въ присутствіи надзирателей и надзирательницъ, которые неуклонно должны наблюдать, чтобы арестованнымъ положительно ничего не передавали. Начальствующимъ заведенія законъ воспрещаетъ употреблять арестованныхъ на свои надобности; а заключеннымъ—курить табакъ, раска-

зывать другъ другу: кто за что сидитъ, божиться, проклинать, рѣзвиться. Наказанія арестантовъ за совершенныя въ заведеніи проступки: выговоръ, уменьшеніе продовольствія до полпорціи, запрещеніе съ кѣмъ либо говорить; чиновные, ограничивались, такъ сказать, въ своихъ правахъ, т. е. могли быть называемы однимъ именемъ какъ простолюдины; далѣе, наказаніемъ положены: арестъ на хлѣбъ и воду въ карцерѣ съ небольшимъ свѣтомъ и безъ свѣта до 3-хъ сутокъ, и наконецъ «соразмѣрное наказаніе розгами».

Нравственное исправленіе арестантовъ законъ возложилъ на смотрителя, его помощника, помощницу, надзирателей и надзирательницъ и въ особенности на священника, который наставляетъ, увѣщаетъ и дважды въ недѣлю обходитъ всѣхъ арестованныхъ, а выпускаемыхъ напутствуетъ. Наконецъ, для физическаго пользованія, заболѣвающихъ арестантовъ, въ заведеніи создавалась больница на 25 человекъ; но срокъ нахождения въ оной исключался изъ времени, опредѣленнаго на пребываніе въ заведеніи.

II.

Открылось заведеніе въ февралѣ 1839 г., а въ іюлѣ того года въ заведеніи ужъ содержалось 58 чел.; изъ нихъ: для исправленія поведенія 3 муж.; за бродяжничество: муж.—3, жен.—5; за неплатежъ податей 40 муж.; за кражу—7 муж. Затѣмъ 1 января 1840 г. считалось 57 чел., въ томъ числѣ: за дурное поведеніе 1 жен.; за неплатежъ податей — 53 муж.; за кражу—3 муж., а въ декабрѣ 1840 г. 31 муж. и 12 жен. — 43 человекъ.

Какъ ни мало было въ заведеніи заключенныхъ, тѣмъ не менѣе на устройство и содержаніе онаго въ 1840 году изъ казны было отпущено 60,389 руб. 99 коп., да внесено помѣщиками за исправленіе ихъ крѣпостныхъ людей — 1,520 р. 8 к., всего 61,910 р. 7 к. Изъ сихъ денегъ израсходовано — 32,535 р. 10 к., причемъ въ счетъ этой суммы куплено инструментовъ на 402 р. 62к.

Занимались арестанты въ 1839 и 1840 г. шитьемъ бѣлья, платья, сапоговъ, бапмаковъ, клееніемъ конвертовъ и щипаньемъ пеньки. Арестанты заработали: въ первый годъ, — 58 чел. — 121 р. 71 к., а въ послѣдній — 43 чел. — 1,424 р. 21 к. Далѣе: въ 1841 и 1842 г. численность арестованныхъ хотя и поднималась, но она не превышала 70 чел. Стоило заведеніе въ 1842 г. только ужъ 21,600 р. 57 к., т. е. меньше 1840 г. на 10,934 р. 53 к., тогда какъ занятія арестантовъ заведенія до того представлялись выгодными, что заведеніе получило въ этотъ годъ чистаго дохода 13,749 р. 54 к.; одной, на-примѣръ, пеньки заключенные нащипали на 1,848 руб. 28 коп.

Такая осязательная матеріальная выгода, принесенная заведеніемъ въ столь короткій періодъ своего существованія, послужила правительству основаніемъ къ прибавленію, въ 1843 г., отдѣленія для исправленія малолѣтнихъ заключенныхъ. Принимать моложе 10 лѣтъ возбранялось; сажать же cadaго дозволялось до наступленія 21 года отъ роду; если же лицо, бывшее въ заведеніи въ малолѣтствѣ, попадало туда, вновь по достиженіи совершеннолѣтія, то оно считалось впервые тамъ очутившимся. Срокъ содержанія ихъ въ заведеніи установ-

лялся: большій — 2 года, меньшій — мѣсяць; помѣщать малолѣтнихъ приказывалось отдѣльно отъ взрослыхъ, а занимать ихъ тѣми же работами, какими занимаются взрослые, глядя, впрочемъ, по ихъ силамъ и способностямъ; учить закону Божію и грамотѣ столько времени, «сколько то удобность позволить». При заведеніи устроена библіотека «изъ небольшого собранія книгъ, соответствующихъ цѣли заведенія, религіозно нравственнаго содержания».

III.

Исправительное заведеніе, показавъ себя въ первые 3 года своего существованія въ отличномъ видѣ,—потомъ пошло иначе. Отчеты постепенно становились все неопредѣленнѣе, темнѣе: вмѣсто первоначальныхъ отдѣльныхъ по каждому предмету статей прихода и расхода, въ нихъ стали выводить огуломъ, все смѣшивали въ общіе итоги; остатки дѣлались все меньше; работы на самомъ дѣлѣ развивались, а по бумагамъ, суммы постепенно все суживались и т. п. Такъ, содержалось въ заведеніи: 1-го января 1845 г. для исправленія поведения: чиновныхъ 3 мужч. и 3 женщ.; простолюдиновъ 59 мужч., 17 женщ.; за бродяжничество: 7 мужч., 3 женщ.; за неплатежъ: податей—177 мужч., штрафовъ—6 муж., 1 ж.; за кражу: 8 мужч., 2 женщ.; малолѣтнихъ благородныхъ 1 мужч.; простолюдиновъ 35 мужч., 1 женщ.; всѣхъ 322 человекъ. 1-го января 1850 г. за дурное поведение: чиновныхъ 1 мужч., 1 женщ.; простолюдиновъ: 22 мужч., 16 женщ.; за бродяжничество: 8 мужч. 1 женщ.; за не-

платежъ: податей — 71 мужч., штрафовъ — 23 мужч., 5 женщ.; за ворчество: 1 мужч., 1 женщ.; за кражи: 15 мужч., 4 женщ.; малолѣтнихъ: чиновныхъ: 3 мужч.; простолюдиновъ: 29 мужч., 1 женщ.; всѣхъ 202 человѣка.

1-го января 1855 г. исправительныхъ: простолюдиновъ: 23 мужч., 13 женщ.; малолѣтнихъ: 17 мужч., 7 женщ.; за бродяжничество: 10 мужч., 4 женщ.; за неплатежъ: податей — 2 мужч., штрафовъ — 4 мужч., 2 женщ.; за ворчество: 1 мужч.; за кражи: 20 мужч., 2 женщ.; всего 151 человѣкъ.

1-го января 1860 г. за дурное поведеніе: чиновныхъ: 1 мужч., 1 женщ.; простолюдиновъ: 30 мужч., 29 женщ.; за бродяжничество, простолюдиновъ же: 9 мужч., 3 женщ.; за неплатежъ: податей—11 мужч., штрафовъ—7 мужч. 6 женщ.; за кражи: 15 мужч., 3 женщ.; малолѣтнихъ, однихъ простолюдиновъ: 39 мужч., 7 женщ.; всѣхъ 161 человѣкъ.

1-го января 1865 г. исправительныхъ: чиновныхъ 2 мужч.; простолюдиновъ 17 мужч.; за бродяжничество: 1 женщ.; за неплатежъ: податей — 66 мужч.; штрафовъ — 16 мужч., 4 женщ.; за кражи: 80 мужч., 19 женщ.; малолѣтнихъ: благородныхъ: 2 мужч.; простолюдиновъ: 50 мужч., 2 женщ.; всѣхъ 254 человѣка. Среднимъ же числомъ въ теченіе года въ день 277 человѣкъ; изъ нихъ къ этому году было больныхъ 1,001 человѣкъ; выздоровѣло 916; умерло 65, т. е. изъ 15 человѣкъ умиралъ 1 (*).

(*). Въ предшествовавшихъ годахъ о послѣднихъ цифрахъ въ разобранныхъ нами дѣлахъ свѣдѣній не нашлось.

1-го марта 1869 г. мужчинъ: чиновныхъ: взрослыхъ—6, малолѣтнихъ—2; простолюдиновъ: взрослыхъ—321, малолѣтнихъ—98; женщинъ: благородныхъ взрослыхъ—1, простолюдиновъ: взрослыхъ—59; несовершеннолѣтнихъ—14; итого 501 человекъ. Изъ этого числа посажено: родителями: мужчинъ 26, женщинъ — 10, обществами за неплатежъ податей—65 мужч., а остальные по судебнымъ рѣшеніямъ; малолѣтній впредь до присканія мѣста 1. Здѣсь же встаетъ включимъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отчета за 1869 г., каковыхъ въ прежнихъ отчетахъ также нѣтъ. Заболѣло въ теченіе этого года 719, выздоровѣло 679, а умерло 48; выпущено изъ заведенія: мужчинъ: совершеннолѣтнихъ — 311, малолѣтнихъ — 359; женщинъ: совершеннолѣтнихъ — 31; всѣхъ 801 челов.

1-го января 1870 г. Исправительныхъ: чиновныхъ 3 мужч.; простолюдиновъ, посаженныхъ обществами, родителями и т. п. мужч. — 47; женщ. — 33; рабочаго отдѣленія: за бродяжничество: 2 мужч.; за неплатежъ штрафа 1 мужч.; за кражи 107 мужч., 18 женщ.; малолѣтнихъ: чиновныхъ 5 мужч.; простолюдиновъ 94 мужч., 9 женщ.; итого 253 мужч., 62 женщ., а всего 315 человекъ.

1-го января 1871 г. Исправительныхъ 2 мужч.; простолюдиновъ—42 мужч., 5 женщ.; рабочаго отдѣленія за неплатежъ штрафовъ и на срѣки для заработка податей — 10 мужч.; за кражи: 126 мужч. и 23 женщ.; малолѣтнихъ: 3 мужч.; простолюдиновъ — 69 мужч., 2 женщ.; итого 252 мужч., 30 женщ., а всего 282 чел.

Стоило заведеніе: въ 1845 г. 27,217 р. 23 к., въ

1850 г.—28,829 р. 89 к., въ 1855 г.—28,764 р. 83¹/₂ к., въ 1860 г.—49,633 р. 52 к., въ 1865 г.—79,086 р. 16 к., въ 1869 г.—44,960 р. 41¹/₂ к. (*).

Заработано арестантами: въ 1845 г.—2,415 р. 7 к., въ 1850 г.—2,568 р. 81 к., въ 1855 г.—1,223 р. 47 к., въ 1860 г.—1,981 р. 10 к., въ 1865 г.—3,485 р. 12 к., 1869 г.—2,424 р. въ 39 к. (**).

Изъ заработной суммы выдано въ пособіе выпущеннымъ изъ заведенія: въ 1845 г. — 183 р. 40 к., въ 1850 г. — 76 р. 85 к., въ 1855 г. — 19 р. 55 к., въ 1860 г.—84 р. 60 к., въ 1865 г.—200 р., въ 1869 г.—изъ 801 чел.—210 чел.—889 р. 40 к. Размѣръ пособія на человѣка начинался съ 1845 по 1865 г. включительно 10 к., и съ такими же грошевыми надбавками возвышался до 2 р. Впрочемъ, съ 1862 г. по 1868 г. нѣкоторые получали и по 15, 20, 25 и даже по 30 р., но это были люди, замѣчательно, все съ нѣмецкими фамиліями, которымъ начальство, тоже нѣмцы, особенно покровительствовали, примѣняя въ этомъ случаѣ вѣроятно пословицу: «свой своему по неволѣ другъ». Въ 1869 году получали отъ 1 до 30 р. безъ различія вѣроисповѣданія; средняя же цифра опредѣлялась въ 4 р. 23¹/₂ к. на человѣка.

(*) Кромѣ больницы для умалишенныхъ, входящей въ составъ заведенія.

(**) Сколько именно человѣкъ работало круглые означенные годы—неизвѣстно, поэтому, для наглядной оцѣнки: сколько человѣкъ по скольку заработали въ годъ, повторимъ, что 1-го января содержалось: 1845—322; 1850—202; 1855—151; 1860—161; 1865—254; 1869 — 501 чел. Изъ заработковъ отчислялись нѣкоторыя мелочи, которыя не вошли въ выставленные нами цифры.

Прежде вмѣсто денегъ давали, впрочемъ, въ пособіе кому—брюки, кому—шапку, сюртукъ, оставшіеся послѣ умершихъ арестантовъ, — но деньги рѣдкимъ. Относительно денежныхъ оборотовъ 1870 г. намъ приходится замѣтить, что по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, отъ насъ ни чуть не зависѣвшимъ, мы не могли получить цифровыхъ данныхъ.

IV.

Возвращаясь къ минувшимъ временамъ, замѣтимъ, что какого рода занятія производились, какъ содержались и исправлялись заключенные—официально никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Но частныя преданія, рассказы старожиловъ заведенія и людей, болѣе или менѣе коротко знавшихъ бытъ онаго—однообразно гласятъ, что работали арестанты безъ усталы и отдыха; пища была отвратительная, а вразумленіе — розги, въ изобиліи. Озлобленные арестанты мстили за это тоже безошадно: до смерти убивали, калѣчили своихъ мучителей какъ и чѣмъ попало, при всякомъ удобномъ случаѣ, а таковыя выпадали не рѣдко. Начальство безъ конвоя не заглядывало къ арестантамъ изъ самосохраненія; по этому негодованіе заключенныхъ обрушивалось всего чаще на несчастныхъ ихъ караульщиковъ...

За то, напр., что благородныхъ заключенныхъ лучше кормили и работать заставляли легчайшую и меньшую работу, нежели простолюдиновъ, между ними существовалъ жестокой антагонизмъ, который выражался, между прочимъ, въ дракахъ, побоищахъ. Сближеніе половъ вос-

прещалось; тѣмъ не менѣе, случаи беременности арестантовъ были очень не рѣдки. При этомъ, обыкновенно, забеременѣвшую женщину сѣкли до тѣхъ поръ, пока она не указывала на своего сообщника, а затѣмъ наказывали и мужчину, если онъ былъ изъ арестантовъ. Употреблять арестантовъ на свои надобности строго воспрещалось закономъ; но это ничуть, однако, не мѣшало начальству заставлятъ ихъ даромъ отдѣлывать себѣ квартиры, изукрашивать оныя вычурною, изящною мебелью, наряжать ихъ убирать нечистоты, таскать дрова и проч. въ квартиры всѣхъ служившихъ въ заведеніи. Этому роду занятій арестанты всегда, впрочемъ, очень рады были: жены, кухарки служащихъ изъ состраданія постоянно кормили приходившихъ имъ прислуживать заключенныхъ. Законъ разрѣшалъ арестантовъ хорошаго поведенія отдѣлять отъ прочихъ, улучшать ихъ пищу, одежду. Но это разрѣшеніе оставалось мертвою буквою. Оттого арестанты старались вести себя только осторожно, чтобъ не подпадать подъ поронцы, а начальство хлопотало лишь о томъ, чтобъ по больше нажиться на счетъ арестантскаго труда. Вотъ нѣсколько характерныхъ, правдивыхъ случаевъ изъ прежней жизни тюрьмы.

Однажды, арестанты, доведенные до отчаянія сквернымъ продовольствіемъ, взяли чашку съ бурдою, въ которой плавали черви, попросили караульнаго офицера запечатать эту чашку и вызвать, для принесенія жалобы, попечителя. Попечитель, выслушавъ претензію, отвѣтилъ имъ: «хотя-бы васъ г—номъ кормили, вы и то должны ѣсть, а если не хотите — молчать! на то вы арестанты!» — и тутъ же пересѣкъ челоуѣкъ 50.

Человѣка, покусившагося бѣжать изъ заведенія, продерживали, послѣ наказанія розгами, полтора года въ темномъ карцерѣ безвыходно, чуть не на пищѣ св. Антонія; иныхъ «выдранныхъ» сажали зимою въ холодныя карцеры, совершенно голыхъ на трое-пятеро сутокъ; сажать же на хлѣбъ и на воду на 7—10 сутокъ было явленіемъ самымъ обыденнымъ.

Поступилъ въ число вліятельнаго начальства заведенія честный человѣкъ, стараніями котораго арестантская пища улучшилась было, а работы стали сноснѣй. За это начальника арестанты—полюбили, а начальство—возненавидѣло. Арестанты, узнавъ это и желая заступиться за своего благодѣтеля,—стакнулись не здороваться съ высшимъ начальствомъ и точно это выполнили на свою же бѣду: это дошло тотчасъ же куда слѣдовало, съ присовокупленіемъ, что реформаторъ бунтуетъ арестантовъ. и вскорѣ же зачинщики были передраны, а хороший человѣкъ—уволень отъ должности, которую заняло другое лицо вполне подходившее подъ общую статью... Короче говоря заведеніе съ тѣхъ поръ приняло прежній, отвратительный видъ...

Вслѣдствіе введенныхъ, въ послѣдніе годы, различныхъ, на Руси, реформъ—лучъ свѣта озарилъ и это, до толь темное, мрачное царство: начальство все перемѣнилось, а новое стало раскрывать старыя погрѣшности, которыхъ набралось пропасть... Напр. по книгамъ выписывалось ежедневно 1 пудъ 30 ф. говядины, а варилось только 30 ф., одѣты были арестанты въ отрепья, тогда какъ книги свидѣтельствовали, что въ 1868 напр. году сшиты новыя куртки, бѣлье, сапоги, но ничего въ наличности

не имѣлось; башмаки, значившіяся шитыми арестантами и стоившими по 80 к. за пару, въ дѣйствительности были куплены готовыми въ рынокѣ по 30 к. за пару и т. п. Словомъ глазамъ новаго начальства представилась картина долгаго, систематическаго казнокрадства. Право столь рѣзко выразиться даютъ намъ оффиціальныя документы: въ печатныхъ отчетахъ совѣта общественнаго призрѣнія относительно исправительнаго заведенія, между прочимъ, говорится: въ 1869 г.—«къ сожалѣнію въ хозяйствѣ заведенія и въ завѣдываніи арестантскими работами усмотрѣны весьма значительныя беспорядки, такъ что для полнаго ихъ раскрытія учреждена особая коммисія, отчетъ которой будетъ подвергнутъ надлежащему разсмотрѣнію совѣта, для опредѣленія мѣры отвѣтственности виновныхъ», а въ 1870 г.—«что виновность прежняго начальства на столько обнаружилась, что оно предано формальному слѣдствію гражданской судебной власти.»

V.

Познакомясь съ прежнимъ состояніемъ заведенія, перейдемъ къ нынѣшнему его положенію. Воздухъ въ камерахъ чистый, и нигдѣ нѣтъ неприятнаго, исключительно тюрьмамъ присущаго, тяжелаго запаха; самыя камеры свѣтлы, опрятны. Арестантская одежда, обувь, постельное и тѣльное бѣлье, сравнительно съ тѣмъ, какое употреблялось въ минувшемъ времени—болѣе чѣмъ порядочныя, чистыя. Люди на взглядъ довольно свѣжи,

бодры, говорятъ развязно, начальства не страшатся; равнымъ образомъ и послѣднее ужь не боится пер-
выхъ, какъ это было нрежде. Пища питательная, вкус-
ная: въ котель кладутъ говядины 1 пудъ 30 фун., что
составляетъ по $\frac{1}{4}$ фунт. на человѣка; сало, положенное
закономъ, совершенно изгнанно изъ употребленія; въ
праздники варится, кромѣ того, еще каша съ коровьимъ
масломъ; хлѣбъ арестованнымъ дается хорошо испеченный
и сколько кто хочетъ, столько и ѣсть въ столовой; а
питье для всѣхъ безъ различія—квась, который законъ
предоставляетъ только благороднымъ.

При раздачѣ пищи смотритель всегда присутствуетъ
лично; принимаетъ продукты отъ поставщиковъ и безот-
лучно находится при приготовленіи пищи староста, из-
бранный самими же арестантами изъ ихъ среды (*). Такъ,
что продовольствіе арестантовъ разными благородныхъ
отъ простолюдиновъ кушаньями, сохранилось только въ
законѣ; въ дѣйствительности же это правило такъ ска-
зать похерено.

Встаютъ арестанты въ 5 ч. утра, въ 6 ч. завтракаютъ,
въ 11 ч. обѣдаютъ, въ 4 ч. пьютъ чай (только ремеслен-
ники), въ 8 ч. ужинаютъ, а въ 9 ложатся спать. Предъ
обѣдомъ и ужиномъ всѣ поютъ молитвы стоя, и затѣмъ

(*) При насъ эту должность занималъ пожилой ужь, очень
толковый крестьянинъ ямбургскаго уѣзда, который попалъ въ
заведеніе за растрату общественныхъ денегъ во время своей
бытности сельскимъ старшиною. Растрата произошла, по его сло-
вамъ, по милости сельскаго писаря, который употребилъ во зло
его довѣріе и малограмотность.

салятся и ѣдятъ, а одинъ изъ заключенныхъ по очереди читаетъ, на углу каждаго стола, какой либо текстъ изъ священнаго писанія; ѣдятъ же чтецы послѣ всѣхъ, отдѣльно. Столовыя взрослыхъ, малолѣтнихъ и женщинъ также отдѣльныя. Чаю дается до 3-хъ кружекъ, съ сахаромъ въ прикуску, на человѣка.

Мастерскія для обоихъ половъ и малолѣтнихъ тоже особыя. Занимаются взрослые арестанты: мужчины—портняжнымъ, сапожнымъ, переплетнымъ и столярнымъ ремеслами; а благородные почти всѣ перепискою бумагъ въ конторѣ заведенія; незнающіе же никакого мастерства—расщипливали въ 1870 г. тонкіе канаты въ пеньку.

Въ сапожной мы разъ натѣнулись на дряхлаго, очень пожилаго мужчину, который выглядѣлъ чрезвычайно жалкимъ, забитымъ. Между прочимъ мы спросили его: за что онъ попалъ въ заведеніе.

— За пустяки, сударь, ей богу за пустяки, отвѣтилъ онъ, умоляющимъ голосомъ.

— Сомнѣваюсь: сюда заключаютъ только за серьезныя погрѣшности, а не за пустяки. Вашъ отвѣтъ не понятенъ что-то.

— Да я, видите ли, былъ прирѣзникомъ въ городской богадѣльнѣ. Тамъ, на досугѣ, всѣ, извѣстно, судачили про начальство, ну и я тоже, потому плохо насъ содержали. Это кто-то передалъ смотрителю, онъ меня потянулъ къ допросу, сталъ упрекать, что ты молъ неблагодарная скотина, недоволенъ тѣмъ, что тебя тутъ кормятъ, поятъ, держатъ въ теплѣ, когда на волѣ ты бы околѣлъ съ голоду, а ты еще кляузы разводишь: то тебѣ щи скверны, то топятъ не по тебѣ и все въ эдакомъ, знае-

те, родѣ, да еще при постороннихъ. Слушалъ я, слушалъ его да и не выдержалъ характера, просто съ языка нечаянно, вѣрьте совѣсти, сорвались слова: «вы моль, кормите насъ не на свой счетъ, а на казенныя деньги, и потому не вамъ меня. а я васъ могу упрекнуть, что вы утаиваете много казеннаго добра въ свой карманъ,» ну и еще нѣсколько ужъ очень, признаться, не хорошихъ молвилъ ему словъ; онъ освирѣпѣлъ, пожаловался выше, накатали бумагу, да сюда и направили меня, грѣшнаго, яко бы то есть за бунтъ, на 3 мѣсяца, въ работный домъ. Вотъ я тутъ промежъ разныхъ воровъ и мошенниковъ и маюсь... Ну, не за пустяки ли это, скажите на милость; когда то, что онъ обиралъ насъ, сушая правда? Оно конечно, правду никто не любитъ,—и мнѣ бы молчать, такъ нѣтъ же—50 лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, а ума не нажилъ, ну и страдаю за свой дурашный языкъ. Вѣрна, значить, пословица «вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дуракомъ умрешь»...

— Онъ-то, ваше благородіе, хоть за грубіанство здѣсь, все таки, стало быть виновать, обратился къ намъ, въ другомъ углу, человекъ лѣтъ 45 на видъ, указывая пальцемъ на бывшаго призрѣнника, а вотъ я такъ за что бы вы думали? За бѣдность за свою, да-съ за проклятую бѣдность: человекъ я незнающій никакого ремесла, потому все лакеемъ служилъ при крѣпостномъ правѣ, у своихъ господъ, а потомъ вдругъ баць—ступай хоть къ черту. Ну и пошелъ, такъ нѣтъ же и этого, видишь мало, а припишись, да плати еще подати, это послѣ 25-лѣтней-то службы!.. Полиція тѣмъ временемъ прижимаетъ, дѣлать нечего приписался къ Царскому, годъ-другой платилъ окаянныя эти подати, пока мѣсто имѣлъ, а послѣ

такая мнѣ, сударь, гадкая вышла линія, что хоть тресни не сыскать нигдѣ мѣста, да и баста. Бился, я бился, какъ рыба объ ледь, да и пересталь платить, потому разъ — не изъ чего: что заработаешь, то и на ѣду не хватаетъ, а другое — и платить-то не за что: я не на-прашивался на эту волю, да и не даромъ же я, въ самомъ дѣлѣ, такъ долго служилъ господамъ вѣрой, правдой, такъ пусть же они мнѣ за всѣ 25 лѣтъ заплатятъ, а тогда и я расквитаюсь съ обществомъ. Такъ я и говориль обществу, но оно по дурости своей одначе невразумилось, ахватило меня сюда отработать подати за 2 года. Да врутъ, не отработаю, потому только учусь портняжеству, а и выучусь, такъ гроши отработаю. А коли имъ хочется вымуштровать меня—тутъ, такъ тоже опибутся: выйду, сворѣй голову кому нибудь снесу, нежели стану имъ кланяться!... Вотъ что я вамъ, откровенно доложу-сь...

Въ концѣ 1870 года портные (28 челов.) и сапожники (30 челов.) шили одежду и обувь на заключенныхъ и для солдатъ, по заказу военного интендантства. Кромѣ того, сапожники дѣлали мужскую и женскую обувь всякому, кто закажетъ въ конторѣ. Мы видѣли тѣхъ и другихъ по парѣ и должны заявить, что работа во всѣхъ отношеніяхъ хорошая.

Переплетчиками (ихъ было въ то же время 29 человѣкъ) располагаетъ А. И. Лишке, у котораго въ заведеніи находятся два своихъ вольныхъ мастера-учителя и всевозможныя приспособленія и инструменты, къ его занятію относящіяся, и кромѣ собственно переплетной, фабрикуются разные картоны, картонажи, выдѣлываются такъ называемыя необходимыя

салфетки; послѣднимъ занимаются исключительно малолѣтки. За наемъ арестантовъ г. Лишке платитъ заведенію по 20 коп. въ день за каждаго. Независимо сего онъ еженеѣльно, по субботамъ, раздастъ, съ разрѣшенія начальства, награду усердно работающимъ: взрослымъ—отъ 5 до 20 коп., а малолѣтнимъ—отъ 5 же до 15 в. Г. Лишке, по рассказамъ заключенныхъ, хотя и скупенъко вознаграждаетъ ихъ трудъ, за то хорошо выучивающихся (посредственно выучиваются обыкновенно въ теченіе 6 мѣсяцевъ) и ведущихъ себя безупречно, беретъ, по ихъ освобожденіи, къ себѣ, съ сноснымъ жалованьемъ; одинъ изъ такихъ впоследствии даже самостоятельно управлялъ его магазиномъ и получалъ жалованья по 60 руб. въ мѣсяць.

Столяръ было 12 человекъ. Въ столярной комнатѣ особенное наше вниманіе обратилъ на себя большой платяной шкафъ, прекрасно сдѣланный подъ дубъ, цѣною въ 50 р. Въ столярахъ, встати замѣтимъ, находился Грачевъ, привезшій съ Максимомъ Ивановымъ въ воксаль Николаевской желѣзной дороги, въ чемоданѣ, трупъ Зона. Онъ пожелалъ сдѣлаться столяромъ и въ теченіе мѣсяца научился ловко выстругивать доски и сколачивать простыя вещицы.

Пеньку щипали 28 человекъ мужчинъ, незнающихъ никакого спеціальнаго ремесла; на эту же работу сажали въ наказаніе и мастеровыхъ. Процессъ этого занятія ужасный: смоленые, негодные въ дѣло толстые и тонкіе канаты ружрубиваются на части, размачиваются, сушатся, раскачиваются желѣзками, разщипываются пальцами при помощи гвоздя, складываются волосокъ къ

волоску, выравниваются, разминаются и растираются вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока въ результатѣ получится мягкая пенька. За выдѣлку пуда пеньки, изъ доставляемыхъ заказчиками канатовъ, они платили заведенію 30 к.; выдѣлать же пудъ одинъ человѣкъ, при всемъ его стараніи, не въ силахъ меньше, чѣмъ въ 4 и даже,—если канатъ сильно просмоленъ,—въ 6 сутокъ. Въ комнатѣ, гдѣ щипали пеньку, всегда стояла пыль столбомъ, пыль вонючая, смолистая, которая летитъ безпрепятственно въ глаза, въ носъ, въ ротъ, садится, наконецъ, на легкія. Печатаемая первоначально статьи мы, между прочимъ, высказывали сильное желаніе объ изгнаніи этого занятія изъ заведенія и теперь съ удовольствіемъ заявляемъ, что нашъ голосъ не остался вопіющимъ въ пустынѣ: щипанье пеньки окончательно нынѣ, какъ мы узнали, отмѣнено.

Женщины занимаются (малолѣтнихъ ибѣтъ) шитьемъ, починкою и стиркою арестантскаго бѣлья, а равно работою первыхъ двухъ родовъ на заказъ. Спросъ на ихъ трудъ бываетъ преимущественно изъ военного интендантства, отъ рыночныхъ торговцевъ и отъ служащихъ въ заведеніи; послѣдніе платятъ за работу ту цѣну, какая опредѣляется конторою заведенія, по таксѣ. Молодыя заключенницы гораздо охотнѣе стираютъ, гладятъ, нежели шьютъ бѣлье: въ движеніи полируется кровь.

Въ одно изъ нашихъ посѣщеній заведенія туда доставили другую участницу въ дѣлѣ объ убійствѣ Зона:—Дарью Турбину. Она умѣетъ читать и шить. Трагическая кончина Зона до того, говорила она намъ, мучила ее, что она часто видѣла его не только во снѣ, но и днемъ, какъ бы на яву.

VI.

Малолѣтнихъ мальчиковъ во время нашихъ посѣщеній заведенія было 68 ч. Ихъ учатъ закону Божію и грамотѣ ежедневно 6 часовъ. Преподаютъ два учителя: священникъ и дьяконъ заведенія. Кромѣ часа, положеннаго на отдыхъ послѣ обѣда всѣмъ заключеннымъ, мальчики еще часъ гуляютъ по саду, упражняясь въ гимнастикѣ.

Когда мы обходили камеры малолѣтнихъ, нѣкоторые изъ нихъ, полагая, что мы официальное лицо, усердно просили насъ помочь о скорѣйшемъ рѣшеніи ихъ дѣлъ: обвиняясь въ разныхъ преступленіяхъ, они, за неимѣніемъ въ тюремномъ замкѣ мѣста для дѣтей, сидѣли по году и больше въ заведеніи на совершенно одинаковомъ съ осужденными положеніи. Иные мальчики въ высшей степени несчастливые, достойны были самаго горячаго участія, самаго скорѣйшаго облегченія ихъ участи.

Такъ, напр., Александръ Ивановъ, въ восьмой уже разъ сидѣлъ въ заведеніи отъ нищеты: будучи грамотнымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ найти себѣ на волѣ мѣста, отчего кралъ на другой, третій же день послѣ его освобожденія изъ заключенія, предпочтительно съѣстные припасы, для утоленія голода; хотя въ Петербургѣ и жила его мать, но въ одномъ изъ пресловутыхъ малинниковъ и отъ сына отреклась.

Александръ Кацковъ незаконноприжитый сынъ беспечнаго чиновника (мать его умерла давно ужъ) находился въ обученіи у одного сапожника Филипсваго, который приковывалъ его на цѣпь; за это его отобрали

отъ Филипскаго, и такъ какъ дѣться ему было некуда, то его и отдали въ исправительное заведеніе, впредь до отысканія мастера, который взялъ бы его къ себѣ. Его прежній хозяинъ за жестокое обращеніе съ нимъ высидѣлъ 1 мѣсяць въ полиціи, а самъ онъ въ заведеніи 4 года на общеарестантскомъ положеніи за то, что его истязали!.. (*).

Четыре мальчишка католики за то, что живя, во время бывшаго польскаго мятежа, въ Вильнѣ, обливали по наущенію, разумѣется, взрослыхъ дамскіе наряды кислотою, заключены въ заведеніе на 8-10 лѣтъ. Если многимъ, лично участвовавшимъ въ самомъ мятежѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, давно ужъ смягчено наложенное на нихъ наказаніе, либо вовсе прощено это преступленіе, то мальчишки тѣмъ болѣе достойны, кажется, прощенія, что въ нихъ нельзя, понятно, предполагать неисправимой злой воли. Мальчишки эти, по отзыву начальства заведенія, весьма способные и хорошаго поведенія. Наконецъ, тюремная атмосфера столь сильно отражается на людскомъ здоровьи, что врядъ ли они и доживутъ до срока опредѣленной имъ кары, за то, что они по всей вѣроятности сами не вѣдали, что творили.

Среди малолѣтнихъ много бываетъ являющихся по

(*) Послѣ долгихъ хлопотъ нашихъ Кацкова, благодаря содѣйствію Мироваго Судьи 10 участка Н. Н. Жуковскаго, выпустили изъ заведенія, при чемъ онъ поступилъ было по просьбѣ г. Жуковскаго въ трактиръ въ услуженіе, но потомъ его вскорѣ же прогнали оттуда за какія-то каверзы. Проще говоря заточеніе вѣдоль искалечило его нравственно и гдѣ онъ теперь — не знаемъ.

многу разъ, подъ разными фамиліями, воришекъ по нуждѣ и по призванію, а равно и сажаемыхъ родителями для исправленія ихъ поведенія, на основаніи 1592 ст. улож. о наказаніяхъ, изд. 1866 г. Послѣдняго сорта мальчики живутъ вмѣстѣ съ прочими, наставниками всѣхъ ихъ одни и тѣ же простые, часто не грамотные отставные солдаты, взрослые на блаженныхъ зуботчинахъ и не владѣющіе положительно никакими понятіями о воспитаніи даже собственныхъ, не только чужихъ дѣтей... Тѣмъ не менѣе имъ-то, этимъ своеобразнымъ губернерамъ ввѣряется вся будущность мальчиковъ, большинство которыхъ также по нѣскольکو разъ возвращаются подъ ихъ руководящее начало.

Въ заведеніи учатъ, правда, мальчиковъ, грамотѣ, но система обученія скопомъ, плохими, и потому дешевенькими учителями, тяжелая не по дѣтскимъ силамъ работа, грубая обмундировка, всякое дѣйствіе по командѣ, да скверное сообщество, все это въ совокупности не исправляетъ, а, какъ само начальство сознается, вдостоль развращаетъ ихъ, при чемъ тлѣвшее въ ихъ груди до поступленія, въ заведеніе хоть крошечное расположеніе къ родителямъ, вслѣдствіе естественнаго озлобленія и страданія, постепенно улетучивается и они потомъ окончательно отбиваются отъ рукъ родителей, которые съ дерзостью рошутъ за это на заведеніе, наивно рассчитывая, что оно разсадникъ добродѣтелей; тогда какъ разузнать напередъ чего имъ дастъ заведеніе, неимовѣрно просто. Оттого и сѣтованія и отговорки родителей только обличаютъ собственную ихъ безнравственность по отношенію къ своимъ дѣтямъ.

Изъ числа дѣтей, находившихся въ заведеніи, во время нашихъ посѣщеній онаго, особенно заинтересовали насъ 5 человекъ; троимъ изъ нихъ отъ 20 до 30 лѣтъ; всѣхъ ихъ засадили туда родители: 2 купеческихъ сына—отцомъ, третій, отставной капитанъ-лейтенантъ, человекъ образованный, совершавшій кругосвѣтное плаваніе—матерью, а изъ послѣднихъ: гимназистъ, 18 лѣтъ на два года, по особому распоряженію—за нанесеніе директору гимназіи удара по лицу, за то, что тотъ поставилъ ему меньшій балъ, нежели, по мнѣнію гимназиста слѣдовало, и сынъ генераль-лейтенанта—по желанію отца.

Заговоривъ о дѣтяхъ, сажаемыхъ въ тюрьму по требованію родителей, нельзя не коснуться 1592 ст. Улож. о наказ., устанавливающей такое право. Статья эта впервые появилась въ уложеніи, утвержденномъ 15 августа 1845 г., засимъ она дѣликомъ перешла: въ 2164 ст. XIV св. зак. изд. 1857 г.; въ Уложеніе 1866 г. и даже повторена въ 1 п. 165 ст. 1 ч. X т. И не смотря на то, что въ протекшіе 22 года различныя реформы радикально измѣнили весь бытъ Россіи и законы многократно пересматривались, улучшались;—статья эта доселѣ осталась въ первобытномъ видѣ!

Тюрьма, и особенно русская тюрьма, въ настоящемъ ея положеніи служитъ плохимъ орудіемъ исправленія. Дѣти, посаженные туда родителями, не исправляются, а только повторяемъ, озлобляются противъ нихъ. Употребленіе этой мѣры противъ дѣтей еще понятно со стороны родителей изъ простонародья. Но удивительно, что къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ и люди образованные, дѣти которыхъ въ заведеніи всегда составляютъ достаточный процентъ. Мы

видѣли на примѣръ, въ заведеніи, между прочими, сыновей: лѣсничаго полковника, домовладѣлицы-чиновницы, которые, будучи по 15-ти лѣтъ отъ роду, оба едва умѣли читать сносно; сына дьякона, располагающаго, какъ говорили намъ, изрядными матеріальными средствами, сына знаменитаго по хлѣбной торговлѣ коммерсанта, и даже сына одного поэта (!), пользовавшагося нѣкоторое время значительной популярностью...

Между тѣмъ это право родителей вѣдетъ, какъ мы имѣли случаи убѣдиться на практикѣ,—къ страшнымъ злоупотребленіямъ родительскою властью.

Иные, почему либо постылые родителямъ мальчики, сегодня, на примѣръ, берутся изъ заведенія, за истеченіемъ 4-хъ мѣсячнаго срока, дольше коего заведеніе, по закону, ихъ не держитъ, а завтра, послѣ завтра, приводятся родителями вновь въ заведеніе на 4 мѣсяца, и такъ далѣе. Трудно предположить, чтобы впродолженіе однихъ двухъ сутокъ бытности дома мальчикъ могъ оказать столь упорное неповиновеніе родительской власти, чтобы родители успѣли перепробовать разные способы домашняго его исправленія и затѣмъ вынуждены были опять прибѣгнуть къ тюремѣ.

Нѣкая мать лѣтъ 30, не дурна собой и весьма приличная женщина, при насъ доставила въ заведеніе мальчика. Мы съ нею заговорили, причемъ обстоятельно выразили мысль, что она напрасно прибѣгаетъ къ помощи заведенія, которое не выполнитъ ея желаніе, а напротивъ, возвратитъ ей сына съ гораздо худшими противъ прежняго качествами.

— У меня трое такихъ сыновей и возжаться съ ними

мнѣ некогда, отвѣтила она, а коли онъ безпутнѣй всѣхъ, стало быть, хоть отъ него избавлюсь и то слава Богу; къ тому-жъ, нынче все дорого, а держать здѣсь и дешево и сердито?!...

Опровергать эту, столь своеобразную аргументацію мы сочли лишнимъ; за то, она наглядно характеризуетъ умственный кругозоръ и нравственные качества матери.

Сажаніе въ тюрьму совершеннолѣтнихъ дѣтей господствуетъ, преимущественно, въ разнузданномъ купеческомъ быту. Развитому сыну, учившемуся въ гимназіи, противно, стоя за прилавкомъ, обманывать почтеннѣйшую публику, и онъ хочетъ въ университетъ. Тогда отецъ упрямываетъ его въ исправительное заведеніе—за неовиновеніе родительской власти.

Сынъ самостоятельно, отдѣльно отъ отца, торговлею въ 15 лѣтъ наживаетъ состояніе, имѣетъ отъ роду 42 года, жену и дочь 12 лѣтъ; а отецъ вторично женится на молоденькой, которая соритъ деньгами; новобрачный старикъ, жалѣя своихъ—требуетъ денегъ на мачихины расходы отъ сына; тотъ совершенно основательно отказывается отъ такого налога. И вотъ, раздраженный рѣзкимъ отказомъ, отецъ сволакиваетъ сына за неовиновеніе родительской власти въ исправительное заведеніе.

Сынъ женатъ на красавицѣ; отецъ старикъ начинаетъ за нею волочиться, мужъ узнаетъ это и выѣзжаетъ изъ подъ родительскаго крова, но отецъ не только не вразумляется, а еще упорнѣе преслѣдуетъ сноху. Тогда сынъ воспрещаетъ пускать его къ себѣ. Въ отмще-

ніе за это отецъ заключаетъ сына, за неповиновеніе родительской власти—въ исправительное заведеніе (*).

Юношѣ не по сердцу военная служба, куда отецъ силою опредѣляетъ его и потому онъ, немного погодя, выходитъ въ отставку юнкеромъ. Это взволновываетъ отца, страстнаго поклонника Марса, и онъ требуетъ, чтобы сынъ непременно былъ офицеромъ, а такъ какъ послѣдній на отрѣзъ отказывается исполнить волю перваго,—то отецъ заточаетъ сына за неповиновеніе родительской власти въ заведеніе. Засимъ, по истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ отецъ проситъ переправить сына въ часть, является туда и хочетъ его выдрать, но сынъ не дается, а полиція отказывается содѣйствовать достиженію цѣли отца; тогда отецъ возвращаетъ сына въ исправительное заведеніе и тамъ розги доказываютъ таки сыну власть надъ нимъ родителя...

Дранье дѣтей въ заведеніи, по желанію родителей, тотчасъ по приѣмѣ ихъ туда—не рѣдко происходило. Замѣчательно однако то, что домогаются тѣлеснаго наказанія не только неразвитые, но иногда и образованные люди; Поэтъ, недавно, наприм. хлопоталъ объ этомъ и добился, увѣряли насъ, толку.

(*). Сынъ этотъ освободился прежде времени изъ заключенія оригинальнымъ способомъ. Онъ подалъ прокурорскому надзору жалобу на своего отца, обвиняя его въ посягательствѣ на свою жену. Тогда отецъ съ одной стороны струсивъ, а съ другой озлобившись на сына—въ одномъ изъ своихъ отзывовъ по дѣлу выразился, что сынъ не отъ него, а в—къ. Судь, прицѣпившись къ этой фразѣ—мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что сажать дѣтей могутъ только родители, а N говоритъ, что заточенный не его сынъ, по сему и не имѣлъ права такъ съ нимъ поступить и т. д.

Все это читатели не фантастическая аллегорія, а дѣйствительные факты, выхваченные прямо изъ тюремной жизни, по милости существованія въ Уложеніи о наказаніяхъ, изд. 1866 года, 1592 статьи, которая гласитъ: «За упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки, дѣти, по требованію родителей, безъ особаго судебного разсмотрѣнія, подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Родителямъ, въ семь случаевъ, предоставляется право уменьшать, по усмотрѣнію своему, время заключенія или совершенно простить виновныхъ». И полиція безусловно исполняетъ желаніе родителей, если дѣти сами добровольно не идутъ, по приглашенію родителей, въ заточеніе (*).

(*) Въ февралѣ мѣсяцѣ 1871 г. три мальчика, судившись въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ, заявили что ихъ свѣкли въ заведеніи за то, что они вторично туда попадали. Обстоятельство это побудило представителей прокуратуры чаще навѣщать заведеніе, а это помогло нѣкоторымъ дѣтямъ, посаженнымъ туда полиціею, по желанію родителей, вырваться оттуда: прокуроры разспрашивали ихъ за что кто посаженъ, просматривали дѣла о нихъ и какъ только въ дѣлахъ не оказывалось просьбъ родителей, или точныхъ о дѣтяхъ свѣдѣній и т. под.,—тотчасъ освобождали ихъ, опираясь на 10 ст. уст. угол. судопр., которая гласитъ: „каждый судья, каждый прокуроръ, который въ предѣлахъ своего участка, округа, удостовѣрится въ содержаніе кого либо подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ,—обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы“. Жаль, что Мировой Судья 5 участка игнорировалъ эту статью, а то онъ могъ бы не одного выпустить на волю. Остается желать, чтобы прокуратура и въ будущемъ также энергически продолжала дѣйствовать для пользы страждущаго человѣчества.

Да, пора, давно ужъ пора отмѣнить эту статью, тѣмъ болѣе, что для укрощенія дѣтей въ законѣ еще остается цѣлый арсеналь наказаній, изображенныхъ въ 1591, 1412, 1534 ст. Уложенія, 132 и 143 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. судьями; пора эта тѣмъ болѣе ужъ настала, что правительство отказалось быть опекуншею во многихъ общественныхъ дѣлахъ, слѣдовательно въ семейныхъ ему и подавно нѣтъ резона становиться посредникомъ.

VII.

Кромѣ 1595 ст. Улож., въ нашихъ законахъ есть еще и другія статьи, представляющіяся сильнымъ анахронизмомъ.

Такъ, въ исправительное заведеніе доставляются люди для содержанія по распоряженіямъ: комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, да изъ городскихъ богадѣлень—на основаніи 21 п. приложенія въ 689 и 695 ст. Уст. управл. заведен. обществ. призр. т. XIII; мѣщанскихъ управъ—согласно 655 ст. Уст. о податяхъ, т. V. И эти роды заключенія противорѣчатъ точному смыслу постановленій Угол. Судопроизводства.

Касательно нищихъ комитетъ обязанъ преслѣдовать попадающихъ въ этомъ проступкѣ чрезъ мѣстныхъ мировыхъ судей, которые одни лишь вправѣ налагать наказанія на признанныхъ виновными въ принисываемыхъ имъ проступкахъ, по существующимъ на сей предметъ специальнымъ 49 — 51 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. судьями. Такихъ разбирательствъ мы дѣйствительно слышали пропасть, и потому никакъ не пред-

полагали, что комитетъ и помимо суда еще расправлялся со своими кліентами—собственною властью. Однако, убѣдившись теперь въ противномъ, заносимъ въ наши замѣтки о заведеніи и этотъ любопытный фактъ достойный хотя нѣкотораго разбора, а потому остановимъ и на немъ вниманіе читателя.

Дѣло въ томъ, что если даже и допустить законность этой расправы собственно, впрочемъ, за неотмѣною, до сихъ поръ, выше поставленныхъ статей,—то и тогда нищие и богадельники подлежатъ, по буквальному выраженію 3 п. 695 ст., заключенію въ работные дома, которые, согласно 691 ст. Уст. Об. Приз. по ихъ цѣли должны, понятно, существенно розниться какъ отъ рабочихъ, такъ и отъ смиренныхъ домовъ (Исправ. Заведеніе), ибо послѣдніе созданы конечно для преступниковъ. А такъ какъ во 1-хъ законъ не развилъ подробно: какого именно рода заведенія разумѣетъ онъ подъ работными домами, а во 2-хъ въ Петербургѣ вовсе нѣтъ, какъ извѣстно, никакого работнаго дома, — то обѣ эти неурядицы служатъ на практикѣ главною причиною заключенія нищихъ и богадельниковъ въ рабочій домъ, или исправ. заведеніе, что составляетъ въ дѣйствительности одно и то же: всѣ люди сюда попавшіе, живутъ на одинаковомъ положеніи, а трудятся глядя по ихъ силамъ и тому, что они умѣютъ дѣлать. Что же касается заведенія, то оно, обязанное закономъ принимать людей, присылаемыхъ для выдержанія извѣстныхъ сроковъ, по формальнымъ бумагамъ подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ и официальныхъ лицъ — не располагаетъ ни надобностью, ни правомъ предъ приемомъ того или другаго субъекта вдавать-

ся въ обсужденіе вопроса: правильно ли поступаетъ администрація доставленіемъ человѣка, подлежащаго въ работный — въ рабочій домъ. Оттого оно и принимаетъ всѣхъ безотговорочно, лишь бы бумаги были форменны.

Далѣе, относительно права мѣщанскихъ обществъ сажать въ заведеніе (по 655 ст. Уст. о подат. т. V) своихъ членовъ за неплатежъ податей, замѣтимъ, что это право, въ интересахъ самой казны, положительно надо отнять. Если посаженный примѣрно за 40 р., человѣкъ, хорошій мастеровой, дорожить волею, приложить стараніе скорѣй вырваться изъ заведенія, и откажется даже отъ чащитія, то и тогда онъ врядъ ли въ 4 мѣсяца выработаетъ долгъ. Но такіе люди неимовѣрно рѣдко попадаютъ въ заведеніе, а больше трехъ четвертей подобныхъ заключенныхъ обществами — дряхлые, либо, преимущественно бывшіе лакеи, приписавшіеся послѣ освобожденія крестьянъ 19 февраля 1861 г. въ кронштадтскіе, петербургскіе и петергофскіе мѣщане (*). И вотъ, такой субъектъ, очутившись въ заведеніи, безъ всякаго понятія о ремеслѣ, первые два мѣсяца обыкновенно протаскаетъ дрова, воду, будетъ мыть, чистить камеры и т. п. и, ежели его трудъ сравнять по заработку съ отмѣненнымъ щипаньемъ пеньки, — то дневной будетъ 6 к., мѣсячный, за исключеніемъ 6 праздничныхъ дней, — 1 р. 44 к. Потомъ, за благоправіе и прочія похвальные качества ему удастся попасть, положимъ въ

(*). Преобладающій элементъ — кронштадтскіе, за ними идутъ петербургскіе; петергофскихъ же и особенно прочихъ городовъ очень мало.

портные. Тутъ онъ сперва безвозмездно промаячить— самое меньшее — 2 же мѣсяца, покуда очень посредственно научится этому дѣлу. Затѣмъ, пробывъ полгода портнымъ, нашьетъ въ день много-много на 25 к., въ мѣсяць — 6 р., а въ полгода 36 р., да 1 р. 44 к.— 37 р. 44 к. въ 10 мѣсяцевъ, — такъ, что раньше года ему нивоиимъ образомъ не выкупиться. А такъ какъ стоимость содержанія каждаго арестанта обошлась напри- мѣръ въ 1870 г., въ 158 р. 24 к. (эта же сумма падаетъ и на невнесшаго подати), то, вычтя изъ 158 р., выработанные имъ 40 р., казна получить, благодаря усердію общества, вмѣсто выгоды, чистаго убытка а 118 руб. 24 к!..

Мало того: посаженный, легко быть можетъ своевременно не уплатилъ податей вслѣдствіе постигшихъ его несчастныхъ обстоятельствъ, напр. внезапной потери имущества отъ пожара, лишенія мѣста и т. п., быть можетъ онъ до поступленія въ заведеніе могъ кое-какъ хотя поденною работою, кормить семью, которая за его отсутствіемъ теперь голодаетъ, горе мыкаетъ!... Наконецъ изъ тюрьмы онъ выйдетъ еще бѣднѣе прежняго, не говоря уже о вредномъ вліяніи тюрьмы на его нравственное состояніе. Прибавимъ, что, по словамъ свѣдущихъ людей, въ тюрьму попадаютъ преимущественно тѣ изъ неисправныхъ податныхъ плательщиковъ, которые согрубли старостѣ, не угостили сборщика податей, не дали взятки своимъ словнымъ жрецамъ Фемиды.

Если ужъ нельзя вовсе отмѣнить заключенія въ тюрьму за неплатежъ податей, то во всякомъ случаѣ казалось бы рациональнымъ произвести нѣкоторыя измѣненія въ постановленіяхъ по этому предмету, напр., годичный срокъ,

установленный (650 ст. Уст. о подат. т. V) для взноса податей можно бы безъ ущерба и даже съ выгодой для казеннаго интереса расширить на 2—5 лѣтъ, приче́мъ предоставить мѣщанскимъ управамъ строго слѣдить за степенью разживы подобныхъ лицъ и за взносомъ чисящейся на нихъ недоимки.

VIII.

Въ праздничные дни арестанты мастерствами не занимаются, а по послѣ обѣдамъ священникъ и дьяконъ заведенія бесѣдуютъ со всѣми въ столовыхъ о религиозно-нравственныхъ предметахъ (*). Присутствуя на бесѣдахъ, мы убѣдились лично, что большинство заключенныхъ слушаетъ съ любопытствомъ и вниманіемъ; этому способствуетъ преимущественно то, что священникъ (молодой еще человекъ) объясняетъ имъ значеніе религіи совершенно простонароднымъ слогомъ, подкрѣпляетъ свои доводы самыми обыкновенными, изъ жизни взятыми, примерами.

На обученіе грамотности малолѣтнихъ и на поднятіе нравственныхъ качествъ взрослыхъ въ заведеніи обращается очень серьезное вниманіе. Тѣмъ не менѣе это прекрасное стремленіе не можетъ дать ожидаемыхъ результатовъ совершенно по мимо воли управляющихъ заведеніемъ. Такъ, постоянныхъ учителей только 3—4 чел.

(*) Въ помощь названнымъ лицамъ въ заведеніе часто приходятъ, по ходатайству попечителя, съ послѣдняго курса духовной академіи 4 студента; тогда общество арестантовъ раздѣляется на группы, отчего имъ легче и удобнѣе усвоить себѣ слышанное.

на 300—400 заключенныхъ, которые ежедневно прибываютъ и убываютъ; оттого учителямъ по неволѣ приходится слишкомъ часто повторять зады, не то и совершенно сначала начинать, такъ, что пройти хоть въ миниатюрномъ размѣрѣ цѣлый курсъ какой либо изъ наукъ представляется, по крайней малочисленности учителей, — немислимымъ. Отсюда рождается то серьезное неудобство, что содержащійся въ заведеніи, положимъ, полгода—часто слушаетъ одно и то же, что, само собою разумѣется, нагоняетъ на него скуку и онъ всячески старается отлынивать отъ ученія, отъ бесѣды; прячутся напр. подъ нары мастерскихъ, сказываются больными, говорятъ, что слушать нечего, учиться нечѣму и т. под. Все это краснорѣчиво убѣждаетъ въ настоятельной необходимости увеличить число преподавателей на столько человекъ, чтобы они могли раздѣлить учениковъ на отдѣльныя группы и, сообразно ихъ успѣшности, переводить ихъ изъ низшихъ въ высшіе классы; потребную же на порядочное жалованье дѣльныхъ учителей сумму можно обратить на счетъ $\frac{0}{100}$ съ накопившагося капитала на пособія выпускаемымъ заключеннымъ (до 60,000 р.). Точно также слѣдуетъ, по справедливости, увеличить жалованье и настоящимъ учителямъ, а то священникъ, напр., за 110 часовъ мѣсячнаго занятія съ' одними лишь малолѣтними—получаетъ всего по 5 р.; да отъ заведенія за всѣ службы, требы, бесѣды и проч. 50 р. въ мѣсяцъ, каковаго содержанія человеку, обремененному семействомъ, крайне мало; мало потому въ особенности, что дьячокъ любой приходской церкви Петербурга получаетъ до 1200 р. въ годъ, за свой чисто механическій трудъ;

сопоставлять же дьячка хоть рядомъ со священникомъ, на которомъ лежитъ столь тяжелая нравственная отвѣтственность и физическая обуза,—по меньшей мѣрѣ не прилично.

Равнымъ образомъ надо восполнить библіотеку историческими, географическими и естественными предметами, ибо книгъ этого рода въ заведеніи вовсе нѣтъ: тамъ имѣются исключительно духовнаго содержанія книги и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Священникъ многократно, какъ намъ разсказывали, ходатайствовалъ объ этомъ у Тюремнаго Комитета, въ вѣдѣніи коего состоитъ малолѣтнее отдѣленіе,—но всѣ его домогательства оставались будто бы безъ всякихъ послѣдствій.

IX.

Въ началѣ мы помянули, что законъ о заведеніи (доселѣ ни въ чемъ не измѣненный) устанавливаетъ: кормить заключенныхъ «умѣренно», власть во щи сала «нѣсколько», выдавать пособія выпускаемымъ «по усмотрѣнію», наказывать «соразмѣрнымъ» виѣ числомъ ударовъ розогъ, учить грамотѣ столько, «сколько удобность позволить», библіотеку имѣть «изъ наибольшаго собранія книгъ» и т. п. Всѣ эти выраженія столь эластичны, неопредѣленны, что изъ нихъ всегда легко сдѣлать какое кому вздумается употребленіе, тогда какъ законъ долженъ ясно, категорически формулировать свои положенія. Между тѣмъ, вслѣдствіе темноты закона въ дѣйствительности въ заведеніи прежде творились, какъ отчасти ужъ и подтвердилось, просто

чудеса. Въмѣсто щей—арестантовъ кормили чортъ знаетъ чѣмъ,—полагая въ этомъ—умѣренность; въ бурду клали, на 300 челов., 30 ф. сала,—находя, что это количество для нихъ и есть «нѣсколько»; пособіе выдавалось изъ 100 челов. только десятерымъ и то одному—сапоги, другому — шалку, третьему — скюртукъ послѣ умершаго; двумъ—по 10 коп.; тремъ—по 20—50 к., а остальнымъ по рублю, отпираясь на словахъ «по усмотрѣнію»; начальствовали надъ заведеніемъ люди черствые, умственно ограниченныя и взросшіе на палкѣ,—а потому меньшею цифрою считалось 100 ударовъ, въ убѣжденіи, что она-то и есть «соразмѣрная» винѣ; учить малолѣтнихъ грамотѣ то время, которое годилось на занятіе ихъ ремесломъ—казалось невыгоднымъ, а потому ихъ учили только какой нибудь часъ въ сутки, или даже и вовсе не учили потому, что «удобность не позволяла»; купили 20 экземпляровъ Св. писанія и руководствуясь выраженіями «изъ небольшого собранія книгъ»—назвали это на многіе годы библіотекою.

Далѣе законъ запрещаетъ арестантамъ: а, рассказывать другъ другу кто за что посаженъ, божиться, проклинать, рѣзвиться; б, имѣть при себѣ какія бы то ни было деньги. Заставить выполнять эти правила положительно немислимо: арестанты съ момента ихъ заключенія до выпуска изъ заведенія—въ камерахъ, въ мастерскихъ, въ банѣ, въ столовой, въ церкви—вездѣ, всегда вмѣстѣ; разговаривать, не мѣшая работѣ, благоприсойно,—они вправѣ; на ночь ихъ запираютъ въ спальни челоуѣкъ по 15—30 и часовые ходятъ по корридорамъ, а внутри камеръ они одни. Насущные предметы, которые ихъ

интересуютъ, волнуютъ—именно: кто за что и насколько посаженъ; кто сотворилъ имъ зло, кто о нихъ радѣтъ и т. п. Какъ же, спрашивается, имъ не сообщать другъ другу главнѣйшихъ эпизодовъ изъ ихъ жизни — за что, кто попалъ въ заточеніе? какъ не проклинать враговъ и не восхвалять, посредствомъ божбы, своихъ благодѣтелей, тѣмъ болѣе, что никто, въ семь отношеніи, цѣлыя ночи насквозь имъ не мѣшаетъ? Потомъ, малолѣткамъ, когда они упражняются гимнастикой, гуляютъ по саду—мудрено не развиться; напротивъ бѣганье, скаканье укрѣпляютъ формирующіеся организмы, мускулы, а запретить это—значитъ насиловать природу. Далѣе Попечительный Совѣтъ, дабы пріохотить арестантовъ къ труду—разрѣшилъ, года два тому назадъ, административнымъ порядкомъ 6-ю часть заработка признать арестантскою собственностью, изъ которой выдавать имъ еженедѣльно въ руки по 10—40 к. на нѣкотораго рода лакомства (масло, селедки, колбасу и т. п.), каковыя продукты они покупаютъ себѣ чрезъ сторожей.

Впрочемъ законъ наложилъ и на начальство свое veto: онъ возбраняетъ служащимъ въ заведеніи чиновнымъ: имѣть у себя гостей съ воли позже 10 ч. вечера; къ служителямъ же вовсе не дозволяется пускать никого и никогда; самимъ чиновнымъ нельзя, по закону, отлучаться изъ заведенія на дальнѣйшее послѣ 10 часовъ вечера время; членовъ же ихъ семействъ, если они къ 10 ч. вечера не вернулись домой—не должно впускать въ ворота до 5 ч. утра — времени, когда заключенные встаютъ. Начальство не заключенные, да и добровольно не отрѣшившееся отъ общества, живущаго за предѣлами

тюрьмы, — а потому постановленія эти только и существуютъ въ книгѣ закона; въ живой же дѣйствительности они никогда не исполнялись.

Х.

Такимъ образомъ законъ о заведеніи, изданный слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ, теперь оказывается чрезвычайно устарѣвшимъ, почти ни въ чемъ, практически, не примѣнимымъ, вслѣдствіе чего онъ, во множествѣ случаевъ, отмѣненъ административнымъ порядкомъ. Но такъ какъ учрежденіе все таки не можетъ оставаться безъ точнаго устава, то необходимо пересмотрѣть законъ о немъ, радикально измѣнить и принаровить его къ современнымъ потребностямъ общества.

Самое, наконецъ, зданіе слѣдуетъ обратить къ настоящему его назначенію, а для этого надо вывести изъ него больницу умалишенныхъ, которая занимаетъ почти цѣлый, на всѣ стороны, этажъ, и тѣмъ самымъ стѣсняетъ заведеніе въ помѣщеніи: негдѣ правильно размѣстить заключенныхъ, некуда отдѣлать исправляющихся въ поведеніи отъ прочихъ, малопорченныхъ отъ дурныхъ людей, тогда какъ для пользы самага дѣла и общества заключенные должны дѣлиться на многія различныя, по ихъ прегрѣшеніямъ, категоріи.

Въ заключеніе мы, по совѣсти, обязаны отмѣтить еще одинъ фактъ. Со времени управленія заведеніемъ новаго попечителя графа А. А. Ламздорфа оно дѣйствительно

быстро улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Просвѣщенный графъ занимается заведеніемъ весьма серьезно, прилежно, непрерывно изыскиваетъ всевозможныя средства къ устраненію изъ него неурядиць, которыхъ до него было пропасть. Остается надѣяться, что энергія графа поставитъ, наконецъ, заведеніе на ту степень, которая дастъ обществу благотворные плоды.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЮРЬМА СРОЧНЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПО ПРИГОВОРАМЪ СТОЛИЧНЫХЪ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ.

I.

Со времени открытія въ Петербургѣ мировыхъ судебныхъ учрежденій—17 мая 1866, по 1867 г. народонаселеніе литовскаго тюремнаго замка, основаннаго на 801 чел., возросло до 1,000 чел., оттого, что туда заключались лица, приговариваемыя мировыми судьями къ лишенію свободы: простолюдины — за кражи, мошенничества, обманы, да они же, и всѣ привилегированные — за самоуправства, буйства, обиды дѣйствіями, словами, безстыдные, соблазнительные поступки, за нарушеніе различныхъ уставовъ и прочія погрѣшности. Чтобы устранить обнаружившіяся въ замкѣ сильнѣйшую тѣсноту и разныя неудобства и неурядицы, заключенныхъ по приговорамъ судей перевели, въ 1867 году, въ порожнія Аракчеевскія казармы, которыя вскорѣ же оказались, однако, непригодными для достиженія предполагавшейся цѣли: казармы вѣтхи, сыры и расположены такъ, что въ нихъ негдѣ было устроить ни мастерскихъ, ни лазарета; люди томились бездѣйствіемъ.

и начали заболѣвать тифомъ, цингою и другими острыми недугами. Эти причины побудили правительство передѣлать свободный винный городокъ (на Выборгской сторонѣ) на тюрьму, съ ночнымъ разъединеніемъ, на 600 чел. и съ лазаретомъ на 100 кроватей. Приспособленіе зданія городка въ тюрьму обошлось казнѣ безъ малаго въ 90,000 р. За тѣмъ 13 января 1868 г. тюрьма открылась и приняла въ свои помѣщенія изъ Аракчеевскихъ казармъ 463 чел. мужчинъ.

Особаго, собственно объ этой тюрьмѣ, подробнаго закона покуда еще нѣтъ, потому конечно, что она устроена въ видѣ опыта на такъ называемыхъ новыхъ началахъ, хотя въ сущности она отличается отъ исправительнаго заведенія только большимъ вознагражденіемъ арестованныхъ за ихъ трудъ, да отдѣльными, для ночлега, кельями. Управляется тюрьма по преподанной смотрителю оной краткой инструкціи, утвержденной въ 1868 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Инструкція эта содержитъ въ себѣ кое-что изъ правилъ и инструкцій о предположенныхъ къ устройству земскихъ тюрьмахъ, высочайше утвержденныхъ 4 іюля 1866 года и приложенныхъ къ 190 ст. Уст. Угол. Судопр. (о помѣщеніяхъ для осужденныхъ къ аресту мировыми судьями), а остальное—общетюремные порядки. Начальствуютъ надъ тюрьмою: по административной и полицейской частямъ — здѣшній оберъ-полиціймейстеръ, а по хозяйственной, умственной и нравственной — попечительный о тюрьмахъ комитетъ.

Сущность тюремныхъ правилъ заключается въ слѣдующемъ. Всѣ безъ изыятія содержащіеся въ тюрьмѣ обяза-

ны заниматься черными, сѣрыми и бѣлыми работами. Подъ черными разумѣются: уборка, чистка въ зданіи, пилака дровъ, носка ихъ, воды, которую накачиваютъ изъ водопроводовъ, земляныя, огородныя и проч. этого свойства работы; сѣрыми называются: стирать бѣлье, щипать пеньку, канаты, вить веревки и т. п.; бѣлыя же составляютъ спеціальныя ремесла, а также приготовленіе заключеннымъ пищи. Черныя работы безвозмездны, а сѣрыя и бѣлыя вознаграждаются: первыя — $\frac{1}{3}$, а послѣднія — $\frac{1}{2}$ заработка, не свыше, однакожь, какъ за бѣлыя по 15, а за сѣрыя по 10 коп. въ день. Рабочихъ дней считается въ мѣсяць 24. Цѣнность работъ опредѣляется особою таксою, примѣняаясь къ цѣнамъ, существующимъ на волѣ; тѣмъ не менѣе, тюремныя цѣны почти на половину ниже вольныхъ на всякія произведенія. За время ученія какому либо изъ ремеслъ вознагражденія не полагается. Количество заработка вписывается ежедневно въ отдѣльныя на каждого заключеннаго книжки, а деньги хранятся въ особыхъ, на всякого же, пакетикахъ—въ общемъ казенномъ ящикѣ. Половиною заработка, арестованные вправѣ располагать во все время содержанія на артельный чай, на пособія роднымъ, да на книги, буде пожелаютъ имѣть таковыя, для чтенія на досугѣ, по праздникамъ. Въ каждой мастерской есть староста, изъ арестантовъ же, который принимаетъ изъ конторы сахаръ головами, чай фунтами, раздаетъ эти продукты по принадлежности, согласно запросу, и потомъ доставляетъ въ контору счета по скольку за кѣмъ записать въ книжку забору денегъ изъ заработка.

Наказываются заключенные, за совершенные въ тюръ-

*

мѣ проступки: лишеніемъ права видѣться съ родными, свѣтлымъ, темнымъ карцерами, на хлѣбъ съ водою до четырехъ сутокъ и каждое наказаніе влечетъ сбавку заработка на $\frac{1}{10}$ долю; за воровство же и т. п. серьезныя нарушенія, предаются обыкновенному суду мѣстнаго мирового судьи, который налагаетъ наказаніе по закону.

II.

Камеры, столовая и мастерскія срочной тюрьмы находятся въ двухъ этажахъ, раздѣленныхъ на четыре отдѣленія. Въ камерахъ на двѣ наружныя стороны окна, а вдоль ихъ, по срединѣ, въ два ряда, деревянные, для ночлега и отдыха каждаго заключеннаго, отдѣльныя крошечныя кельи, въ которыхъ на придѣланной къ стѣнѣ доскѣ лежатъ тюфякъ съ рогожею, сѣрое суконное одѣяло, мочалою набитая подушка; на гвоздѣ виситъ полотенце. Умываются заключенные въ перегороденныхъ мѣстахъ отхожаго, изъ особо приспособленныхъ деревянныхъ ящичковъ.

Мастерскія очень просторныя, но онѣ, какъ и камеры, вообще довольно темны, а въ нѣкоторыхъ углахъ почти ничего не видно. Носятъ арестанты лапти, потому что въ нихъ легче, будто бы, какъ насъ увѣряли — ногамъ, которые не отекаютъ, дескать, отъ сидячей жизни. Самое помѣщеніе тюрьмы, воздухъ въ ней, постельныя принадлежности, столовая посуда и одежда далеко уступаютъ достоинствомъ исправительному заведенію. Впрочемъ, для простолюдиновъ тюремная простота полезна: она много ближе къ ихъ быту на волѣ, отчего переходъ изъ

первой къ послѣднему имъ не столь рѣзокъ, непріятенъ, по отношенію собственно къ удобству, покою.

Встаютъ заключенные въ 5 часовъ утра, а въ 6 час. завтракаютъ: хлѣбъ съ квасомъ и капустою, или съ тертою рѣдкою, лукомъ, либо съ жиденькою кашницею; въ 11 час. обѣдаютъ скоромное, или постное, глядя по времени; мяса полагается на человѣка по $\frac{1}{4}$ ф. въ день; два блюда даются трижды въ недѣлю; въ 4 часа ремесленники пьютъ артельный чай, насчетъ своихъ заработковъ, а въ 8 часовъ ложатся спать.

Вначалѣ открытія тюрьмы отпускала заключеннымъ хлѣбъ отдѣльно по 3 фун. каждому. Но портнымъ напр. это количество было много; кузнецамъ, огородникамъ, напротивъ, мало; оттого они другъ у друга воровали хлѣбъ, чрезъ что являлись разныя неурядицы, которыя прекратились съ тѣхъ именно поръ, какъ послѣдовало разрѣшеніе ѣсть въ столовой сколько кто хочетъ хлѣба, щей и проч. Пьютъ всѣ квасъ. Пища порядочная. Послѣ обѣда заключенные $1\frac{1}{2}$ часа отдыхаютъ въ общихъ камерахъ или въ своихъ кельяхъ, смотря потому, гдѣ кто желаетъ.

Поступило въ тюрьму заключенныхъ: въ моментъ ея открытія—463 чел., потомъ въ теченіе 1868 г.—2391 чел., въ 1869 г. 2226 чел., т. е. менѣе предшествовавшаго года на 165 чел., а въ 1870 г.—1954 чел.

Было въ тюрьмѣ людей съ января по май мѣсяцы: 1868 г.—864 чел., 1869 г. 782 чел., 1870 г.—680 чел., а января 1871 г.—564 чел., т. е. уменьшалось: во второмъ противъ перваго года—на 82 чел., въ третьемъ противъ втораго—на 102 чел., а въ четвертомъ

противъ третьяго—на 116 чел. Слѣдовательно, проступки, предусмотрѣнные Уставомъ о наказаніяхъ, налаг. миров. судьями, достаточно быстро уменьшаются, чему нельзя, конечно, не порадоваться. Содержалось въ тюрьмѣ съ января 1866 по январь 1870 г. всего 5077 чел.; изъ нихъ на сроки до одного мѣсяца — 350 чел., до трехъ—2669 чел., до шести—1641 чел., до девяти—333 чел., а до одного года—84 чел. Такъ какъ срокъ заключенія соотвѣтствуетъ важности вины, то изъ приведенныхъ цифръ вытекаетъ, что самое большее число запрещенныхъ дѣяній, по соразмѣрности наказаній, относится къ маловажнымъ проступкамъ.

Лазаретъ тюрьмы весьма изыщенъ. Больныхъ въ немъ было въ январѣ 1868 г.—41 чел., вновь прибыло: въ 1868 г. изъ тюрьмы—594 чел., изъ полицейскихъ частей—444 чел., всѣхъ—1078 чел., изъ коихъ умерло 54 чел., пополамъ тюремныхъ и частныхъ арестантовъ; выздоровѣло 664 чел., осталось къ 1 января 1869 г.—60 чел.; за сѣмъ, въ продолженіе года поступило: изъ тюрьмы—951 чел., да изъ частей—151 чел., итого 1102 чел.; изъ нихъ въ году умерло: тюремныхъ—30 чел., изъ частей 22 чел.; выздоровѣло: тюремныхъ—891 чел., а частныхъ 129, такъ что къ 1870 г. оставалось 55 чел. И здѣсь приходится замѣтить, что второй годъ былъ благопріятнѣе перваго касательно числа выздоровѣвшихъ.

Для малолѣтнихъ въ тюрьмѣ особое отдѣленіе на 48 чел.; мѣста эти всегда всѣ заняты лицами, приговоренными къ аресту мировыми судьями и окружнымъ судомъ, когда послѣдній постановляетъ приговоръ по Уставу о наказ., налаг. мир. судьями. Малолѣтніе, вромѣ занятія

работами, учатся грамотѣ священникомъ, при чемъ изъ нихъ выучились, по возрастамъ, въ 1868 г. до 19 лѣтъ: читать—60 чел., читать и писать—54 чел., элементарнымъ познаніямъ—54 чел.; свыше 19 лѣтъ: читать—19 чел., читать и писать и элементарнымъ знаніямъ по 18 чел.; въ 1869 г. до 19 лѣтъ: читать и писать и элементарнымъ знаніямъ по 32 чел.; свыше 19 лѣтъ: читать—11, читать и писать, равно элементарнымъ знаніямъ по 10 чел., такъ что взрослые въ послѣднемъ году оказали меньше успѣха, нежели въ первомъ году, но отчего—мы не могли дознаться. За 1870 г. цифръ по этой части мы еще не имѣемъ.

III.

Работы въ тюрьмѣ начались съ 1-го мая 1868 г.; на организацию оныхъ, за неотпускомъ денегъ, начальство взяло заимобразно съ Литейнаго моста негоднаго каната на 64 р. и съ этого каната постепенно развились работы, хозяйственнымъ способомъ, и какъ ни были крошечны средства, тѣмъ не менѣе дѣло пошло на столько въ гору, что теперь люди трудятся въ 12 мастерскихъ, а именно: въ портняжьей, сапожной, столярной, картонажной, матовой, мочальной, слесарной, кузнечной, малярной, купорной и токарной.

Заработали арестованные:

Съ 1-го мая 1868 по 1-е января 1869 г.—11,244 р. 78 к.; въ 1869 г.—14,788 р. 83³/₄ к.; съ 1 января по 1 мая 1870 г.—10,544 р. 56 к.; во весь же 1870 г. было въ приходѣ съ прежними остатками 60768 р. 6 к.

Изъ этихъ суммъ истрачено:

На материалы для производства работъ: въ 1868 г.—4,354 р. 31¹/₄ к., въ 1869 г. 3,886 р. 40³/₄ к.; въ 1870 г.—4300 р. 40¹/₄ к.;

На инструменты, машины, снаряды и проч.; въ 1868 г.—356 р. 74 к., въ 1869 г.—314 р. 72¹/₂ к., въ 1870 г.—1106 р. 91¹/₂ к.

Выдано выпущеннымъ изъ тюрьмы людямъ заработковъ: въ 1868 г.—2,739 р. 49³/₄ к., въ 1869 г.—4,795 р. 34¹/₂ к. (въ оба года 5322-мъ чел.), въ 1870 г.—3,179 р. 48¹/₂ к. (*).

Наконецъ, казнѣ досталось чистой прибыли: въ 1868 г.—4,150 р. 96 к., въ 1869 г. — 4,546 р. 77¹/₂ к., а въ 1870 г.—1,370 р.

Заработано по отдѣльнымъ ремесламъ съ 1 мая 1868 по 1 января 1870 г. портными—5,114 р. 38 к.; сапожниками—2,748 р. 62 к.; матовщиками—7,146 р. 32¹/₄ к.; столярами и плотниками—3,832 р. 48 к.; слесарями и кузнецами—2,181 р. 74 к.; картонажниками—2,829 р. 61¹/₄ к.; чернорабочими 714 р. 10 к.: хлѣбопеками, кашеварами и прачешниками (мужч.)—576 р., а въ 1870 г.; портняжьей — 2,983 руб. 80¹/₄ коп., сапожной—2,065 руб. 57¹/₄ к., слесарной и кузнечной—2,167 р. 26 к., матовой — 1,693 р. 8¹/₄ к., столярной и плотницкой—2,376 р. 86 к., картонажной—42,418 р. 64 к.; хлѣбопеки удовлетворены полученными отъ эконома сроч-

(*). Размѣръ вознагражденія за трудъ, составляетъ круглымъ, среднимъ числомъ, просидѣвшимъ въ тюрьмѣ: мѣсяць—до 3 р., 3 мѣсяца—до 9 р., 6 мѣсяцевъ—до 18 р., а годъ—до 36 р.

ной тюрьмы 598 р. По ремонтнымъ работамъ 144 руб. 25 коп.; за разломку барокъ и выгрузку дровъ— 555 руб. 60 коп. итого 55,003 руб. 6³/₂ коп. Кроме того, тюремный огородъ доставилъ въ 1868 и 1869 гг. дохода до 800 р.

Въ настоящее время, въ тюрьмѣ дѣлая фабрика самыхъ разнообразныхъ занятій: машинъ, инструментовъ и снарядовъ вдоволь. Работало при насъ въ 1870 г. портныхъ— 35, сапожниковъ—27, столяровъ—20, рѣзчиковъ и токарей—3, кузнецовъ и слесарей—22, картонажниковъ—128, маляровъ—6; пеньку и мочалу щипали, ткали маты и плели лапти—50, огородничали—6, стирали бѣлье—14, кровельщиковъ и жестянщиковъ—4 и даже водопроводчиковъ 2 человекъ. Почти всѣ производящіяся въ тюрьмѣ работы заказываются для казенныхъ мѣстъ: солдатскія шинели, фургоны, пороховые ящики, картонныя сумочки для патроновъ: послѣднія поручено дѣлать артиллерійскимъ вѣдомствомъ постоянно: ихъ въ годъ расходуется милліонами. Работа эта весьма немудреная, а между тѣмъ, говорили намъ, выгодная: она доставляетъ до 600 р. въ мѣсяць.

Работаютъ всѣ охотно; это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что изъ числа незнавшихъ никакого ремесла выучились, въ 1868 и 1869 годахъ, будучи въ тюрьмѣ, мастерамъ: портняжному—28 чел., сапожному—17 чел., слесарному—4 чел., картонажному—218 чел.; плести маты, ковры, корзинки—1410 чел.

Мало того самое занятіе способствуетъ безупречности заключенныхъ: изъ всего народонаселенія тюрьмы

попадаютъ въ прегрѣшеніяхъ, какъ насъ увѣрили, только отъ 2 до 3⁰/₀.

IV.

Рецидивистами въ тюрьмѣ — исключительно обвиненные за воровство и частью за мошенничество. Въ этомъ отношеніи, вотъ что замѣчательно: выходящіе изъ тюрьмы съ порядочнымъ заработкомъ (15 — 20 р.) вновь чрезвычайно рѣдко въ нее возвращаются; являются же почти исключительно тѣ, которые вышли съ 2, 5 и 7 р., и еще не одинъ, а по нѣскольку разъ. Это происходитъ, какъ мы убѣдились на опытѣ, оттого, что выпущенные изъ тюрьмы слоняются безъ мѣста, безъ занятій: ихъ нигуда не принимаютъ. Человѣкъ, проживъ кое-какъ на свои гроши недѣлю-другую, вдругъ оказывается безъ крова и пищи; желудокъ, между тѣмъ, не терпѣливъ, а обладающій имъ помнить тюремный бытъ и потому крадетъ, что попадетъ подъ руки, и возвращается въ тюрьму. Въ подкрѣпленіе нашихъ словъ приведемъ одинъ изъ множества этого свойства казусовъ, слышанныхъ нами въ камерахъ мировыхъ судей. Къ одному изъ судей пріѣвели двухъ здоровыхъ, молодыхъ парней — за покушеніе на кражу. Они показали, что дней 10 предъ тѣмъ вышли изъ тюрьмы, имѣя каждый въ карманѣ по 3 р., которые истратили на прокормленіе себя, тщетно ища себѣ занятія. Затѣмъ, бродя голодные по улицѣ, увидѣли они провѣтривавшійся на дворѣ коверъ, который скатали и хотѣли было унести, продать и утолить голодъ; но это имъ не удалось. Поэтому они просили судью сдѣлать имъ милость, приговорить ихъ въ тюрьму на годъ,

чтобы впоследствии выдти оттуда съ 30 рублями и на нихъ тотчасъ же отправиться на родину, чего съ 3-мя рублями сдѣлать не могли: за одинъ билетъ въ Москву, по желѣзной дорогѣ, надо заплатить 5 р. Судья приговорилъ ихъ въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ. Оба удовольствовались рѣшеніемъ и въ тотъ же день отправились въ тюрьму.

Впрочемъ большинство простолюдиновъ, усвоивъ себѣ понятіе о непогрѣшимости судей, часто не обжаловываютъ и самыхъ суровыхъ ихъ приговоровъ. Въ этомъ отношеніи вотъ какіе случались казусы. Мальчикъ лѣтъ 14 жилъ въ услуженіи у содержателя колбасной лавки, гдѣ его скверно кормили. Будучи, однажды, голоденъ онъ съѣлъ полфунта колбасы, отрѣзанной хозяиномъ для себя. За это хозяинъ возбудилъ противъ него обвиненіе въ кражѣ помянутой колбасы. Судья отдалъ предпочтеніе показанію хозяина, призналъ мальчика виновнымъ въ похищеніи колбасы и прислалъ его въ тюрьму на 3½ мѣсяца.

Мужичокъ-извозчикъ поднялъ на улицѣ, возлѣ сосѣдняго дома, въ которомъ онъ жилъ, доску, принесъ ее домой и положилъ на дворѣ своего жилища. Немного погодя къ нему пришелъ сосѣдній дворникъ, обозналъ доску своею, получилъ ее, да еще пожаловался судѣ на извозчика, котораго судья обвинилъ въ кражѣ доски и приговорилъ въ тюрьму на 3½ мѣсяца. Оставшаяся на свободѣ жена извозчика, съ тремя малыми ребятами, не имѣла никакихъ средствъ, чѣмъ кормить лошадь и семейство, а потому вынужденною нашлась продать лошадь, и, покуда мужъ сидѣлъ — прожила всѣ деньги, выру-

ченныя за проданную лошадь. Такимъ образомъ изволицъ былъ разоренъ до тла изъ за доски, стоившей какихъ нибудь 5 коп.

Мѣщанинъ за кражу курицы пробылъ въ тюрьмѣ 6 мѣсяцевъ. Мѣщанинъ же за кражу изъ кабака полштофа водки очутился въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ.

Приведенные факты вынуждаютъ насъ замѣтить, что по основному принципу Угол. Судопр. всякое наказаніе должно соразмѣряться съ важностью вины. Независимо того 119 ст. Уст. Угол. Судопр. обязываетъ судей рѣшать дѣла по совокупности всѣхъ, при разбирательствѣ обнаруженныхъ обстоятельствъ и главное «по внутреннему убѣжденію». А никакое, полагаемъ, разумное внутреннее убѣжденіе не подскажетъ, что кража $\frac{1}{2}$ ф. колбасы, доски, курицы, полштофа водки соотвѣтствуетъ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію, влекущему за собою вѣчное разореніе, порчу нравственности настолько, что человѣкъ выходитъ изъ тюрьмы кандидатомъ на серьезное преступленіе.

V.

Формальныхъ, впрочемъ, рецидивистовъ въ срочную тюрьму приходитъ гораздо меньше, нежели дѣйствительныхъ. Для разъясненія этого противорѣчія, мы считаемъ необходимымъ посвятить читателей въ нѣкоторыя неурядицы, господствующія касательно рецидивистовъ мировыхъ учреждений.

На основаніи 191 ст. Уст. Угол. Суд., о всѣхъ заключенныхъ въ тюрьму, мировые судьи обязаны сооб-

щать тѣмъ обществамъ, въ которыхъ принадлежать осужденные (что судьи на практикѣ рѣдко исполняютъ); дѣлать же отмѣтки на паспортахъ (*) осужденныхъ—судьямъ не предоставлено. Потомъ, согласно 8 п. 170 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. судьями, за повтореніе кражи срокъ заключенія увеличивается до года. Наконецъ, проступокъ этотъ, содѣянный въ третій разъ, подсуденъ уже, по 2 п. 181 ст. того же Уст., окружному суду, который опредѣляетъ наказаніе еще сдѣльнѣе. Всякій смысленный человѣкъ, разъ побывавшій въ тюрьмѣ, хорошо знаетъ эти правила. Оттого нѣкоторые, задумавъ вторично украсть что нибудь, и опасаясь, въ случаѣ неудачи, поплатиться большимъ срокомъ заключенія: 1) воруютъ непременно въ другомъ уже мировомъ участкѣ, а 2) привлеченный къ отвѣту говоритъ, не запинаясь, что не былъ подъ судомъ, а такъ какъ паспортъ его чистъ, то онъ и идетъ въ тюрьму за первую кражу; 3) самые паспорта рѣдко представляются судьямъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ, и въ этихъ случаяхъ судьи обыкно-

(*) Намъ встрѣтился недавно крестьянинъ, сидѣвшій по рѣшенію Окружнаго Суда, въ Исправительномъ заведеніи годъ и между прочимъ рассказалъ, что по выходѣ изъ заключенія съ отмѣткою на паспортѣ о его судимости—его отправили на родину, съ воспрещеніемъ являться сюда; тамъ онъ пробылъ съ мѣсяць; потомъ поклонился въ ноги старшинѣ, да поставилъ мирскому сходу ведро водки и за это ему дали новый, чистенькій паспортъ и отпустили обратно въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ и здѣсь живетъ себѣ благополучно; если же, паче чаянія, попадется опять подъ судъ, то зная, что тогда его накажутъ гораздо сильнѣе прежняго,—онъ ни за что не объявитъ, что былъ судимъ и наказанъ.

венно располагаются на словесныхъ показаніяхъ судящагося о его имени, званіи и проч., и, сообразно сему, опытные воры отправляются въ тюрьму за первую кражу по нѣскольку разъ сряду. Нѣкто напр., Г., счесть 6 разъ сидѣть въ тюрьмѣ по приговорамъ разныхъ участковыхъ судей, и все за первую кражу: то онъ явится мѣщаниномъ, то крестьяниномъ, то дворовымъ. Другой, попадаясь нѣсколько разъ, наконецъ былъ уличенъ, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ; тогда онъ сознался, что мѣняетъ фамиліи съ цѣлью обойти законъ. Подобные случаи, по отзыву тюремнаго начальства, очень часто повторяются.

Правительство, желая пресѣчь обнаруживавшіеся обманы со стороны судящихся и, притомъ, желая еще имѣть точныя свѣдѣнія о числительности рецидивистовъ, издало недавно Указъ (см. собраніе Указовъ 27-го февраля 1870 г. № 18), которымъ обязываетъ мировыхъ судей доставлять въ министерство юстиціи точныя изъ 7 пунктовъ справки о каждомъ лицѣ, осужденномъ не ниже тюремнаго заключенія. Справки эти потомъ печатаются въ ведомостяхъ, которыя судьи обязаны получать для руководства. Указъ этотъ, какъ ни практиченъ кажется съ перваго взгляда, — удобоисполнимъ только въ жидко населенныхъ мѣстностяхъ провинцій, гдѣ въ уѣздѣ, напр., два судьи, которые живя тамъ безвыѣздно много лѣтъ сряду, наперечетъ знаютъ біографію большинства обывателей, а въ лицо почти всѣхъ; въ столицахъ же, и особливо въ Петербургѣ, указъ этотъ едва ли найдетъ себѣ практическое примѣненіе: здѣсь 30 мировыхъ участковъ; судья каждаго изъ участковъ ежедневно разбира-

еть отъ 15 до 30 дѣль, между коими отъ одного до трехъ непремѣнно о кражѣ, мошенничествѣ. Беря хоть меньшую цифру 1, всякій судья въ мѣсяцъ осудить 22 чел. (*), каждый изъ остальныхъ судей по столько же, отчего составится въ одинъ только мѣсяцъ по Петербургу списокъ о 654 чел., а если число это удвоить,—что будетъ вѣрнѣе, — то о 1,220 человекѣхъ!... Неужели-жъ этотъ громадной величины списокъ судѣй ежедневно перечитывать для открытія рецидивистовъ? По закону, разумѣется, «да», но въ дѣйствительности—«нѣтъ», по причинамъ, какъ читатель сейчасъ усмотритъ, вполне, кажется намъ, уважительнымъ. Во первыхъ, на внимательный просмотръ списка потребуется, по крайней мѣрѣ, 2—3 часа, а такъ какъ отъ этого просмотра зависитъ участь человека и поручить это писцу нельзя (у судей нѣтъ штатныхъ помощниковъ), значитъ судья «изъ назначенныхъ къ разбору дѣль едва ли успѣетъ рѣшить половину. Во вторыхъ самое чтеніе списка врядъ ли принесетъ пользу: на Руси столько людей съ одинаковыми именами, фамиліями, званіями, а равно столько деревень, сель и городовъ съ тождественными названіями и всякая мѣстность имѣетъ здѣсь столько своихъ представителей,—что всякій судья запутается въ этомъ непроходимомъ лабиринтѣ. Въ третьихъ, паспорта простолюдиновъ обыкновенно пишутся безтолково, небрежно и съ самыми су-

(*) Остальные 8 дней мѣсяца мы отбрасываемъ на неприсутственные дни: 4 положимъ Воскресенья, да 4 распорядительныхъ засѣданій съѣзда, куда всѣ судьи должны обязательно являться.

щественными пропусками (все это, замѣтите, неизбежно перейдетъ въ алфавиты и списки), что можетъ сбить съ толку любого судью. Паспортъ, напр., гласитъ: мѣщанинъ г. Ардатова, Иванъ Ивановъ. Сегодня Ивановъ этотъ судится и говоритъ, что онъ нижегородской губерніи, а черезъ мѣсяць, чтобы не подпасть подь сильнѣйшее наказаніе, объявить Симбирской. Какимъ же способомъ добиться истины? Одно средство: послать запросы думамъ обоихъ названныхъ городовъ. Но тутъ встрѣчается новая бѣда: канцелярское дѣлопроизводство вообще, а сословное въ особенности, движется медленно, и раньше 2-хъ 3-хъ мѣсяцевъ дожидаться отвѣтовъ рѣшительно не мыслимо. Между тѣмъ, въ четвертыхъ, обвиняемый въ кражѣ, по 2 п. 77 ст. Уст. Угол. Суд., все это время просидитъ подь стражею, потому что большинство простолюдиновъ не пользуется свободою чрезъ залогъ, поручительство (78 и 79 ст. Угол. Суд.). Такимъ образомъ и самъ судья становится между двумя крайностями: повѣрить подсудимому на слово и осудить его, хотя и рецидивиста, за первую кражу, или же держать его подь арестомъ до присылки справокъ. Словомъ, столичнымъ мировымъ судьямъ на столько мудро исполнять требованіе указа объ алфавитахъ, безъ посторонней помощи, что мы видѣли у нѣкоторыхъ судей книжки справокъ за многіе мѣсяцы даже неразрѣзанными.

Оказать же вышепомянутую и судьямъ крайне необходимую помощь можетъ, не затрудняясь, только полиція. Для поспѣшнаго раскрытія лицъ, совершающихъ преступленія, выпускаемые изъ тюремъ, предварительно

полнаго ихъ освобожденія, отсылаются въ сыскную полицію, гдѣ отмѣчается: кто за что сидѣлъ; а съ воровъ, мошенниковъ и проч. снимаются фотографическія карточки. Далѣе, большинство дѣлъ о кражахъ и мошенничествахъ начинается полиціею (49 ст. Уст. Угол. Суд.). И вотъ, слѣдуетъ поручить полиціи, тотчасъ по поимкѣ, подобнаго преступника, спросить по телеграфу сыскную полицію: не знаетъ ли она чего о пойманномъ, полученный отвѣтъ приложить, при посылаемомъ судѣ, согласно 50 ст. Уст. Угол. Суд., сообщеніи, а если обвиняемый отрицаетъ свою прежнюю судимость—случить его съ снятою съ него карточкою; буде же обвиненіе возбуждено частнымъ лицомъ—пусть судья самъ сносится съ сыскною полиціею. Это наиболѣе вѣрный и легкій способъ, посредствомъ коего столичныя суды могутъ распознавать рецидивистовъ.

· VI.

Возвращаясь къ срочной тюрьмѣ скажемъ, что размѣщать заключенныхъ по категоріямъ преступленій не представляется никакой возможности, вслѣдствіе причинъ, отъ тюремнаго управленія независящихъ. Причины эти состоятъ, передавали намъ, исключительно въ томъ, что а) многіе суды не означаютъ въ посылаемыхъ, въ тюрьму, съ осужденными бумагахъ: рода ихъ виновности, а одинъ судья заключилъ, напр., въ теченіе 3-хъ лѣтъ до 500 чел. и ни въ одной бумагѣ не объяснилъ: за что кого содержать; б) тюрьма устроена собственно для лицъ, приговариваемыхъ мировыми судьями, а въ нее тѣмъ же

менѣ присылають людей отовсюду: рѣшенныхъ окружнымъ судомъ, старымъ сенатомъ, административными мѣстами и даже подслѣдственныхъ. Во время нашихъ посѣщеній тюрьмы тамъ сидѣли два бывшихъ офицера, лишенныхъ правъ состоянія окружнымъ судомъ, вупецъ, оказавшійся несостоятельнымъ заплатить 12,000 р. штрафа за провозъ контрабанды (*); кронштадтская арестантская рота военного вѣдомства передала неспособнаго въ тамошнимъ работамъ арестанта въ гражданское вѣдомство и здѣшнее губернское правленіе направило его въ срочную тюрьму.

Въ лазаретѣ тюрьмы пользуются содержащіеся въ частяхъ и подслѣдственные арестанты, всѣ, заурядъ съ тюремнымъ людомъ. Обходя лазаретъ, мы спросили больного: за что онъ содержится.

— Сужусь за убійство и за святотатство, отвѣтилъ онъ, не безъ гордости.

Рядомъ съ нимъ помѣщался щедушный кроткій мальчикъ, лѣтъ 15.

— А ты за что?

— Да грѣхъ попуталь — покусился стянуть чужіе сапоги, — ну, мировой и осудилъ сюда на 2½ мѣсяца, жалобно отвѣтилъ несчастный.

Подобное сосѣдство, понятно, въ высшей степени вредно и нравственному и умственному кругозору случайныхъ, неискусившихся заключенныхъ. Присылка подслѣдствен-

(*) Онъ посаженъ сенатомъ на 2 года, въ теченіи которыхъ причинить казнѣ новаго убытка въ 280 р.: арестантъ обходится казнѣ 140 р. въ годъ. Есть ли разумная причина сажать? Положительно нѣтъ.

ныхъ въ лазаретъ тюрьмы, когда въ специально подслѣдственномъ тюремномъ замѣѣ есть свой лазаретъ тоже на 100 человѣвъ,—болѣе, нежели странна.

VII.

Въ тюрьмѣ, также случалось, сидѣли лица, принадлежавшія къ привилегированному сословію. Въ числѣ ихъ находились приговоренные мировыми судьями къ заключенію за мошенничество. Это преступленіе мировымъ судьямъ не подсудно (1 п. 181 ст. уст. о наказ.), но судившіеся не возбуждали, вѣроятно, вопроса объ этомъ, а сочли за лучшее для себя перенести кару мирового, чѣмъ окружнаго суда: послѣдній лишаетъ, по закону, подобныхъ лицъ всѣхъ правъ состоянія, тогда какъ первый караетъ только тюрьмою.

Въ числѣ такихъ заключенныхъ попадались и осужденные въ аресту, не смотря на то, что тюрьма существуетъ только для тюремнаго заключенія, что составляетъ изрядную, по закону, разницу. Мало того, на основаніи 99 ст. уст. о содержащихся подъ стражею (т. XIV свод. зак.), благородные располагаютъ правомъ на отдѣльныя помѣщенія, на гораздо лучшую, противъ простолюдиновъ, пищу (имъ полагаются кормовыя по чинамъ), и освобождены отъ всякихъ тюремныхъ занятій; правила же тюрьмы гласятъ, что всѣ, безъ изъятія заключенные содержатся, продовольствуются одинаково и обязаны работать. Такимъ образомъ, управленію тюрьмы некуда бываетъ сажать арестованныхъ благородныхъ, но и отыскавъ имъ мѣсто—

*

благодаря чужимъ упущеніямъ и ошибкамъ,—оно неволь-
но вынуждено нарушать или уставъ о содержащихся
подъ стражею, либо тюремныя правила.

VIII.

Покончивъ съ срочною тюрьмою, считаемъ полезнымъ
остановить вниманіе читателей еще на одномъ, доволь-
но серьезномъ вопросѣ, имѣющимъ тѣсную связь съ
предыдущими нашими замѣтками о срочной тюрьмѣ.
Вопросъ этотъ касается женщинъ, приговариваемыхъ
мировыми же судьями къ лишенію свободы. Отдѣльной
тюрьмы для женщинъ въ Петербургѣ нѣтъ. Въ то вре-
мя, какъ мужчины, сидя въ срочной тюрьмѣ, заняты
работами, а выпускаемые оттуда получаютъ, правда хоть
незначительное, но все-жъ таки вспомошествованіе, при-
годное на первыя житейскія нужды,—женщины лишены
тѣхъ и другихъ преимуществъ: онѣ сажаются въ поли-
цейскія арестантскія, и весь періодъ ихъ заточенія то-
мится полнѣйшимъ бездѣйствіемъ, а о пособіи при вы-
ходѣ на волю и помышлять не могутъ. Кромѣ того, од-
на — отъ скуки, другая — отъ недостатка пищи, третья
просто съ отчаянія развращаются и многія, выпущенныя
за порогъ частнаго дома, прямо присоединяются къ чи-
слу проституткозъ. Этому особенно способствуютъ карау-
лящая ихъ стража—солдаты полиціи.

Общаго преобразованія тюремъ скоро нельзя, разумѣт-
ся, дожидаться: на эту реформу требуется, по предпола-
гаемому проекту, какъ читатель видѣлъ въ предисловіи,
больше пятидесяти милліоновъ рублей, а наши фи-

нансы Россіи далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Задуманная въ Петербургѣ по давно ужъ созданнымъ, законодательнымъ порядкомъ, правиламъ (Высочайше утвержденное 4 іюля 1866 г. мѣнше государственнаго совѣта) земская тюрьма покуда тоже еще миражъ. Слѣдовательно, женщинамъ долго, долго еще придется терпѣть всякія невзгоды, сопряженныя съ нынѣшнимъ порядкомъ содержанія ихъ подъ стражею—въ полиціи.

Между тѣмъ, значительно облегчить ихъ горькое положеніе можно, полагаемъ, посредствомъ самаго ничтожнаго расхода, да и весьма мелкой, хотя бы чисто административной реформы. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, казенныхъ гражданскихъ больницъ счетомъ 15 (*); въ каждой изъ нихъ достаточное число начальства, прислуги, а въ числѣ послѣдней отъ 10 до 40. наемныхъ прачекъ, которыя, кромѣ помѣщенія, получаютъ жалованья отъ 4-хъ до 8 руб. въ мѣсяць. Считая круглымъ числомъ хоть только по 15 прачекъ на больницу, получится на всѣ 15—225 прачекъ; средняя цифра мѣсячнаго жалованья каждой 6 руб., всѣхъ—1350 руб. въ мѣсяць; а въ годъ 16,200 р. Заключаются мировыми судьями въ тюрьмы при частяхъ въ годъ отъ 170 до 200 женщинъ простолудинокъ. Выселивъ изъ 2-хъ частей всѣхъ аресто-

(*). Обуховская, Калининская, Петропавловская, Александровская, Св. Ольги, Маріинская, Александровская женская, Умалишенныхъ, Рождественская, Мѣщанская, Сестеръ Милосердія, Александровская сыпная, Евангелическая, Николаевская и Елисаветинская.

вываемыхъ мужчинъ, на мѣста женщинъ, по разнымъ частямъ, а женщинъ сгруппировавъ на мужскія мѣста въ 2 части, приспособить прачешныя (что обойдется въ какіе нибудь 300 р.), да распорядиться присылать въ указанные части изъ больницъ для стирки и чинки бѣлье—вотъ арестантамъ и работа, которая не только окупитъ ихъ содержаніе, но еще дастъ возможность выдавать выпускаемымъ по нѣскольку денегъ въ пособіе. Мѣра эта, съ одной стороны, — самая легкая, удобоисполнимая, а съ другой—самая благодѣтельная, за отсутствіемъ женской тюрьмы.

ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ТЮРЬМА МОРСКАГО ВЪДЪОМСТВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

I.

Въ 1862 году Морское министерство командировало одного изъ своихъ криминалистовъ, г. Яневича-Яневскаго за границу, для ближайшаго ознакомленія съ существующими тамъ системами тюремнаго заключенія, а составленный этимъ лицомъ, по возвращеніи въ Россію, проектъ положенія объ исправительной тюрьмѣ, по образцу Оборнской, переданъ былъ, для обсужденія, въ образовавшійся, въ сентябрѣ 1863 г., особый комитетъ, который, рассмотрѣвъ проектъ, кое-что измѣнилъ въ немъ, и, такимъ образомъ, выработалось положеніе о названной тюрьмѣ, Высочайше утвержденное 2-го ноября 1864 года. Наконецъ зданіе, построенное гораздо раньше для помѣщенія арестантовъ, и за ихъ отсутствіемъ служившее мѣстомъ для морскихъ центральной швальни и комисаріатскихъ складовъ, обращено было въ первоначальное свое назначеніе—тюрьму, которая открылась 1-го января 1865 года.

На основаніи этого положенія въ тюрьму заключаются морскіе солдаты, служащіе въ петербургскомъ, кронштадтскомъ, ревельскомъ и свеаборгскомъ портахъ,

да изъ командъ того же вѣдомства, квартирующихъ въ окрестностяхъ столицы. Состоить тюрьма, по закону, изъ двухъ отдѣленій, въ которыя помѣщаются осужденные: въ первое — за общія, а въ послѣднее — за чисто морскія и воинскія преступленія. Срокъ содержанія въ тюрьмѣ: высшій—до 2-хъ лѣтъ; средній—до одного года, а низшій—до 3-хъ мѣсяцевъ включительно; за нарушеніе же воинской дисциплины—къ одиночному заключенію до 2-хъ мѣсяцевъ.

Система тюремнаго исправленія людей существенно разнится отъ обозрѣнныхъ нами гражданскихъ исправительныхъ тюремъ. Здѣсь заключенные обязаны прежде всего (кромѣ получаса въ будничные, да часа въ праздничные дни) безусловно молчать. Поддержаніе въ нихъ духа воинской дисциплины и подчиненности составляетъ главную цѣль, къ которой обязано стремиться тюремное начальство, но оно должно при этомъ обходиться съ заключенными человѣколюбиво, не оскорблять ихъ, знать ихъ способности, наклонности, вникать во всѣ подробности ихъ содержанія, пешихъ о нихъ, вести особня, о поведеніи каждаго, вѣдомости. Врачъ и священникъ обязаны ежедневно посѣщать находящихся въ одиночномъ заключеніи. На ночь заключенные разъединяются въ отдѣльныя, для всякаго, кельи. Дневное время заточенныхъ законъ распредѣляетъ пунктуально слѣдующимъ порядкомъ.

Встаютъ они: лѣтомъ въ 5, — а зимою въ 6 часовъ утра, складываютъ на мѣсто свои постели, умываются, метутъ и чистятъ коридоры, камеры, лѣстницы и т. п. Послѣ того имъ дѣлается переключка и они молятся и

завтракають. Все это кончается къ 7 — 8 часамъ. Потомъ до 11 часовъ они упражняются въ военно-морскомъ искусствѣ, послѣ чего полчаса приводятъ въ порядокъ рабочія комнаты и приготавливаются (?) къ обѣду; съ 12 до 2½ ч. пополудни обѣдаютъ, отдыхаютъ и исполняютъ различныя тюремныя надобности. Затѣмъ съ 2½ до 7 ч. вечера снова работаютъ и упражняются въ морскомъ искусствѣ; отъ 7 до 8 ч. опять убираютъ рабочія комнаты, чинятъ свою одежду, обувь и проч., отъ 8 до 9 ч. ужинаютъ и, наконецъ, въ 9 час. ложатся спать. Добавимъ, что всѣ исчисленныя передвиженія производятся, согласно положенію, по командѣ и фронтowymi рядами. Собственно на военно-морскія упражненія установлено употреблять заключенныхъ по одному часу до и послѣ обѣда.

Въ воскресные и табельные дни заключенные освобождаются отъ ремесленныхъ работъ и учений искусству: это время опредѣлено на смотры, обѣдню, слушаніе духовныхъ поученій и воинскихъ артикуловъ; кромѣ того, послѣ обѣда учатся чтенію, письму, счисленію, причемъ учителями являются грамотные изъ заключенныхъ, а наблюдаютъ за ходомъ обученія священники и начальники отдѣленій—офицеры. Тогда же дозволяется свиданіе заключенныхъ съ ихъ родными разъ въ мѣсяць, по часу; но человѣкъ, сидящій въ тюрьмѣ первый мѣсяць, не имѣетъ этого права.

За доброкачественностью пищи надзираетъ врачъ. Самую пищу составляютъ въ день на человѣка: 2 ф. 81 золотн. хлѣба, 6 зол. соли, щи, похлебка и горохъ; въ изготовляемый приварокъ полагается власть на каждого:

масла—по 7 зол., гороху—по 60 зол., крупы отъ 36 до 48 зол., капусты по морской порціи. По вторникамъ же, четвергамъ, воскресеньямъ, а равно въ другіе праздничные дни—по $\frac{1}{4}$ ф.—говядины, или рыбы. На квасъ отпускается по 15 золотн. муки и солоду и $\frac{1}{10}$ золотн. мяты. Когда заключенные занимаются трудными валовыми работами, особливо въ ненастную, холодную погоду, законъ предоставляет имъ по чаркѣ водки. Въ послѣобѣденное время заключенные, отдыхая, имѣютъ право какъ помянуто выше: въ будни—полчаса, а въ праздники—часъ разговаривать другъ съ другомъ скромно, о благоприличныхъ предметахъ. Разъ въ недѣлю врачъ производитъ имъ смотръ, для чего они раздѣляются, какъ это водится въ войскахъ,—до нага.

Работать обязаны всѣ, безъ изыятія заключенные, даже сидящіе въ свѣтлыхъ карцерахъ. Работы по закону заключаются въ тканіе матовъ, дѣланіи плетеноевъ, кадоевъ, ушатовъ, ведеръ, лопатъ, весель, въ неизбѣжномъ повсюду шипаньи пеньки, въ шитьѣ флаговъ, коекъ, брезентовъ, мѣшковъ и прочихъ предметовъ матросскаго обмундирования, несложныхъ тавелажныхъ, всякаго рода тюремныхъ и необходимыхъ другимъ учрежденіямъ морскаго вѣдомства предметовъ; въ случаѣ неимѣнія въ тюрьмѣ производительныхъ работъ или невозможности занять таковыми всѣхъ заключенныхъ въ самой тюрьмѣ,—они посылаются въ Новое Адмиралтейство, гдѣ работаютъ отдѣльно отъ вольныхъ рабочихъ и солдатъ, подъ надзоромъ своего конвоя. Если въ тюрьмѣ встрѣтится надобность въ указателяхъ—учителяхъ работъ—туда присылаются таковые изъ порта, либо это званіе предоставляется лучшимъ по по-

веденію и знанію заключеннымъ, которымъ это званіе не даетъ, однако, никакихъ преимуществъ.

Въ поощреніе заключенныхъ къ трудолюбію и благо нравію имъ производится, по закону, изъ выручаемыхъ за ихъ трудъ произведеній — «нѣкоторая» плата; но уборка зданія, качаніе воды, носка ея, дровъ, топка печей и т. п. безвозмездны. Размѣръ помянутой платы устанавливается слѣдующій: за валовыя работы — половина того, что получаютъ матросы изъ командъ; нерадивымъ же на половину меньше противъ прилежныхъ. Потомъ, заработокъ дѣлится еще пополамъ между казною и заключенными, которые изъ своей доли вправѣ употребляютъ опять до половины во весь періодъ ихъ заключенія на пособія роднымъ, а также на свои прихоти, напр. нюхательный табакъ; курить же строго воспрещается, подѣ страхомъ наказанія. Впрочемъ, присужденные къ вознагражденію за причиненные проступками ихъ вредъ и убытокъ казнѣ, частнымъ людямъ и самой тюрьмѣ (посредствомъ порчи матеріаловъ, инструментовъ и проч.), располагаютъ частью заработка не прежде, какъ по возмѣщеніи сдѣланнаго на нихъ начета. Деньги, оставшіяся у заключенныхъ за всѣми тюремными издержками, при выпускѣ ихъ изъ тюрьмы, отсылаются, вмѣстѣ съ ними, въ тѣ команды, изъ воихъ они прибыли въ тюрьму; туда же сообщаются, для видимости, подробныя вѣдомости о томъ, какъ вели себя освобожденные во время пребыванія въ заточеніи и какія понесли наказанія, ежели подвергались, въ тюрьмѣ, таковымъ.

Согласно положенію покорные, трудолюбивые, опрятные,

безукоризненно себя, въ тюрьмѣ, ведущіе заключенные награждаются: а) вѣланами краснаго сукна на воротникѣ буртки; б) частью (изъ вышепомянутаго заработка) карманныхъ денегъ, съ тѣмъ, однакожь, условіемъ, чтобы цифра ихъ получки (по воскресеньямъ) за разъ не превосходила 6 в. и чтобы у нихъ не было въ рукахъ болѣе 12 к., и в) сокращеніемъ самаго срока заключенія: 10 мѣсяцевъ, напр., засчитывается имъ за годъ; впрочемъ, на заключаемыхъ до 3-хъ мѣсяцевъ, послѣдняя льгота не распространяется.

Наказанія за лѣность, грубость, непослушаніе, умышленную порчу чего либо изъ рабочихъ матеріаловъ, инструментовъ и прочіе маловажные проступки суть: а) уменьшеніе заработка на $\frac{1}{3}$ на мѣсяць, либо совершенное лишеніе онаго; б) потеря права на дневной отдыхъ до 4-хъ сутокъ, съ заключеніемъ, на время отдыха, въ свѣтлый карцеръ; в) одиночное заключеніе на хлѣбъ и воду до 2-хъ недѣль; г) въ темный карцеръ до 8 дней (*); д) наказаніе розгами до 50 ударовъ, и е) прикованіе на цѣпь—до 7 сутокъ. Послѣднее наказаніе примѣняется двоякимъ способомъ: сперва провинившемуся надѣваютъ ручныя и ножныя кандалы, а когда онъ и засимъ будетъ продолжать буйствовать—его опоясываютъ цѣпью и запираютъ ее на замокъ къ придѣланному въ стѣнѣ толстому, желѣзному кольцу.

Больные пользуются въ тюремномъ лазаретѣ, и время болѣзни засчитывается въ срокъ заключенія только из-

(*) Сидящіе на хлѣбѣ и водѣ получаютъ горячее кушанье черезъ два дня въ третій. Обоюго сорта провинившіеся спать на голыхъ доскахъ и карцеры ихъ не освѣщаются

браннымъ: если человекъ захворалъ напр. отъ изнуренія, ушиба и т. п.; когда же болѣзнь оказывается притворною, умышленно себѣ причиненною, виновные въ этомъ, по выходѣ изъ лазарета, подвергаются, глядя по обстоятельствамъ, одному изъ вышеперечисленныхъ дисциплинарныхъ наказаній.

Тюрьма управляется начальникомъ и совѣтомъ, состоящимъ, для обсужденія всѣхъ мѣропріятій, изъ 2-хъ начальниковъ отдѣленій, врача и священника; предсѣдатель совѣта—начальникъ тюрьмы.

II.

Отчетность морской тюрьмы отличается точнымъ распределеніемъ статистическихъ данныхъ по отдѣламъ, которые распадаются на роды преступленій, возрастъ осужденныхъ, число лѣтъ, ими прослуженныхъ, на сроки заключенія, на губерніи, изъ коихъ заключенные уроженцы, на происхожденіе, на мѣста ихъ прежней службы; короче сказать, содержитъ въ себѣ всевозможныя подробности, касающіяся содержавшихся людей. Такъ что еслибы исправительное заведеніе и срочная тюрьма взяли примѣръ веденія отчетности въ морской тюрьмѣ,—то они дали бы чрезвычайно интересный и богатый матеріалъ для характеристики совершающихся преступныхъ дѣяній. Такъ какъ вся статистика утомить читателей длиннымъ рядомъ цифръ, то мы ограничимся лишь главными выводами, изъ которыхъ легко составить себѣ ясное понятіе о состояніи этого заведенія.

Въ теченіе перваго мѣсяца существованія тюрьмы

(январь 1865 г.) въ нее поступило, для заключенія, 13 человекъ; затѣмъ число прибывавшихъ въ теченіе года колебалось: напр., въ февралѣ прислано было 24, а въ апрѣлѣ — только 6 чел. и т. д. Тѣмъ не менѣе, общая годовая цифра содержащихся все-таки возрасла до 215 чел.

Далѣе, въ Петербургѣ и Кронштадтѣ приговорены были къ тюремному заключенію, а въ случаѣ недостатка въ тюрьмѣ мѣста — къ тѣлесному наказанію 338 человекъ. Исключивъ же изъ этой цифры 215, содержащихся въ тюрьмѣ, оказывается, что 103 чел. были наказаны тѣлесно единственно оттого, что на нихъ не хватило мѣста въ тюрьмѣ.

Изъ сидѣвшихъ, въ 1865 г., въ тюрьмѣ, 215 чел., приговорены были: по суду — 208 чел., дисциплинарнымъ порядкомъ—7 чел. Большинство заключенныхъ прослужили до преступленія отъ 10 до 15 лѣтъ, а преобладающій элементъ преступленій составлялъ нетрезвое поведеніе.

Впродолженіи 1865 г. вышло изъ тюрьмы: вслѣдствіе истеченія срока заключенія—49 чел., по случаю сокращенія срока заключенія, за примѣрное, въ тюрьмѣ, поведеніе—2 чел.; отъ зачета времени болѣзни въ срокъ заключенія — 8 чел., сослано въ каторжную работу за новыя преступленія 2 чел. и разстрѣлянь 1 чел. (*).

(*) Всѣ трое за высшее нарушеніе воинской дисциплины; заключалось же это преступленіе въ томъ, что они непрерывно нарушали правила молчанія, за что перенесли постепенно всѣ наказанія и стоя на цѣпи, въ пылу ярости оскорбили офицеровъ: двое—бранными словами, а третій—ударомъ по лицу.

Наконецъ, изъ числа 54 чел. освобожденныхъ, 8 чел. сосланы въ арестантскія роты, 2 чел. вернулись вторично въ тюрьму; продолжали же вести себя въ командахъ: хорошо—24 чел., а дурно — 20 чел.

Болѣло въ 1865 г. — 104 чел. (многіе по нѣскольку, а иные даже до 8 разъ), т. е. въ 3 раза больше, нежели изъ матросовъ, жившихъ въ командахъ. Эта значительная болѣзненность происходила отъ недостатка мясной пищи, свѣжаго воздуха (въ ночлежныхъ кельяхъ воздухъ былъ неподвиженъ отъ замкнутости оныхъ и спавшіе дышали имъ по 8 — 9 часовъ сряду); отъ продолжительности срока заточенія, отъ летѣвшей въ глаза и дыхательные органы пыли при расципливаніи пеньки, отъ принесенныхъ извнѣ болѣзней въ тюрьму, гдѣ они упорно сопротивлялись леченію. Изъ всѣхъ хворавшихъ умерло 10 человекъ.

Содержавшіеся впродолженіе 1865 года 215 чел. работали 1,169 р. 22 к.; деньги эти пошли пополамъ казнѣ и работавшимъ, такъ что изъ общей доли заключенныхъ—584 р. 61 к., пришлось каждому среднимъ числомъ по 2 р. 71 к. съ дробью.

Цифра цѣлаго заработка представляется, по отдѣльнымъ отраслямъ ремеслъ, въ слѣдующемъ количествѣ: за расципленные 3,399 пуд. 15 ф. пеньки по 30 к. за пудъ — 943 руб. 84 к.; за сшитыя: 100 паръ рабочаго платья—12 руб.; за 2,100 мѣшковъ — 116 руб. 46 к.; за 1,343 пары рукавиць—39 руб. 60 к.; за заклепку: 40 ведеръ—5 р. 76 к.; 10 баковъ—1 р. 44 к.; за выверленіе 14 помпъ — 6 руб. 24 к.; за выточеніе 7,280 пробокъ—13 р. 76 к.; за поправку 150 бочекъ—30 р.

Показывали какъ что дѣлать 12 матросовъ изъ здѣшняго порта.

Дальнѣйшая тюремная статистика представляетъ слѣдующія данныя.

На лицо состояло въ тюрьмѣ заключенныхъ 1-го января: 1866 г.—146 чел.; 1867 г.—158 чел.; 1868 г.—162 чел.; 1869 г.—166 чел.

Въ теченіе годовъ прибыло: 1866 г.—258 чел.; 1867 г.—214 чел.; 1868 г.—240 чел.; 1869 г. 227 чел.

Осуждены были всѣ эти люди судами: формальными: въ 1866 г.—256 чел.; въ 1867 г.—213 чел.; въ 1868 г.—239 чел. (*); въ 1869 г.—227 чел. (**); дисциплинарными: въ 1866 г. — 2 чел.; въ 1867 г. — 2 чел. и въ 1868 г. — 1 чел.

Не доставало въ тюрьмѣ мѣста: въ 1868 г. — для 110 чел.; а въ 1869 г.—для 81 чел.; посему эти 191 чел. были, значить, наказаны тѣлесно.

Осуждены были люди за нижеслѣдующія преступленія.

За нетрезвое поведеніе, вслѣдствіе чего они утрачивали казенныя вещи, бѣгали, отлучались изъ командъ и воровали: въ 1866 г.—205 чел.; въ 1867 г.—154 чел.; въ 1868 г.—124 чел.; въ 1869 г.—116 чел.

За кражу: въ 1866 г.—12 чел.; въ 1867 г.—17 чел.; въ 1868 г.—42 чел.; въ 1869 г.—31 чел.

(*) Въ томъ числѣ вмѣсто арестантскихъ ротъ прислано въ тюрьму 18 чел.

(**) Въ числѣ этихъ людей 4 чел. приговорены мировыми судьями за проступки, совершенные ими еще до поступленія на службу.

За побѣги: въ 1866 г.—21 чел.; въ 1867 г.—20 чел.; въ 1868 г.—18 чел.; въ 1869 г.—9 чел.

За утрату казенныхъ вещей и отлучку: въ 1866 г.—16 чел.; въ 1867 г.—14 чел.; въ 1868 г.—44 чел.; въ 1869 г.—64 чел.

За грубость, ослушаніе и нерадѣніе къ службѣ: въ 1866 г.—4 чел.; въ 1867 г.—9 чел.; въ 1868 г.—12 чел.; въ 1869 г.—7 чел.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ преступленій болѣе 50% падаетъ на долю нетрезвыхъ.

Цѣна растроченнымъ осужденными казеннымъ вещамъ простиралась: въ 1866 г.—на 2,174 р.; въ 1867 г.—на 1,236 р.; въ 1868 г.—на 1,019 р. 65 к., а въ 1869 г.—на 1,449 руб. 58 к.

Рецидивистовъ въ тюрьмѣ было: въ 1866 г.—32 чел.; въ 1867 г.—47 чел.; въ 1868 г.—40 чел. и въ 1869 г.—43 чел.

Изъ содержащихся въ тюрьмѣ было больныхъ 1 января: 1866 г.—24 чел.; 1867 г.—24 чел.; 1868 г.—13 чел.; 1869 г.—19 чел.; въ теченіе годовъ болѣли (въ томъ числѣ иные по нѣскольку разъ): 1866 г.—66 чел.; 1867 г.—114 чел.; 1868 г.—76 чел.; 1869 г.—122 ч.; изъ нихъ умерло: въ 1866 г.—14 чел.; въ 1867 г.—30 чел., въ 1868 г.—7 чел., а въ 1869 г.—10 чел.; остальные выздоровѣли. Причины болѣзни и смертности преимущественно тѣ же, какія были въ 1865 году.

Время болѣзни зачтено въ срокъ содержанія: 1866 г.—27 ч.; въ 1867 г.—12 чел., въ 1868 г.—28 чел., въ 1869 г.—30 чел.

Выбыло изъ тюрьмы, кромѣ умершихъ, за минова-

ніемъ срока заключенія, за сокращеніемъ сихъ сроковъ: въ 1866 г. — 123 чел., въ 1867 г. — 171 ч. (*), въ 1868 г. — 228 чел., въ 1869 г. — 232 чел.

Подверглись въ тюрьмѣ одиночному заключенію не свыше недѣли въ 1866 г. — 47 чел., въ 1867 г. — 49 чел., въ 1868 г. — 38 чел., въ 1869 г. — 35 чел.

III.

Отрасли ремесленныхъ занятій заключенныхъ съ 1866 по 1869 г. вѣлчительно не только не развивались, а напротивъ, прогрессивно суживались, какъ это говорятъ цифры заработка: заработали: въ 1866 г. 258 (**) чел. — 1,003 р. 18 к.; въ 1867 г. 214 чел. — 886 р. 20 к., въ 1868 г. 240 чел. — 464 р. 30 к.; а въ 1869 г. 227 чел. — 258 р. 58 к.

Изъ заработанныхъ заключенными денегъ выдано имъ: въ 1866 г. — 501 р. 59 к.; въ 1867 г. — 443 р. 10 к.; въ 1868 г. — 232 р. 15 к.; въ 1869 г. — 129 р. 29 к. Разложивъ всѣ цифры ежегодной выдачи хоть на половинное число означенныхъ людей, выходитъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ получить въ 1866 г. — 3 р. 88³/₄ к.; въ 1867 г. — 4 р. 14 к.; въ 1868 г. — 1 р. 93¹/₂ к.; въ 1869 г. — 1 р. 14¹/₄ к.

(*) Кроме того, за поношеніе начальства бранными словами сослано въ каторжную работу и въ арестантскія роты по одному человѣку, опять таки вѣдствие разговора.

(**) Для большей наглядности беремъ, на выдержку, годовыя цифры прибывшихъ въ тюрьмѣ людей.

Изъ незнавшихъ никакого ремесла заключенныхъ выучились, сидя въ тюрьмѣ: столярному, токарному, купорному, слесарному, парусному, сапожному, портному и переплетному мастерствамъ: въ 1866 г. — 40 чел.; въ 1867 г. — 46 чел.; въ 1868 г. — 47 чел.; въ 1869 г. — 48 человекъ.

Умственное занятіе заключенныхъ состояло въ обученіи ихъ, по праздникамъ, грамотѣ, причемъ выучились:

Читать по складамъ: въ 1866 г. — 51 чел.; въ 1867 г. — 43 чел.; въ 1868 г. — 38 чел.; въ 1869 г. — 40 чел.

Читать и писать: въ 1866 г. — 42 чел.; въ 1867 г. — 46 чел.; въ 1868 г. — 41 чел.; въ 1869 г. — 95 чел.

Читать плавно, писать и счисленію: въ 1866 г. — 49 чел.; въ 1867 г. — 35 чел.; въ 1868 г. — 35 чел.; въ 1869 г. — 87 чел.

Четыремъ правиламъ ариметики: въ 1866 г. — 43 чел.; въ 1867 г. — 26 чел.; въ 1868 г. — 22 чел.; въ 1869 г. — 46 чел.

Ариметикѣ съ дробями: въ 1866 г. — 19 чел.; въ 1867 г. — 17 чел.; въ 1868 г. — 27 чел.; въ 1869 г. — 25 чел.

Названіямъ румбовъ, рангаутовъ, такелажа и компаса: въ 1866 г. — 42 чел.; въ 1867 г. — 38 чел.; въ 1868 г. — 31 чел.; въ 1869 г. — 53 чел.

Лучшіе результаты обученія принадлежатъ, судя по цифрамъ, къ 1869 году. Учили грамотѣ заключенные же. Вспомогательными средствами для обученія служили книжки, приравовленные къ понятіямъ простолудиновъ, а приобретаемыя таковыя на различные остатки, напр., отъ заработка умершихъ въ тюрьмѣ людей; но источники

*

эти чрезвычайно скудны, такъ что не доходили и до 10 р. въ годъ. Въ 1871 г. на это разрѣшено по 50 р. въ годъ.

Тюремная библіотека состоитъ, какъ и вездѣ, изъ однихъ духовно-нравственныхъ изданій, да и то въ очень ограниченномъ количествѣ.

Чтобы покончить съ цифрами, дополнимъ, что тюрьма въ полномъ ея составѣ стоила казнѣ: въ 1866 г.—25,549 р. 80¹/₂ к., въ 1867 г.—26,431 р. 69¹/₂ к., въ 1868 г.—26,032 р. 39¹/₂ к., а въ 1869 г.—31,622 р. 40¹/₄ к., а за всѣ 4-ре года 109,336 р. 35³/₄ к.

Цифръ за 1870 г. мы не успѣли еще получить по причинамъ, вполнѣ однакожъ уважительнымъ.

IV.

На весьма обширномъ, чистомъ дворѣ тюрьмы построены для упражненій: въ артиллерійскомъ искусствѣ—подъ навѣсомъ—двѣ пушки, въ морскомъ—высокая мачта, со всѣми къ ней принадлежностями, и для гимнастики—такъ называемыя кобылы и проч. атрибуты. Входы въ самую тюрьму устланы мягкими, пушистыми матами арестантскаго издѣлія; стѣны корридоровъ, комнать, карцеровъ очень хорошо выкрашены; самое зданіе двухъ-этажное: въ нижнемъ—бухня, столовая, карцеры, канцелярія, свидальная комната и проч., а въ верхнемъ—спальни, рабочія комнаты, лазаретъ, церковь и т. п. Въ первомъ этажѣ полъ каменный, а во второмъ деревянный, крашеный, но чрезвычайно чистый, лоснящійся: по немъ въ сапогахъ арестанты не ходять, а какъ только приблизятся къ дверямъ—свидаютъ та-

ковня, и отправляются дальше босикомъ, неся сапоги въ рукахъ. Ни въ корридорахъ, ни въ камерахъ—нигдѣ не замѣтно и пылинки; мѣдныя: дверныя ручки, замочныя планки, умывальники — все это блеститъ, точно зеркало. Комнаты высокія, свѣтлыя, воздухъ въ нихъ свѣжій, карцеры съ однимъ окномъ — очень уютныя, опрятныя комнатки, а въ нихъ возлѣ одной стѣны—вишячія кровати, у другой—ватерклозеты, а посрединѣ къ полу привинченный табуретъ. Еслибъ комнатки, именующіяся карцерами, перенести въ вольный домъ, бѣдняки съ удовольствіемъ платили бы за нихъ съ отопленіемъ по 5—7р. въ мѣсяць: — до того они приличны.

Впрочемъ, замѣчательная чистота тюремнаго зданія добывается вообще кровавымъ потомъ арестантовъ: на всякое ихъ дѣйствіе установлено извѣстное время и на утреннюю напр. уборку полчаса; арестантъ назначенъ, положимъ, подмести корридоръ въ сажень длины, что онъ исполнилъ въ 5 минутъ, а чтобы онъ остальные 25 минутъ не оставался безъ работы,—наблюдающій за подметаіемъ стражъ, заставляетъ его мести до тѣхъ, непремѣнно, поръ, пока минетъ весь полчаса, и арестанты сигналомъ позовутся къ слѣдующему, очередному, занятію.

Заключенные въ карцерахъ въ теченіе всего дня могутъ только ходить взадъ и впередъ и сидѣть на табуреткѣ; кровать же запирается на замокъ — и на нее лечь нельзя, а лежать на полу воспрещается. Это положеніе неимовѣрно тяжело, особенно новоприбывшимъ, которыхъ сажаютъ въ эти кельи для двухдневнаго приготовления къ будущей тюремной жизни.

Ночлежныя, деревянныя кельи заключенныхъ расположены одна возлѣ другой—также опрятны и снабжены постелью съ тонкимъ соломеннымъ тюфякомъ, такою же подушкою, сѣрымъ суконнымъ одѣяломъ и табуретомъ. Затѣмъ постельныя принадлежности, одежда, обувь заключенныхъ, ничѣмъ не отличается отъ гражданскихъ исправительныхъ тюремъ.

Пища такая же не казистая, какъ и въ гражданскихъ тюрьмахъ, съ тою, однакожъ, разницею, что мясо во щахъ рубится такъ мелко, что принимаетъ видъ почти крупинокъ. Это дѣлается, говорили намъ, преимущественно потому что дѣлать $\frac{1}{4}$ фунта на двѣ порціи въ обѣдъ и ужинъ не изъ чего.

Тюремныя мастерскія находились во время нашихъ посѣщеній—въ крайне печальномъ состояніи по сравненію ихъ съ мастерскими не только Срочной тюрьмы, но и Исправительнаго заведенія; фактическое подтвержденіе нашихъ словъ читатели навѣрное усмотрѣли изъ вышеперечисленныхъ предметовъ производства и цифръ заработка. Здѣсь же прибавимъ, что эта несообразность происходила доселѣ отъ положенія самой тюрьмы, поставленной закономъ въ исключительныя условія.

Такъ, тюрьмѣ воспрещалось принимать частныя заказы, а она должна была довольствоваться таковыми отъ казны — изъ петербургскаго морскаго порта, который дѣлаетъ ей чрезвычайно мало заказовъ, платитъ за нихъ самыя мизерныя цѣны; напр.; за шитье изъ мелкихъ холстинныхъ лоскутковъ паруса—15 к., тогда какъ на эту кропотливую работу выходитъ однѣхъ лишь нитокъ почти на 10 к.; а работаютъ 2 чел.

5 дней. Затѣмъ, если вольный рабочій получаетъ за какое либо ремесло 60 к. въ день, — то заключенному портъ опредѣляетъ за то же самое ремесло только 6 к. въ день. Нельзя не подивиться столь рѣзко неравномѣрному оплачиванію портомъ арестантскаго труда и особенно тому, что тотъ самый портъ (адмиралтейство), который круглый годъ кормитъ тысячи вольныхъ рабочихъ—не удѣляетъ достаточныхъ работъ для своего же вѣдомства 175 заключенныхъ (это число полагается содержать въ тюрьмѣ). Обстоятельство это тѣмъ болѣе достойно серьезнаго вниманія, что вольные люди вездѣ найдутъ себѣ занятіе, а заключенные лишены этой возможности. Другую причину малопроизводительности заключенныхъ приписываютъ отсутствію въ тюрьмѣ необходимыхъ мастерскихъ, объ устройствѣ которыхъ тянется, передавали намъ, переписка ужъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Неимѣніе, между тѣмъ, мастерскихъ побуждало тюремное начальство употреблять всѣ возможныя мѣры, чтобы только хотъ чѣмъ нибудь занять досужія арестантскія руки, чтò вредно дѣйствовало на нравственность заключенныхъ.

Въ то время, какъ содержавшіеся въ Исправительномъ заведеніи и Срочной тюрьмѣ видятся съ посѣщающими ихъ людьми въ конторахъ, сидя, въ присутствіи сторожа, рядомъ,—комната для свиданія въ тюрьмѣ наводитъ весьма грустное впечатлѣніе. Эта комната разгорожена двумя рѣшетками; въ промежуткѣ прохаживается унтеръ-офицеръ, а за наружными сторонами обѣихъ рѣшетокъ становятся другъ противъ друга желающіе видѣться и бе-

сѣдуютъ въ этомъ положеніи. Побывавъ на одномъ изъ воскресныхъ свиданій, мы были очевидцами вотъ каковой картины. Въ комнатѣ стояло по 5-ти заключенныхъ и 5-ти вольныхъ людей; имъ приходилось говорить громко, чтобы слышать другъ друга; отъ этого слышался лишь общій, безсвязный говоръ, шумъ и никто почти не понималъ, о чемъ они толкуютъ.

Большинство рецидивистовъ попадаетъ, какъ рассказываютъ, въ заключеніе оттого, что, во-первыхъ, штрафъ на долго отнимаетъ у нихъ право на отставку, безсрочный отпускъ и на присвоенныя ихъ званію преимущества, а во-вторыхъ, по возвращеніи ихъ въ команды тамошнее начальство блюдетъ за ними чрезчуръ ужъ строго, смотреть на нихъ вообще враждебно, а товарищи въ подражаніе начальству — часто упрекаютъ ихъ прошлымъ, и дразнить кличкою: «арестантъ». И вотъ, человекъ крѣпится, крѣпится, да не вытерпитъ и подь часъ, съ горя, напьется, потеряетъ, въ хмѣлю, какой нибудь тесакъ, предается за это суду и попадается снова въ тюрьму.

Въ самой тюрьмѣ совершаютъ проступки преимущественно солдатскія дѣти, да нанавшіеся служить мѣщанетѣ и другіе гораздо развитѣе прочихъ и спартанская тюремная жизнь возстановляетъ, а не примиряетъ ихъ со своею горькою участью. Наемщики составляютъ почти три четверти тюремнаго народонаселенія; очевидно, стало быть, что допущеніе въ службу наемщиковъ, неблагоприятно отражается на матросской средѣ. На основаніи манифестовъ 1855 и 1856 годовъ, солдатскія дѣти, добровольно оставшіеся служить, считаются въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ вольноопредѣляющимися. Если такой солдатъ впаль

въ преступленіе, — судъ приговариваетъ его къ отбытію извѣстнаго времени въ тюрьмѣ, и къ исключенію, по минованіи опредѣленнаго приговоромъ срока, изъ службы, для приписки къ податному сословію. Но иные изъ заключенныхъ такимъ образомъ людей, въ борьбѣ съ нуждою, поступаютъ наемщиками опять на службу, причемъ выпрашиваются въ моряки. Почему бывали случаи, что подобныя люди присылались въ тюрьму вторично, какъ рекруты, за первыя преступленія.

V.

Главнѣйшая бѣда заключенныхъ—это безусловное молчаніе, которое хуже всякой пытки. По этому нарушеніе этого запрета является совершенно естественнымъ, а за это взысканіе за взысканіемъ быстро, послѣдовательно, постигаетъ нарушителей.

Одинъ заключенный сидѣлъ напр. на цѣпи, за многія нарушенія правила молчать. Лицо, начальствовавшее въ тюрьмѣ, возымѣло желаніе облегчить страданіе несчастнаго, пришло къ нему, въ карцеръ, чтобы поговорить съ нимъ. Тотъ, увидѣвъ предъ собою начальника, съ яростью рванулся было къ нему, но, удержанный короткою цѣпью, — въ бессильномъ негодованіи отчаянно заскрежеталъ зубами, позеленѣлъ и заплакалъ на взрыдъ. Приказавъ спустить заключеннаго съ цѣпи, начальникъ ласково, дружелюбно, велѣлъ ему сѣсть рядомъ съ собою и откровенно разсказать, что вынуждаетъ его мучить себя, да и другимъ дѣлать неприятности.

— Мнѣ Богъ далъ языкъ, чтобы имъ говорить, а здѣсь

мнѣ этого не позволяютъ; не позволяютъ дѣлать то, что Богъ велѣлъ!.. отвѣтилъ онъ совершенно прѣсмѣривъ и глотая горячія слезы. Я не душегубъ, не воръ, а былъ пьянъ и потерялъ португекъ; стало быть вина моя пустяшная и за это сидѣть здѣсь 8 мѣсяцевъ въ молчанку? Да помилуйте — за что же? Я не могу, никакъ не могу не заговорить, ежели вижу возлѣ себя людей! зарѣжьте меня, убейте меня лучше сразу, чѣмъ такъ мучить... У меня все нутро изодралось и я все готовъ сдѣлать, чтобы только вырваться отсюда; въ арестантскія ли роты или на ваторгу—это мнѣ все равно, только бы здѣсь не оставаться молчать....

— Молчать установлено не мною, а закономъ, который и арестованные и начальство ихъ одинаково обязаны исполнять въ точности.

— Да вѣдь человѣческіе законы не должны же идти противъ божескихъ законовъ, возразилъ заключенный, а коли такъ—значитъ нельзя заставлять людей молчать: это грѣхъ предъ Богомъ,...

Изъ людей, съумѣвшихъ переломить себя — перестать говорить въ неповозанное время, многіе превращались въ движущихся автоматовъ, не то даже и въ идіотовъ.

Предполагая, что вслѣдствіе обязательнаго молчанія въ дозволенное время говорить (1/2 часа въ день) между заключенными происходитъ самая оживленная бесѣда, мы нарочно посѣщали комнаты, наполненныя для отдохновенія народомъ. Но мы были крайне изумлены, увидѣвъ, что большая половина людей бродила, молча, изъ угла въ уголь, а разговаривавшіе апатично перебрасывались отрывочными словами, относившимися исключительно до

ихъ ремесль, причеь часто озирались на стражу, точно спрашивая: можно ли намъ вести и сію невинную рѣчь?
 — Отчего вы не пользуетесь своимъ правомъ разговаривать, спросили мы одного, угрюмаго, пожилаго арестанта.

— Да не о чемъ разговаривать то, флегматически отозвался онъ.

— Неужели и вамъ тоже не о чемъ поговорить съ кѣмъ нибудь изъ товарищей? обратились мы къ другому.

— Мало ли о чемъ бы надо поговорить, да негодится: славу Богу что привыкъ молчать, а тутъ начини говорить, пожалуй при работѣ что нибудь болтнешь, ну— и въ штрафъ попадешь; такъ ужъ лучше молчать до выпуска отсюда. И онъ поспѣшилъ удалиться отъ насъ, видимо воздерживаясь отъ употребленія языка въ свойственное ему дѣло.

Наконецъ, приучившись въ тюрьмѣ молчать, многіе до того сживались съ этимъ порядкомъ, что и вернувшись изъ тюрьмы въ команду — тоже молчали. Морскіе офицеры увѣряли насъ, что имъ значительнаго труда стоитъ приохотить подобныхъ субъектовъ къ разговорчивости, такъ что иные по мѣсяцу и больше все, по [тюремной привычѣ], молчатъ, а изъ матросовъ, находившихся въ тюрьмѣ больше года, изрядный процентъ остается навсегда неисправимыми идиотами.

VI.

Не малое количество фактовъ, подобныхъ рассказаннымъ въ предыдущей главѣ о результатахъ молчанія и

бездѣвствіи заключенныхъ, доводилось своевременно до свѣдѣнія главнаго начальника тюрьмы, и контръ-адмиралъ баронъ Таубе, основываясь главнымъ образомъ на донесеніяхъ и настояніяхъ завѣдывавшаго тюрьмою Н. Г. Веселаго, а также, отчасти, на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, возбудилъ, въ ноябрѣ 1869 г., вопросъ объ измѣненіи системы безусловнаго молчанія и занятія заключенныхъ работами, причемъ доводы его противъ усвоенной системы тюремнаго содержанія формулировались вотъ въ какихъ, приблизительно, выраженіяхъ. Молчаніе для неразвитыхъ заключаемыхъ въ тюрьму матросовъ, противоестественное, жестокое условіе, котораго они не въ состояніи выполнить, и которое на практикѣ положительно вредитъ имъ и физически и нравственно: оно почти всѣхъ располагаетъ къ грусти, меланхолии, а содержащихся долгое время повергаетъ въ умственное оупленіе, въ совершенный идиотизмъ, либо въ чрезвычайную раздражительность. При работахъ и ученіи заключеннымъ неизбѣжно приходится обращаться другъ къ другу съ различными вопросами, отвѣтами, касающимися ихъ занятія. Между тѣмъ, ближайшее ихъ начальство, руководствуясь положеніемъ о тюрьмѣ, вынуждено взыскивать съ нихъ за разговоръ. Вслѣдствіе этого они смотрятъ враждебно на начальство. Крайне рѣзкій переходъ заключенныхъ отъ весьма суровой, замкнутой тюремной жизни къ полной волѣ, по возвращеніи въ команды, неизбѣжно увеличиваетъ число рецидивистовъ. По этому, для облегченія участи заключенныхъ, составляющаго настоятельную задачу современнаго прогресса, достаточно было бы подвергать безусловному молчанію лишь прибы-

вающихъ въ тюрьму заключенныхъ и при томъ только нѣкоторое время, да и то по усмотрѣнiю тюремнаго начальства. Точно также слѣдуетъ развить въ значительной степени работы тюрьмы, чтобы трудъ заключенныхъ приносилъ осязательную пользу, какъ собственно работающимъ, такъ равно и казнѣ, содержащей ихъ.

Далѣе, комиссія, которой поручалось обсудить означенные вопросы, вполне раздѣляя вышеприведенное мнѣнiе, въ 1870 году, между прочимъ, выработала слѣдующiя постановленiя: поступающихъ въ тюрьму людей помѣщать въ первое отдѣленiе онаго, въ коемъ держать ихъ въ безусловномъ молчанiи не менѣе двухъ мѣсяцевъ; потомъ, тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ себя хорошо вести и нравственно исправляться, переводить во второе отдѣленiе, а въ немъ разрѣшить всѣмъ разговаривать: въ будни—до 3-хъ, а въ праздники — до 5-ти часовъ въ день, и во всякое свободное отъ занятiй время столько (безъ различiя дней) часовъ, сколько тюремное начальство признаетъ это возможнымъ. Кромѣ того, людямъ втораго же отдѣленiя носить усы, бакенбарды запрещаемые тюремнымъ положенiемъ, такъ чтобы, искупивъ свои проступки, они являлись предъ своими товарищами въ команды безъ наружныхъ признаковъ прошлаго ихъ прегрѣшенiя, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ пошли въ тюрьму. Провинившихся во время нахождения во второмъ—переводить обратно въ первое отдѣленiе, гдѣ они должны оставаться до тѣхъ поръ, пока заслужатъ переходъ въ разговорное отдѣленiе. Погрузаясь глубже въ тюремную сферу, комиссія нашла, что свиданiе тюремныхъ обитателей съ ихъ

родными, при настоящихъ порядкахъ почти не существуетъ на дѣлѣ: заключенныхъ перестали посѣщать. А потому, чтобы свиданія достигали своей основной цѣли—разрѣшить заключеннымъ втораго отдѣленія свиданія дважды въ мѣсяць и въ комнатахъ безъ рѣшетокъ.

Наконецъ, комиссія опредѣлила организовать работы заключенныхъ на разумныхъ, широкихъ началахъ, т. е. занимать заключенныхъ не только казенными, но и вольными работами, предпочтительно же послѣдними, какъ болѣе вознаграждающимися, а слѣдовательно и выгоднѣйшими казнѣ, которой заключенные обойдутся дешевле (каждый стоитъ 145 р. въ годъ), да и самимъ заключеннымъ. Чтобы лучше воздержать заключенныхъ отъ проступковъ за предѣлами тюрьмы, на службѣ, комиссія предположила заработанныя ими въ періодъ заключенія деньги не выдавать имъ тотчасъ по освобожденіи, на руки, а пересылать ихъ вмѣстѣ съ отбывшими срокъ своего заточенія въ команды, причемъ обязать начальства послѣднихъ удовлетворять ими матросовъ не раньше, какъ по увольненіи ихъ въ безсрочный отпускъ и отставку, ежели они до тѣхъ поръ ни въ чемъ серьезномъ не провинятся и не вовлечутся въ новыя, по суду, наказанія. А дабы тюрьма не затруднялась въ выполненіи частныхъ заказовъ изъ своего матеріала,—предоставить ей брать таковой заимообразно изъ конторы надъ здѣшнимъ портомъ и комиссаріатской части морскаго вѣдомства.

Всѣ эти мѣропріятія одобрены высшимъ морскимъ начальствомъ, внесены на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ и насъ убѣрили, что впредь до ихъ утвер-

жденія, они уже введены, въ видѣ опыта, въ тюремную жизнь.

Въ свою очередь и непосредственное тюремное начальство приобрѣло, со введеніемъ сказанной реформы, болѣе простора въ своихъ дѣйствіяхъ, расширило время занятія заключенныхъ грамотою: прежде учились грамотѣ только по праздникамъ 5 часовъ сряду, а теперь они учатся эти часы съ перерывами, да кромѣ того еще въ два будничныхъ дня, по 2 часа утромъ и вечеромъ. Самое обученіе производится по методѣ г. Столпянскаго. Отдыхая послѣ обѣда и ученія на дворѣ, заключенные вправѣ разминать свои неподвижные члены бѣганьемъ, скаканіемъ на гимнастическія кобылы и т. п. Люди перваго отдѣленія напрягаютъ, говорили намъ, всѣ усилія, старанія и способности скорѣй попасть во второе отдѣленіе, и не было еще случая перемѣщенія изъ втораго обратно въ первое отдѣленіе. Мало того: одно напр. право отросить усы и бакенбарды принимается заключенными съ удовольствіемъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Со времени введенія въ Петербургъ судебной реформы, мы до сихъ поръ постоянно, внимательно, слѣдили за развитіемъ этой, безспорно благотворной, реформы, при чемъ помѣстили, въ разныхъ столичныхъ изданіяхъ много статей объ этомъ предметѣ. Понятно, слѣдовательно, что мы усвоили себѣ ясное представленіе о томъ, что и какъ происходитъ при отправленіи правосудія. Далѣе, изучая здѣшнія тюрьмы, мы, дабы по возможности короче ознакомиться съ внутреннимъ ихъ бытомъ,—на-рочно сближались изъ всѣхъ слоевъ общества съ людьми, вращавшимися въ самыхъ тюремныхъ жерлахъ,—этомъ тѣмномъ мірѣ физическихъ и моральныхъ человѣческихъ страданій. Отсюда мы добыли изрядное количество такихъ любопытныхъ фактовъ, которые не могли, однако, попасть, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ самый текстъ нашей книги, по принадлежности, а сгруппированы въ предлагаемомъ, читателю, разсказѣ «съ одного вола семь шкуръ». Разсказъ этотъ проводитъ, такимъ образомъ, читателя сквозь слѣдственный и судебный органы правосудія,—этихъ первѣйшихъ причинъ лишенія гражданъ свободы,—и въ тоже время значительно допол-

няетъ текстъ книги поступками разныхъ лицъ, да личными впечатлѣніями человѣка, на самомъ себѣ перенесшемъ всѣ невзгоды, сопряженныя съ жизнію въ заключеніи.

Оговорка эта помѣщается тутъ, а не въ началѣ—въ общемъ предисловіи, вотъ почему: когда нѣсколько первыхъ листовъ было ужъ совсѣмъ отпечатано, рассказъ этотъ только еще появился на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» за мартъ текущаго 1871 года, откуда мы его перенесли въ книгу съ кое-какими измѣненіями.

Авторъ.

СЪ ОДНОГО ВОЛА СЕМЬ ШКУРЪ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО АРЕСТАНТА).

I.

...Мнѣ было 23 года отроду въ то время, когда я совершилъ «преступленіе». Смѣшно сказать, но я еще былъ ребенкомъ. Благодаря плохому воспитанію, которое я получилъ среди невѣжества и бѣдности, я вышелъ на житейскую дорогу такимъ же мальчикомъ, какимъ прежде засѣдалъ въ уѣздномъ училищѣ. Восемнадцати лѣтъ я уже состоялъ на службѣ и, въ качествѣ писца, цѣлыхъ пять лѣтъ затѣмъ переписывалъ бумаги, изъ которыхъ, конечно, не извлекъ ничего полезнаго для ума и сердца. Мои товарищи по службѣ были такія же переписывающія машины. Дома была у меня мать,—женщина добрая, но совершенно необразованная.

Случилась однажды со мной такая исторія. Сижу я дома; вдругъ является одинъ изъ товарищей по службѣ, съ которымъ мы еще съ дѣтства были очень дружны. Взглянулъ я на него и изумился: на немъ лица не было. Оказалось, что онъ обманулъ кого-то на двѣсти рублей и что за это грозитъ ему неминуемая бѣда, если я не

*

спасу его, росписавшись чужою фамиліей на какой-то бумагѣ. Жаль мнѣ его стало и, не понимая, что я дѣлаю, я росписался. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, взялъ бумагу и ушелъ.

Недѣли черезъ двѣ-три спустя начальникъ неожиданно потребовалъ меня къ себѣ черезъ курьера.

— Это вы росписались? спросилъ онъ меня, указывая пальцемъ на лежавшую передъ нимъ бумагу. Она была та самая, на которой я написалъ, по просьбѣ пріятеля, чужую фамилію.

— Я, говорю.

— Такъ. А знаете ли вы, что это подлогъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчаю я, смутно предчувствуя что-то скверное.

— Такъ, такъ. Вы росписались въ полученіи купцомъ Архиповымъ отъ Васильева двухсотъ рублей за канцелярскія принадлежности. Вы, конечно, знаете, что никакихъ денегъ Васильевъ Архипову не передавалъ, потому что проигралъ ихъ въ карты. Васильевъ куда-то скрылся, а вы не успѣли. Ну, вотъ и узнаете теперь, что такое подлогъ.

Генераль въ волненіи ходилъ по комнатѣ, а я едва стоилъ на ногахъ.

— Дайте сейчасъ подписку въ томъ, что вы добровольно совершили подлогъ, сказалъ генераль. Ни живъ, ни мертвъ, сѣлъ я за столъ и написалъ, подъ диктовку начальника, подписку.

— Теперь ступайте, заключилъ генераль.— Приберите въ порядокъ свои бумаги, да и не уходите изъ канцеляріи. Кромѣ того молитесь Бога, что теперь не прѣзняя

пора: васъ бы за это по военному напр., сквозь строй прогнали.

Я медленно пошелъ на свое мѣсто, а слова генерала такъ и звенѣли у меня въ ушахъ. «А что, если меня прогнать сквозь строй» мелькнуло у меня въ головѣ, и я вздрогнулъ, вспомнивъ страшную картину, видѣнную мною въ дѣтствѣ. Въ полѣ двумя длинными рядами выстроили батальонъ солдатъ; съ одного солдатика сняли шинель и рубашку; руки его были привязаны къ ружейному прикладу, а стволъ ружья держали два унтеръ-офицера. Силою вели несчастнаго вдоль живой аллеи; солдаты съ размаху били его длинными, толстыми палками. Истязуемый отчаянно кричалъ, падалъ на землю; ему давали перевести духъ, понюхать чего-то, а потомъ снова тащили. Потомъ съ изнеможеннаго стащили брюки, положили голаго на телѣжку, привязали къ ней, повезли и снова принялись полосовать. Наконецъ что-то искалѣченное взвалили на телѣгу и, покрывъ рогожею, отправили въ госпиталь. Воспоминанія мои были прерваны вошедшимъ эскуторомъ.

— Вы арестованы, объявилъ онъ.—Потрудитесь слѣдовать за мною: васъ требуютъ въ полицію.

Я такъ и обомлѣлъ: сердце застучало, въ глазахъ позеленѣло. Въ полусознательномъ состояніи побрелъ я за эскуторомъ черезъ комнаты присутствія, вышелъ на улицу, сѣлъ въ карету и не больше какъ черезъ полчаса, очутился въ карцерѣ. Я смутно слышалъ, какъ гдѣ-то хлопнула дверь, щелкнулъ замокъ, потомъ что-то, немѣвшее опредѣленныхъ очертаній, загудѣло и заплясало вокругъ меня. Очнувшись отъ обморока, я внимательно

осмотрѣлся въ моемъ новомъ помѣщеніи и тутъ только замѣтилъ, что сижу на грязномъ полу маленькой, мрачной, сырой и вонючей комнатки съ потускнѣвшимъ окномъ, величиною не болѣе форточки. Въ одномъ изъ угловъ стояли табуретъ и кровать съ прогнившимъ матрацомъ, на который кое-какъ было брошено сѣрое, грязное одѣяло и сомнительной чистоты подушка, набитая, очевидно, соломой. Картина говорила сама за себя. Я заплакалъ, какъ ребенокъ; это, повидимому, тронуло стоявшаго около моей камеры часового; онъ просунулъ свои жесткіе усы сквозь рѣшетчатое оконце въ двери и спросилъ, о чемъ я убиваюсь. Я рассказалъ и умолялъ его извѣстить мою мать о моемъ несчастіи.

— Да, вотъ что! молвилъ онъ, выслушавъ меня.— Что-жь, можно. Ежели послѣ смѣны пустятъ, тогда отчего же? Схожу.

Дождавшись смѣны караула, я какъ будто немного успокоился и напряженно сталъ смотрѣть на оконце въ двери, ожидая прибытія матери. Она явилась едва къ вечеру. Увидѣвъ меня сквозь оконце въ положеніи дикаго звѣря, запертаго въ клѣтку, она судорожно зарыдала и упала на руки провожавшихъ ее солдатъ. Такъ какъ было уже поздно, то меня къ ней не выпустили и потому, когда она пришла въ чувство, я принужденъ былъ бесѣдовать съ нею сквозь рѣшетку двери. Послѣ четверть-часоваго свиданія она ушла, просунувъ мнѣ узелокъ съ кушаньемъ и двѣ рублевья бумажки.

Разставшись съ матерью, я почти всю ночь не могъ уснуть, не смотря на всѣ мои усилія: по корридорю то и дѣло раздавались тяжелые шаги солдатъ, звяканье от-

пираемых и затворяемых казематных замковъ. Все это производило на меня странное нервное впечатлѣніе. Мысли у меня путались, голова горѣла, я испытывалъ то жарь, то холодъ, и, какъ помѣшанный, бросался изъ угла въ уголъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ отворится дверь, войдетъ чудовище и поведетъ меня вдоль двухъ длинныхъ, грозныхъ рядовъ солдатъ, которые, съ свирѣпымъ выраженіемъ лица, стануть бить меня. И среди ужаса, меня вдругъ осѣнила другая мысль, что лучше разомъ самому кончить съ жизнью, чѣмъ мучиться въ ожиданіи, пока ее прекратятъ другіе. Я снялъ съ себя ремень, которымъ обыкновенно подпоясывалъ брюки, прикрѣпилъ его къ косяку двери, устроилъ петлю и судорожно сталъ просовывать въ нее голову.

— Эй, ты! раздался надо мною голосъ часоваго:—вишь, что выдумалъ. За это, братъ, у насъ не похвалятъ!

Трудно изобразить до какой степени я сконфузился отъ этого неожиданнаго оборота дѣла. Какъ школьникъ, пойманный на шалости, я молча снялъ ремень и подаль его часовому сквозь рѣшетку.

— Вишь приладилъ, продолжать часовой, видимо довольный тѣмъ, что помѣшалъ мнѣ.—Ну, не подожди я, вѣдь повѣсился бы на грѣхъ. Право! Нѣтъ, братъ, стой. Это не положенье. Да у тебя нѣтъ-ли тамъ еще снадобья-то этого?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— То-то, штобъ и не было, подтвердилъ онъ:— это не порядокъ. Эдакъ вы всѣ перевѣшаетесь, а мы отвѣчай. Я-те подстерегу!

И, хлопывая себя отобраннымъ у меня ремнемъ,

онъ побрелъ по корридору. «Ишь, выдумалъ, право!» до-
неслось до меня еще разъ.

II.

На слѣдующее утро сторожъ разбудилъ меня и велѣлъ мнѣ одѣваться. Такъ какъ я спалъ почти не раздѣваясь, то мнѣ не трудно было исполнить это приказаніе. Когда я былъ готовъ, конвойный повелъ меня по длинному корридору и вывелъ на улицу. Я съ жадностью вдохнулъ въ себя свѣжій, холодный воздухъ и—какъ странно устро-
енъ человѣкъ!—мнѣ почему-то показалось, что меня сей-
часъ пустятъ на волю изъ этой мрачной, тюремной норы. Каково же было мое разочарованіе, когда конвойный указалъ мнѣ садиться въ стоявшую тутъ же арестантскую карету.

— Куда-жъ это? спросилъ я.

— Кататься поѣдемъ, подшутить солдатъ.

Я полѣзъ въ карету. Тамъ сидѣло уже пять человѣкъ. Насъ заперли и повезли, а по бокамъ и сзади кареты поѣхали солдаты, съ обнаженными палашами.

Я осмотрѣлъ своихъ спутниковъ. Двое изъ нихъ были въ чуйкахъ и три въ различныхъ отрепьяхъ. Одинъ паренъ съ желтымъ, сухимъ лицомъ и плутоватыми глазами, былъ повидимому, весьма доволенъ поѣздкою. Когда карета проѣхала нѣсколько сажень, онъ, желая завязать общій разговоръ, сказалъ:

— Въ театръ, значить, поѣхали; на рипитицыю. Да какъ же? прибавилъ онъ, помолчавъ: — вонъ и актеровъ тоже въ эфтаныхъ каретахъ возють. Это нечего глядѣть,

что за нами архаровцы вдутъ; это такъ, для почету, значить. То-есть, чтобы обиды намъ не было. Сидѣвшій противъ шутившаго крестьянинъ поглядѣлъ на него, поморгаль глазами и, ничего не спросивъ, утеръ себѣ рукавомъ носъ. Я спросилъ:

— Неужто насъ въ театръ везуть?

— Извѣстно, отвѣчалъ словоохотливый мѣщанинъ.— Потому—скука.

— Ну, что врать-то! вмѣшался другой мѣщанинъ.— Какой тамъ театръ: просто, къ слѣдователю везуть, къ допросу.

— А по какому такому дѣлу изволите содержаться? спросилъ меня первый, наклоняясь ко мнѣ.

Я разсказалъ вкратцѣ.

— Такъ-съ, подтвердилъ онъ.—Стало быть подлогъ. Скверная это шутка, вѣрьте Богу.

— А что?

— Да то. Коли обвинять—по Владиміріѣ прогуляетесь; это вѣрно. Это вѣрно, прибавилъ онъ, многозначительно шевельнувъ бровями.

Я дополнилъ недосказанное.

— Ну, сказалъ онъ:—въ такомъ разѣ вамъ надо во всемъ сознаться. Запретесь—хуже, потому улики на лицо. Ужь мы это знаемъ, повѣрьте; я самъ при прежнемъ судѣ трижды за подлогъ судился, да слава Богу—все въ подозрѣніи оставался, а теперь врядъ ли отбоярюсь.

Словоохотливый мѣщанинъ долго еще болталъ, поучая своихъ спутниковъ, но я пересталъ слушать его и погрузился въ мрачныя размышленія, о предстоявшей мнѣ

участи. Я очнулся только тогда, когда барета остановилась у квартиры слѣдователя.

Слѣдователь—деликатный молодой человекъ — передъ допросомъ посоветовалъ мнѣ быть откровеннымъ. Впрочемъ, я и не намѣревался ничего скрывать.

— Нравится ли вамъ мѣсто вашего заключенія? спросилъ меня слѣдователь, покончивъ допросъ.

Я молчалъ, не зная, шутка ли это или насмѣшка. Но онъ прибавилъ:

— Если вамъ здѣсь дурно, я могу перевести васъ въ тюрьму. Тамъ и воздухъ свѣжѣе, и убранство чище.

— А не можете ли выпустить меня на волю? спросилъ я, ободренный ласковостью его голоса.

— Не имѣю права: ваше дѣло такого рода, что вы подлежите содержанію подъ стражею.

— Если это не секретъ—скажите пожалуйста: почему именно я долженъ быть подъ стражею?

— Потому, что люди, подобные вамъ, въ случаѣ обвиненія подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія.

— А въ случаѣ оправданія—ихъ вознаграждаютъ за тяжелую неволю?

— Да, Богъ вознаграждаетъ, а люди нѣтъ, или почти нѣтъ.

— Странно... Я васъ не понимаю.

— А я по не досугу, да по моему официальному званію теперь не могу, къ сожалѣнію, дольше съ вами бесѣдовать. Онъ тяжело вздохнулъ, видимо сочувствуя мнѣ.

Мы разстались съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Онъ обѣщалъ поспѣшить разсмотрѣніемъ моего

дѣла и я съ облегченнымъ сердцемъ вернулся въ свою нору.

И потянулись дни за днями, длинные, длинные. Скука меня одолѣвала и, чтобы отбиться отъ нея, я пунктуально разъ на всегда распредѣлил свое время: вставалъ часовъ въ восемь, съ полчаса умывался, съ часъ молился; потомъ подметалъ свою коморку, сметалъ пыль, гдѣ нужно, нѣсколько разъ перестилалъ постель. Затѣмъ бралъ чайникъ и отправлялся заваривать себѣ чай, пользуясь кипяткомъ изъ самовара, который въ корридорѣ ставилъ солдатъ для богатаго арестанта. Я старался пить чай какъ можно медленнѣе и просиживалъ за этимъ занятіемъ около часа, послѣ чего, не торопясь, перетиралъ свою посуду. Въ заключеніе предавался чтенію казеннаго евангелія или приготавливалъ себѣ, до обѣда, папиросы. Продовольствовался я въ складчину съ сосѣдями-арестантами, внося въ общую кассу и свои десять копѣекъ порціонныхъ денегъ. Впрочемъ, пища у насъ все-таки выходила прескверная, не смотря на то, что въ нашу пользу богатый арестантъ, для котораго по утрамъ ставили самоваръ, ежедневно жертвовалъ по рублю. Не будь этого случайнаго благодѣтеля, намъ, конечно, пришлось бы голодать, а потому не удивительно, что всѣ мы молили Бога о продленіи дней заточенія нашего благодѣтеля. Познакомившись съ этимъ «богатымъ», какъ его прозвали у насъ, я сталъ брать у него разныя книги и всего чаще читалъ Судебные Уставы, или Уложеніе о наказаніяхъ. Книги эти меня сильно занимали и я, прочитавъ ихъ, не разъ потомъ сожалѣлъ, что не прочелъ нѣсколько ранѣе. Изъ нихъ я впервые узналъ, что та-

кое законъ, преступленіе и наказаніе, потому что прежде я полагалъ, что законъ есть воля начальства, преступленіе—неисполненіе этой воли, а наказаніе—«выходите въ отставку».

Послѣ обѣда часовые, получивъ съ насъ взятку, выпускали насъ въ корридоръ и тутъ ходили мы гурьбой, бесѣдуя и сближаясь другъ съ другомъ, пока чьи-нибудь шаги на лѣстницѣ не заставляли насъ трусливо разбѣгаться по своимъ камерамъ. Каждую камеру запирали снаружи, и выждавъ, пока пройдетъ начальство, снова выпускали насъ, и такая операція иногда повторялась разъ по пятнадцати въ день.

Раза два-три въ недѣлю насъ выводили «на свиданіе»; для этого существовала для насъ, благородныхъ, особая комната, въ которой я часа по два сряду могъ бесѣдовать съ матерью, въ присутствіи часоваго.

А слѣдствіе между тѣмъ тянулось, да тянулось. Меня десять разъ возили къ слѣдователю; тотъ сирасивалъ меня и передопрашивалъ, и заставлялъ выслушивать казыхъ-то свидѣтелей, которыхъ я до своего ареста никогда въ глаза не видалъ. Меня удивляло: изъ-за чего бьется этотъ слѣдователь, когда мое дѣло такъ просто и несложно, да я къ тому же во всемъ сознался?

III.

Просидѣвъ подь слѣдствіемъ ровно девять мѣсяцевъ, я наконецъ получилъ копію съ обвинительнаго акта. То-то всѣ мнѣ завидовали! Ко мнѣ примѣняли 262 ст., уложенія о наказаніяхъ, а та ссылалась на 3-ю степень 31-й

статьи. Последняя же грозила мнѣ ссылкой въ Сибирь съ заключеніемъ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ или арестантскими ротами. И все это за бессознательную услугу приятелю!

Назначили мнѣ защитникомъ молодаго человѣка, который, во время двухъ моихъ свиданій съ нимъ, старался утѣшить меня тѣмъ, что если я и пойду въ Сибирь, то, по крайней мѣрѣ, буду знать, что совѣсть моя спокойна. Не удовольствовавшись этимъ утѣшеніемъ, я спросилъ его, не помнитъ ли онъ такихъ процессовъ, въ которыхъ по дѣламъ, подобнымъ моему, подсудимые бывали бы оправдываемы. Въмѣсто отвѣта онъ прислалъ мнѣ кассационныя рѣшенія за два года. Я съ жаромъ принялся за нихъ, прочелъ отъ доски до доски и хотя, дѣйствительно, наткнулся на нѣсколько процессовъ, однородныхъ съ моимъ, однако ни по одному изъ нихъ подсудимый не былъ оправданъ. Роковая 31-я статья была неумолима.

Я ясно видѣлъ, что было плохо, а между тѣмъ въ глубинѣ души все еще сохранялъ надежду.

И вотъ приблизился, наконецъ, этотъ грозный для меня день судебного засѣданія. Товарищи по заключенію напутствовали меня совѣтами отъ чистаго сердца.

— Будьте какъ можно спокойнѣе и хладнокровнѣе, говорили они:—внимательно слушайте, что станутъ говорить, смѣло возражайте, главное—хладнокровіе!

Это напутствіе еще звучало у меня въ ушахъ, когда я вступилъ въ залу суда. Но тутъ случилось нѣчто необыкновенное: ноги у меня подкосились, а хладнокровіе смѣнилось испугомъ и отчаяніемъ. Я не могъ ступить

ни шагу. Робкій отъ природы, я совершенно потерялъ присутствіе духа. Впрочемъ, солдаты подъ руки ввели меня на скамью обвиняемыхъ. И кто это придумалъ та-кія скамьи? Человѣкъ сидитъ на юру, а тутъ со всѣхъ сторонъ на него устремляются сотни любопытныхъ взоровъ и пронизываютъ насквозь. Я покраснѣлъ до ушей, въ глазахъ у меня потемнѣло, зубы застучали; минута была, по истинѣ, ужасная. Выпивъ, по предложенію защитника, стаканъ воды, я нѣсколько освѣжился, отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ на обычное вопросы объ имени, званіи, занятіяхъ и проч. и съежился подъ вліяніемъ взоровъ зрителей. «Ишь, разодрлись какъ! думалъ я, искоса взглядывая на судей:—подумаешь, на торжество собрались! А защитникъ-то точно на балу: во фракѣ, да еще въ бѣломъ галстухѣ! А, небось, матери моей можетъ быть второй день уже ѣсть нечего. Да и публика тоже хороша! Наѣхала сюда, точно въ театръ; вонъ даже дамы какія-то съ биноклями, и все на меня наводятъ!» Размышляя такимъ образомъ, я рѣшительно не слыхалъ ни чтенія обвинительнаго акта, ни присяги свидѣтелей, и опомнился только тогда, когда меня спросили, не имѣю ли я чего нибудь возразить противъ чего-то. Я отвѣтилъ «нѣтъ» и вновь предался своимъ мрачнымъ думамъ.

Но вотъ всталъ прокуроръ и началъ свою обвинительную рѣчь. И чего, чего только онъ въ ней не рассказывалъ! Говорилъ, что преступленіе мое самое тяжкое; что совершилъ я его обдуманно, съ злымъ, корыстнымъ намѣреніемъ; что характера я самаго недобросовѣстнаго (откуда онъ узналъ, какой у меня характеръ, одному

Богу извѣстно). Въ концѣ концовъ я оказался въ его рѣчи такимъ подлецомъ, которому въ Сибири мало мѣста. Я негодовалъ, просто бѣсился, слушая рѣчь. За то рѣчь защитника была въ совершенно противномъ духѣ. На сколько прокуроръ усиливался втоптать меня въ грязь, на столько же защитникъ высоко ставилъ мой поступокъ, совершенный по неопытности, легкомыслию, съ цѣлью спасенія друга, поступокъ, за который я, впрочемъ, уже и просидѣлъ подъ арестомъ цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Въ заключеніе онъ просилъ присяжныхъ оправдать меня.

— Не желаете ли вы чегонибудь прибавить? обратился ко мнѣ предсѣдатель.

Я всталъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ заговорилъ:

— Да-съ, но только очень немного. Я росписался собственно ради дружбы и никакихъ другихъ цѣлей въ виду не имѣлъ. У меня и опасеній также никакихъ не было. Я не извергъ рода человѣческаго, какимъ выставилъ меня г. прокуроръ, равнымъ образомъ и не олицетворенная добродѣтель, какъ полагаетъ мой защитникъ; я простой, обыкновенный человѣкъ, какихъ очень и очень много на свѣтѣ. Я совершилъ преступленіе, не зная, что оно значить. Я объ одномъ прошу: судите меня по совѣсти.

Тутъ я заплакалъ и, обезсиленный, упалъ на свое мѣсто.

Персональ суда удалился, засѣданіе прервалось. Я попросилъ, чтобы меня спустили съ позорной скамьи, гдѣ я торчалъ у всѣхъ на виду, что меня неимоვნно тяготило. Получивъ разрѣшеніе, я сошелъ внизъ, сѣлъ на

стуль, возлѣ периль и такимъ образомъ очутился въ двухъ шагахъ отъ публики.

Сзади до меня доносились отрывочныя фразы изъ тѣхъ разговоровъ, которые, между тѣмъ, вела между собою «публика».

Какой-то женскій голосъ говорилъ:

— Ахъ, бѣднѣй, бѣднѣй! Какъ онъ, должно быть, мучается...

— Воображаю! небрежно возразилъ другой голосъ, тоже женскій.—Лицо самое обыкновенное, ничего нѣтъ интереснаго. Вотъ тотъ подсудимый—помнишь, третьяго дня мы смотрѣли—другое дѣло: глаза блестять, лицо прехорошенькое, да еще энергическое. А этотъ—ну, что въ немъ? И смотрѣть не на что!

Въ другомъ мѣстѣ велись такіе разговоры:

— Пойдемъ, Пьеръ; мнѣ ѣсть хочется.

— Подождемъ приговора; дѣло вѣдь не сложное, совѣщаться долго не о чемъ.

— Да и ждать-то намъ нѣтъ надобности: дѣло по связкѣ ничуть не интересное: юридическихъ вопросовъ никакихъ. Сознайся, мы только даромъ время потеряли.

— И то правда. Пойдемъ.

Цѣлый часъ—мучительный и тяжелый, просидѣлъ я, въ ожиданіи приговора. Наконецъ, мнѣ объявили его. Я былъ приговоренъ къ лишенію правъ состояніи и заключенію въ тюрьму на полтора года. Судъ поступилъ справедливо и покаралъ преступника...

Въ толпѣ раздался раздирающій душу вопль,—то зарыдала мать моя, непосвященная въ судейскую премудрость. Единственный сынъ ея, котораго она любила, на

котораго надѣялась, сынъ, поддерживавшій ея старческое существованіе, отправлялся въ тюрьму на полтора года. Пусть плачетъ старуха, но правосудіе не дремлетъ...

Защитникъ подошелъ ко мнѣ съ распросами, желаю ли я подавать кассационную жалобу. Я отказался, но мать и руками всплеснула. Послѣ нѣкоторыхъ разсужденій рѣшено было—подать на кассацию.

Когда меня опять привезли въ прежнее мѣсто заключенія, товарищи по заточенію съ участіемъ стали разспрашивать меня объ исходѣ моего дѣла.

— Да, виновенъ, отвѣчалъ я имъ съ озлобленнымъ, дикимъ смѣхомъ:—а потому на полтора года въ тюрьму.

— Ай-ай; говорили товарищи:—ай, какъ строго!

Прийдя въ свою конуру, я залпомъ выкурилъ три папиросы и легъ было на кровать, но что-то твердое очутилось у меня подъ бокомъ. Я оцупаль подъ матрадомъ жестянку, откупорилъ ее, въ ней оказалась водка. Товарищи приготовили ее мнѣ сюрпризомъ, чтобы мнѣ было чѣмъ залить горе, въ случаѣ дурнаго исхода процесса. Желая забыться, я съ неимоверною жадностью выпилъ разомъ всю жестянку.

Спустя нѣсколько времени я узналъ, что кассационная жалоба моего защитника оставлена безъ послѣдствій.

— Ну, и чортъ съ вами, подумалъ я.

Ровно чрезъ пять дней мнѣ пришлось разстаться съ моими товарищами по заключенію. Часовъ въ 12-ть дня меня вывели на дворъ, и въ присутствіи многочисленной толпы народа, во всеуслышаніе прочли приговоръ.

Въ числѣ зрителей была и мать моя. Едва церемонія кончилась, она бросилась ко мнѣ и съ глухими рыдані-

ями повисла у меня на шеѣ. Пришибенный горемъ, я почти безучастно смотрѣлъ на ея слезы и чувствовалъ въ груди какую-то необъяснимую пустоту. А кругомъ волновалась темная масса народа, и шумѣла, и говорила что-то для меня непонятное.

— Эй, ты! раздался вдругъ голосъ офицера, показавшійся мнѣ особенно рѣзкимъ среди неопредѣленнаго гула толпы.—Будетъ ли конецъ нѣжностямъ! Брось ее, да иди, куда слѣдуетъ.

Я вздрогнулъ: въ первый разъ приходилось мнѣ слышать высококомѣрное ты. Злость во мнѣ ужасно закипѣла, я наговорилъ бы офицеру вучу дерзостей... но тутъ неожиданно вспомнилъ, что я осужденный преступникъ, дрянь, тряпка, которую всякій можетъ теперь швырять куда пожелаетъ. Я вырвался изъ объятій матери, вскочилъ въ приготовленный заранѣе экипажъ и только дорогою, давъ волю проснувшемуся чувству, болѣзненно зарыдалъ.

Часа черезъ два, мы прибыли въ мѣсту назначенія, на окраину города. Настежъ отворились тюремныя ворота и, пропустивъ мою повозку, затворились снова. Я явственно слышалъ, какъ загремѣлъ желѣзный засовъ. Съ этимъ звукомъ словно что-то оборвалось во мнѣ.

— Полтора года, подумалъ я: — полтора года, и ни минуты меньше!

Ступивъ на тюремную землю, я осмотрѣлся. Длинный, широкій, чисто-выметенный и посыпанный пескомъ дворъ былъ обнесенъ высокою, каменною стѣною, верхній край которой былъ украшенъ торчавшими вверхъ толстыми гвоздями. Кромѣ часовыхъ, стоявшихъ въ разныхъ уг-

лахъ, на дворѣ не было ни души и царило строгое молчаніе. И, какъ бы для контраста со всею этой мрачною обстановкой, надо мной, улыбаясь, синѣло ясное, іюльское небо, а за стѣною, въ тюремномъ садикѣ, пѣли птицы. Пока я осматривалъ новое для меня мѣсто, одинъ изъ сопровождавшихъ меня конвойныхъ успѣлъ сходить въ пріемщиву; вскорѣ на крыльцо казармы вышелъ неувлѣжій, выстриженный подъ гребенку, солдатъ и, второпяхъ сплюнувъ на сторону, крикнулъ:

— Веди сюда!

Въ сопровожденіи конвойнаго, я вошелъ въ просторную вомнату, гдѣ помѣщалась тюремная канцелярія, и сталъ у дверей. На диванѣ, откинувшись назадъ, сидѣлъ, съ сигарою во рту, пожилой, невзрачнаго вида офицеръ въ поношенномъ сюртукѣ; поодаль отъ него, трое мужчинъ въ старомъ партикулярномъ платьѣ писали что-то, положивъ локти на забрызганный чернилами столъ.

— Здравствуй, братецъ, важно произнесъ офицеръ, смѣривъ меня съ головы до ногъ равнодушнымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, отвѣчалъ я и поклонился.

Офицеръ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Это что? вскричалъ онъ.—Развѣ такъ здороваются со мной? А? Да еще кланяется! Что я тебѣ, пріятель, что ли? Руки по швамъ!

Я вспыхнулъ и, скрѣпя сердце, исполнилъ приказаніе.

— У меня чтобъ нивогда этого не было! продолжалъ оскорбленнымъ тономъ офицеръ. — Это первое. Второе какъ зовутъ?

— Михайль.

*

— Михаилъ! презрительно фыркнулъ онъ. — Прозвище?

— Спиридоновъ.

— Ты долженъ добавлять «ваше благородіе», когда со мною говоришь. Я тебѣ не ровня; я—видишь—офицеръ, а ты кто? Арестантъ. Я тебя выучу, какъ мнѣ отвѣчать.

Тутъ онъ помолчалъ немного и потомъ, какъ бы забавляясь своимъ потеряннымъ видомъ, спросилъ:

— Такъ какъ тебя зовутъ-то?

— Михаилъ Спиридоновъ, ваше благородіе, отвѣтилъ я, стиснувъ зубы и готовый зарыдать отъ униженія.

Офицеръ очевидно остался доволенъ отвѣтомъ.

— То-то, сказалъ онъ, раскуривая сигару. — Помни: «ваше благородіе»—это главное. Ты, кажется, самъ былъ прежде благородіе, ну, да это забудь. Теперь ты арестантъ и присланъ сюда для исправленія, а исправительнымъ мы поблажки не даемъ. Провинился—въ варцеръ, не то и выпоремъ; хорошо ведешь себя — похвалимъ. Главное—повинуйся.

Болѣзненно сжималось у меня сердце, пока я выслушивалъ эту тираду моего новаго начальника. Офицеръ какъ будто догадался о томъ, что во мнѣ происходитъ.

— Ты не обижайся моими словами, продолжалъ онъ, понизивъ тонъ.—Вѣдь все это я для твоей пользы говорю. Я, братъ, не злой человѣкъ; я умѣю цѣнить благодаривіе и почтительность. У насъ, военныхъ, дисциплина выше всего на свѣтѣ. Хорошо поведешь себя—и тебѣ хорошо будетъ: облегчу, если возможно, наказа-

не. Фельдфебеля сюда! неожиданно крикнулъ онъ проходившему солдату.

— Ваше благородіе, началъ я неровнымъ голосомъ.

— Ну, еще что?

— Буду я имѣть возможность видѣться съ матерью?

— Гм! Посмотримъ, посмотримъ. Я тебѣ скажу: почитай меня—и я не начальникъ, а отецъ, даже лучше отца роднаго. Возьми его! обратился онъ къ вошедшему фельдфебелю.

По знаку фельдфебеля, я пошелъ за нимъ и очутился въ корридорѣ, гдѣ меня встрѣтилъ еще новый тюремный проводникъ. Пройдя съ ними до пяти длинныхъ корридоровъ, я вошелъ, наконецъ, въ маленькую комнату; тутъ помѣщались табуретъ и кровать, на которой лежало арестантское платье. По приказанію фельдфебеля я раздѣлся до нага; тогда онъ, поворачивая меня, глаго, во всѣ стороны, тщательно осмотрѣлъ носъ, ротъ, уши и вообще всѣ сокровенныя части тѣла, желая удостовѣриться, не спрятано ли у меня гдѣ нибудь запрещенныхъ вещей. Не найдя, однако, ничего, онъ приказалъ мнѣ одѣться. Затѣмъ меня свели въ баню, которая впрочемъ, можетъ быть изъ экономіи, была не топлена; вымывшись здѣсь холодною водою, я опять попалъ въ свою комнату, рѣшительно не понимая, зачѣмъ все это дѣлалось.

Провожатый, введя меня въ келью, постоялъ было нередко мною молча и уже хотѣлъ уйти, но вдругъ воротился и сказалъ:

— Ложиться не смѣй, потому на строго запрещено. Ну, и говорить тоже. Да еще вотъ что: ѣсть тебѣ се-

годня не дадутъ, почему какъ ты послѣ обѣда доставленъ. Когда придетъ пора ложиться спать, часовой объявить.

Новое мое жилище оказалось очень сходнымъ съ тѣмъ, которое я занималъ, состоя подъ слѣдствіемъ, и отличалось отъ него только большею опрятностью и сухостью. Я походилъ немного взадъ и впередъ и убѣдился, что комната моя имѣла въ длину пять шаговъ, а въ ширину три.

А кругомъ тишина, мертвая тишина. Горькія думы лѣзли мнѣ въ голову. Воспоминанія о дѣтскихъ годахъ, о домашнемъ очагѣ, о матери — все это какъ нарочно вставало передо мной и дразнило, и мучило меня. Должно быть, долго просидѣлъ я въ задумчивости на своемъ табуретѣ, покуда размышленія мои не были прерваны голосомъ, часоваго.

— Раздѣнься, сказалъ послѣдній, просунувъ лицо въ дверное окошечко моей кельи:— сверни вещи и— спать!

Трудно себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ я растянулся на жесткой постели, послѣ мучительнаго дня.

IV.

На слѣдующее утро я проснулся совершенно бодрѣмъ и готовымъ ко всякаго рода превратностямъ. Пришлось волею неволею окунуться въ будничную тюремную жизнь.

Едва успѣлъ я прибрать свою постель, какъ уже явился часовой, чтобы отвести меня въ умывальню. Тутъ, около громаднаго умывальника, молча и нехотя, полоскалось человѣкъ двадцать арестантовъ. Дождавшись оче-

реди, и я умылся, послѣ чего, слѣдомъ за другими, отправился въ столовую.

Это была большая, свѣтлая комната, во всю длину которой протянулись два деревянные стола съ длинными скамейками по обѣимъ сторонамъ каждаго изъ нихъ. На эти скамейки и усѣлись арестанты, выслушавъ предварительно молитву. Принесли, нарѣзаннаго ломтями, чорнаго хлѣба, большія деревенскія чашки — и всѣ принялись хлѣбать изъ нихъ жиденьюю гречневую размазю. Арестанты ѣли молча; въ столовой раздавалось только тяжелое людское дыханіе, да слышно было, какъ люди дули въ ложки, хлѣбали и жевали. За печкою трещала сверчокъ, словно желая развеселить собравшуюся здѣсь мрачную компанію. Солнце ярко свѣтило въ окна столовой, и я съ любопытствомъ всматривался въ лица арестантовъ; они были истомлены, а нѣкоторые глядѣли даже апатично; но на всѣхъ лицахъ лежало одно общее выраженіе угрюмой сосредоточенности.

По окончаніи завтрака, мы поднялись съ мѣсть, по командѣ прослушали молитву и разошлись на работу, по назначенію. При выходѣ изъ столовой, я получилъ отъ какого-то солдата тряпку (называемую у арестантовъ стиркою) и, по его указанію, принялся обтирать пыль на нижнемъ карнизѣ корридорной стѣны. Корридоръ былъ сажень въ тридцать длиною; я теръ прилежно, не переставая, около часа; кровь кинулась мнѣ въ голову, потъ градомъ катился съ лица, а я все теръ, со злобою замѣчая, что карнизъ давно уже сдѣлался чище стола въ столовой. Наконецъ, — о радость! солдатъ скомандовалъ:

«довольно». Я выпрямился, расправилъ ооченѣвшіе члены и потрясъ руками въ разныя стороны.

— Это ты что же? сердито закричалъ солдатъ.— Здѣсь не на волѣ; баловаться тоже не позволимъ. Смирно!

Я повиновался. Минуть пять спустя, онъ указалъ мнѣ половую щетку и велѣлъ мести ею корридоръ. Я вымелъ соръ въ двери, полагая, что тѣмъ и кончится дѣло.

— Мети назадъ, сказалъ солдатъ, двигаясь вслѣдъ за мною.

Я сталъ мести въ противоположную сторону. Дометя до стѣны, я остановился: дальше мести было некуда.

— Мети направо, командовалъ солдатъ.

Я мелъ направо.

— Мети налево!

Я вышелъ изъ себя и, съ трудомъ удерживаясь, спросилъ его, на сколько могъ учтивымъ тономъ,— для чего все это? и не лучше ли дать мнѣ какую нибудь другую работу?

— Ну, ну, возразилъ солдатъ: — ты поговори у меня еще! За это у насъ — въ карцеръ, потому ослушаніе.

Противъ такого аргумента нечего было возражать; я продолжалъ мести направо, налево, впередъ, назадъ — и все это до тѣхъ поръ, пока мой поведитель самъ, наконецъ, соскучился и сталъ позѣвывать. Къ счастью, вскорѣ явилось ко мнѣ спасеніе, въ лицѣ другаго солдата.

— Къ доктору! сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ: — ступай за мной.

Я съ радостью пошелъ за нимъ, стараясь дорогою расправить одеревенѣвшіе члены. Меня ввели въ аптеку.

Тутъ былъ докторъ, человѣкъ молодой, нѣсколько худощавый, съ весьма симпатичною наружностью. Недалеко отъ него сидѣлъ пожилой, толстый и обрюзгшій священникъ. Освидѣтельствовавъ меня, докторъ нашель мое здоровье въ порядкѣ и, посмотрѣвъ мнѣ пристально въ глаза, спросилъ, кто я такой и за что попалъ въ тюрьму. Я вкратцѣ рассказалъ ему свою исторію, стараясь какъ можно чаще вставлять «ваше высокоблагородіе».

— Не говорите, пожалуйста, этого, ласково замѣтилъ онъ мнѣ: — я терпѣть не могу эпитетовъ. А несчастье ваше весьма поразительное. Знаете ли, что я вамъ скажу...

— Да еще правду ли онъ говоритъ? прервалъ его священникъ. — Они вѣдь всѣ такихъ чудесъ про себя расскажутъ, что только слушай; въ этомъ я ужъ много разъ удостовѣрился.

— Ну, какъ себѣ тамъ хотите, возразилъ докторъ: — а я вполне вѣрю этому разсказу. Послушайте, обратился онъ ко мнѣ: — когда будетъ нужно, т. е. когда вамъ надоѣстъ тамъ, въ тюрьмѣ, — приходите въ лазаретъ, отдохнете немного, недѣльки двѣ-три.

— Молодой человѣкъ, ахъ, молодой человѣкъ! протяжно заговорилъ священникъ. — Губите вы ихъ своими гуманными идеями. Не дѣло вы имъ говорите. Истинный христіанинъ долженъ безропотно сносить физическія страданія, а не избѣгать ихъ! Лучше, обратилъ онъ свою рѣчь ко мнѣ: — ты покорись волѣ Божіей, не унывай, а ищи утѣшенія въ молитвѣ, да въ тяжеломъ трудѣ. Постои, вотъ я тебѣ книжку дамъ.

Онъ порылся въ своихъ карманахъ и, вытащивъ небольшую книгу, подаль ее мнѣ.

— Читай вотъ это на досугѣ и слабодушіе не коснется тебя. Теперь же ступай съ Богомъ.

Я раскланялся и ушелъ. Книжка оказалась житіемъ великомученика Θεодора Стратилата. Ожидавшій меня въ корридорѣ солдатъ велѣлъ мнѣ немедленно отнести Стратилата въ коморку, тагъ какъ читать мнѣ, по его словамъ, было некогда. Я, впрочемъ, не особенно и жалѣлъ объ этомъ, будучи занятъ мыслью о докторѣ, теплѣе участіе котораго глубоко меня тронуло.

Едва я успѣлъ спрятать книгу подъ подушку, какъ послышался зовъ къ обѣду. Всѣхъ арестантовъ выстроили фронтѣмъ и повели въ столовую. Обѣдъ состоялъ изъ полупрѣсныхъ щей, въ которыхъ плавала разорванная воловнами говядина, что дѣлалось, по мнѣнію начальства, для большаго удобства обѣдавшихъ, потому что, при разрѣзываніи говядины на куски, послѣдніе, конечно, были бы выловлены изъ чашки болѣе проворными арестантами, а лѣнивые остались-бы ни при чемъ. Арестанты же говорили, что начальству ловчѣе утаивать говядину, ежели она ниточками подается на столъ.

Послѣ обѣда, намъ данъ былъ часъ отдыха, состоявшаго въ томъ, что насъ свели въ одну большую комнату, со скамейками. Арестанты раздѣлились на группы. Не успѣвъ еще завести себѣ знакомства, я принялся одинъ расхаживать по комнатѣ, прислушиваясь къ рѣчамъ своихъ товарищей по заточенію. Рѣчи все были монотонныя и велись словно по принужденію.

— Тебѣ много еще времени сидѣть? спросилъ одинъ арестантъ другаго.

— Да еще два мѣсяца съ половиной. Эхъ долго!

— А куда тебѣ торопиться-то?

— Само собой на волю. Жена въ деревнѣ ждетъ, дѣти. Поди еле-еле перебиваются.

— Это все одно, потому ты имъ не поможешь. Выйдешь отсюда—сейчасъ тебѣ волчій паспортъ на руки, а съ этой штукой и на волѣ горе. Работы нигдѣ не дадутъ, въ услугу не возьмутъ, потому ты колодникъ. Ну, и околѣвай, натурально, съ голоду. Со мной это самое было. Изъ тюрьмы выпустили, жрать охота смертная, а работы не даютъ. Взялъ, да и укралъ хомутъ изъ сарая, да нарочно застучалъ, чтобъ услышали. Ну, и вернули сюда, а тутъ хоть сытъ, по крайности.

— А коли такъ, я въ тотъ же день въ деревню махну. Здѣшнихъ заработковъ на чугулку хватить.

— Небось, не хватить; на рубли, братецъ, не считывай: они по карманамъ разойдутся, а нашему брату копѣечки только перепадутъ.

Въ другомъ углу говорили:

— А по мнѣ, хоть и никогда не выпускай: на волѣ тоже северно, все только одни подлецы, какъ есть.

— Такъ-то такъ, а все-же какъ бы получше.

Проходя мимо одной группы, я услышалъ смѣхъ; оглянувшись, я увидѣлъ нѣсколькихъ арестантовъ, которые, смѣясь, указывали на меня пальцами.

— Это, вишь, дворянчикъ идетъ, говорили они: — ваше благородіе! Баринъ распреважный!... Нашъ братъ сюда съ гора попадетъ, а ихъ благородія—съ жиру.

Вскорѣ насъ отвели въ мастерскія и тамъ распредѣлили по категоріямъ. Въ одной комнатѣ помѣстили портныхъ, сапожниковъ и плетшихъ маты; въ другой—столя-

ровъ, переплетчиковъ и рѣзчиковъ. Въ третью комнату были отведены тѣ изъ арестантовъ, которые не знали никакого спеціального ремесла; имъ было поручено щипать пеньку и вить веревки. Я, конечно, попалъ въ третій разрядъ. Солдатъ вручилъ мнѣ тонкую, коротенькую палку, на одномъ концѣ которой былъ вбитъ гвоздь, и, посредствомъ этого инструмента, велѣлъ мнѣ вить веревку изъ разщипленной пеньки; а такъ-какъ пеньки у меня не было и спрашивать о ней я никого не хотѣлъ, то мнѣ и пришлось просидѣть съ четверть часа въ нѣмомъ созерцаніи врученнаго мнѣ солдатомъ инструмента. Наконецъ, надзиратель, замѣтивъ, что я сижу безъ дѣла, показалъ мнѣ, гдѣ взять пеньки и какъ работать. Я принялся за работу съ усердіемъ, но, съ непривычки, послѣ упорнаго часоваго труда, достигъ только того, что содралъ себѣ съ пальцевъ кожу до крови, а веревки все-таки не свилъ.

Кончивъ работу, мы поужинали, выслушали молитву, и, затѣмъ, послѣ переключки, были отведены каждый въ свою камеру, передъ входомъ въ которую всѣ подвергались предварительно обыску. Начальство желало знать, не запасся ли кто нибудь изъ насъ табакомъ или другимъ какимъ нибудь запрещеннымъ снадобьемъ. Вслѣдъ за тѣмъ по корридорю раздалось щелканье замковъ въ дверяхъ запираемыхъ камеръ; кое-гдѣ засвѣтились фонари, шумъ постепенно унялся и — арестантскій день кончился.

На этотъ разъ я долго не могъ заснуть. Впечатлѣнія минувшаго дня давили меня. Я съ стѣсненнымъ сердцемъ думалъ о безконечной перспективѣ цѣлыхъ полу-

тора лѣтъ таковой жизни, которая сегодня еще только для меня начиналась. Изыскивая средства къ облегченію своего положенія, я съ удовольствіемъ вспомнилъ о докторѣ и рѣшился заслужить его вниманіе. И тутъ же пришло мнѣ въ голову сказатья больнымъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ показалось неловкимъ такъ безцеремонно воспользоваться любезнымъ предложеніемъ доктора. Я твердо рѣшился терпѣть, «повуда терпится».

Проснувшись слѣдующимъ утромъ, я почувствовалъ себя какъ будто переродившимся. Я ощутилъ небывалую твердость духа и, первый разъ въ жизни, спокойно взглянулъ въ мрачную перспективу, предстоявшей мнѣ тюремной жизни.

А жизнь эта шла своей обычной чередой; тяжелая машина работала безъ устали въ намѣченномъ для нея порядкѣ. Съ самаго ранняго утра мы постоянно мели, чистили, скребли и мыли все, что только можно было мести, чистить, скрестъ и мыть. Мы же работали въ кухнѣ, стирали себѣ бѣлье, носили дрова и воду въ квартиры начальниковъ (коихъ имя было легионъ). Потомъ, до обѣда и послѣ него, мы работали въ мастерскихъ, такъ что, съ 5-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера, мы (за исключеніемъ часа отдыха) безостановочно, трудились подъ неусыпнымъ надзоромъ грубыхъ людей, которые не въ состояніи были понять, что мы чувствуемъ и какъ мы устали.

Прислуживать начальству было выгодно, и арестанты охотно брались за это. Попавъ въ кухню начальника, арестантъ нерѣдко получалъ отъ кухарки что нибудь вкусное поѣсть, а заслуживъ расположеніе кухарки, могъ

даже отдохнуть съ полчаса или написать письмо на волю. Нѣкоторыя кухарки передавали нашу корреспонденцію по назначенію и приносили намъ отвѣты. Вообще арестантъ, успѣвшій покорить сердце кухарки, могъ считать себя весьма счастливымъ человѣкомъ и даже угощаться водкой на счетъ своей возлюбленной.

Два раза въ мѣсяцъ насъ водили въ баню, и это событіе было истиннымъ праздникомъ для арестантовъ. Уже за недѣлю начинали толковать о банѣ. Не понимая что именно такъ привлекаетъ туда арестантовъ, я однажды попросилъ одного изъ нихъ объяснить мнѣ причину этого обстоятельства—и онъ, въ торопяхъ, отвѣтилъ мнѣ: «хорошо, потому безъ начальства». И, дѣйствительно, я вскорѣ увидѣлъ оригинальную картину.

Была суббота. Насъ выстроили человѣкъ 50 и повели въ баню. Въ предбанникѣ роздали намъ по чрезвычайно маленькому кусочку мыла, по вѣнику на три человѣка и, впустивъ всѣхъ въ самую баню, заперли послѣднюю снаружи. Изъ начальства никто туда не вошелъ и мы, дѣйствительно, были «безъ начальства». Мылись очень немногіе; арестанты подняли ужасный шумъ: одни плескались водою, другіе боролись, возбуждая громкій хохотъ въ зрителяхъ; нѣкоторые, забравшись на полость и стегая себя вѣниками, кричали и ревѣли во всю мочь; иные похищали другъ у друга мыло и вѣники, хватали одинъ другаго за что попало и таскали по банѣ; всѣ барахтались, боролись, дрались, ругались, хохотали. Были также охотники рассказывать во всеуслышаніе самыя циническія сцены изъ своей жизни, ко всеобщему удовольствію окружающихъ. И все это сливалось въ одинъ

общій, неопредѣленный гулъ, и все было покрыто густымъ паромъ, среди котораго, при свѣтѣ двухъ ночниковъ, мелькали какія-то бѣлыя, неясныя, двигавшіяся фигуры... Видно было, что арестанты спѣшили насладиться тою ничтожною долей свободы, которою пользовались они здѣсь, послѣ строго-однообразнаго двухнедѣльнаго житія въ камерахъ.

V.

Въ одно изъ воскресеній, проснувшись поутру, я съ радостью вспомнилъ, что въ этотъ день настала, наконецъ, срокъ моего свиданія съ матерью. Въ 9 часовъ, облачившись въ праздничную одежду, состоявшую изъ куртки и брюкъ сѣраго солдатскаго сукна, арестанты выстроились фронтомъ. Пришелъ смотритель, чиномъ полковникъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты своихъ помощниковъ и надзирателей; поздоровавшись, онъ обошелъ фронтъ, осмотрѣлъ у нѣкоторыхъ одежду, руки и ноги, спросилъ, всѣ ли мы довольны и, не дожидаясь отвѣта, удалился. Затѣмъ, насъ повели въ церковь къ обѣднѣ, гдѣ мы также стали въ боевомъ порядкѣ, шеренгами. На клиросѣ пѣли пѣвчіе изъ арестантовъ. Я обратилъ вниманіе на это обстоятельство, имѣя въ виду свой личный интересъ. Я внутренно рѣшилъ разузнать, не пользуются ли пѣвчіе какими нибудь льготами и, если пользуются, то постараться попасть въ ихъ число. Среди размышленій, я не замѣтилъ, какъ отошла обѣдня; по окончаніи ея, намъ дали полчаса отдыха въ общей комнатѣ, а послѣ обѣда, ничѣмъ не отличавшагося отъ

буднишняго, разрѣшили отдохнуть еще два часа. Затѣмъ, мы хлынули въ классъ, т. е. въ рабочія же комнаты.

Въ классѣ всякій занимался, чѣмъ прикажутъ: одни писали на аспидныхъ доскахъ, другіе на бумагѣ; нѣкоторые рѣшали ариѳметическія задачи. Учителей было слишкомъ мало: человѣкъ на 60 по одному.

Нѣсколько человѣкъ переписывали тюремные счета, книги и прописи. Кромѣ азбукъ, у насъ были также божественныя книги и духовныя журналы: «Странникъ» и «Домашняя Бесѣда».

Понятно, что прилежно занимались только тѣ изъ арестантовъ, которые не ожидали ни съ кѣмъ свиданія; ожидавшіе же свиданія только дѣлали видъ, что занимаются, стараясь обмануть бдительность надзирателей.

Мнѣ приказано было преподавать въ классѣ ариѳметику, но мнѣ не до нея было: я все время думалъ о предстоящемъ мнѣ свиданіи съ матерью, которую долженъ былъ увидѣть сегодня въ первый разъ послѣ поступленія въ тюрьму. Толкуя правила сложенія, я минутно путался, ошибался, оглядывался. Наконецъ меня кликнули.

— Эй, сказалъ мнѣ одинъ арестантъ:—ты, смотри, не болтай тамъ лишняго, что, мошь, жить здѣсь плохо или что другое; у насъ за это достанется, бывали примѣры-то.

Съ такимъ напутствіемъ я отправился въ приѣмную.

Переступивъ порогъ этой комнаты, я увидѣлъ, что всѣ мои надежды на свиданіе съ матерью съ глазу на глазъ разлетѣлись прахомъ. Комната раздѣлялась частою рѣшеткою на двѣ половины; за первую рѣшеткою про-

хаживался часовой, а за нимъ, на разстояніи сажени отъ арестантовъ, виднѣлась за другою рѣшеткою группа посѣтителей. Чтобы быть услышаннымъ изъ-за рѣшетки, всѣ говорили очень громко, такъ что о секретахъ не могло быть и рѣчи... Я медленно подошелъ къ свободному мѣсту у рѣшетки, а мать, увидѣвъ меня, разразилась громкимъ плачемъ.

— Эй, обратился къ ней часовой:—здѣсь, братъ-старушка, ревѣть нельзя, потому порядокъ нарушаете. За молчите, а не то выведу. Да и чего ревѣть-то? Чай, его не рѣжутъ.

— Какъ живешь-то, голубчикъ? спрашивала меня мать, глотая слезы.

— Ничего, живу-себѣ, отвѣчалъ я.

— Не «ничего», а слава Богу, хорошо, поправилъ меня часовой.—Иному и на волѣ во сто-кратъ хуже.

— Да вѣдь я не тебя спрашиваю, съ сердцемъ замѣтила мать:—чего же ты вмѣшиваешься, невѣжа?

— А я на то тутъ и стою, чтобы безпорядковъ не было. Меня ругать ни подъ какимъ видомъ нельзя. Я вотъ возьму, да вликну, такъ тебя, старушка, живо отседа выпроводятъ.

— Ахъ, оставьте ее, пожалуйста, взмолился я: — вы видите, она взволнована.

— То-то «взволнована»! У меня языкъ держать за зубами.

И, довольный собою, часовой зашагалъ вдоль рѣшетки. Разговоръ нашъ, однако, не клеился. Въ краткихъ словахъ я успѣлъ передать матери кое-какія свѣдѣнія о моемъ житьѣ-бытьѣ; мы умолвали всякій разъ, когда

приближался къ намъ часовой. Грустныя рѣчи слышались со всѣхъ сторонъ. Стоявшій около меня арестантъ убѣдительно просилъ навѣстившаго его мужика передать какому-то Арефью, что, молъ, «сохрани Богъ, выйду отседова, такъ я ему, проклятому, башку прошибу, чтобы жены моей не трогалъ».

— Ишь, храбрый какой! поддразнивалъ его часовой. Арестантъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Ты кто? воскликнулъ онъ, сверкнувъ глазами.— Часовой? Твое дѣло стоять, да караулить, а не соваться, куда не спрашиваютъ. И надъ тобой вѣдь тоже расправа найдется.

— Ну, ну, не пугай. Въ карцеръ попадешь за грубости!

— Чтобъ тебѣ самому сгнить въ карцерѣ. Начальство и тебя не помилуетъ.

— Ну, это еще кто будетъ гнить-то: солдатъ или арестантъ. А ты, борода, обратился онъ къ посѣтителю:—вонъ пошелъ. Наболтался, будетъ. Я съ нимъ ужъ раздѣлаюсь...

— Милостивый господинъ! Еще минуточку бы... объ деревнѣ сказать...

— Пошелъ, пошелъ, покуда цѣль!

— Прощай, Семень, будь здоровъ... Ухожу, ухожу...

— Ну, прощай, отвѣчалъ арестантъ:—спасибо за ласку. А тебя, обратился онъ къ часовому:—я все-таки не боюсь: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

Всѣ засмѣялись; часовой побагровѣлъ, но не сказалъ ни слова.

Въ другомъ концѣ комнаты арестантъ жаловался на вѣстившей его бабѣ:

— Ежели бы не попалъ сюда, ужъ женился бы на Маланьѣ. А теперь, гляди, и прозѣваль.

— Такъ, такъ, говорила баба, покачивая головою.

— Прозѣваль, прозѣваль! протяжно произнесъ арестантъ и слышно было, какъ голосъ его задрожалъ.

Я прислонился головою къ рѣшеткѣ и слушалъ. Часовой подошелъ ко мнѣ.

— Ну, чего тутъ ротозѣйничать? сказалъ онъ:— ступай въ классъ. Вонъ и старушка твоя опять ревѣть собирается.

Я взглянулъ на мать; она была блѣдна и лицо ея подергивала судорога. Простившись съ нею, я поспѣшно вышелъ. Въ классѣ я засталъ занятія еще въ полномъ разгарѣ, что длилось вплоть до ужина, до котораго я даже и не дотронулся, подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній свиданія. Не весель былъ и праздникъ въ тюремѣ!

Отъ щипанья черезчуръ жесткой пеньки у мена до того распухли пальцы, что я не могъ продолжать работу и потому меня помѣстили въ лазаретъ.

Тюремная больница ничѣмъ не отличалась отъ множества другихъ, подобныхъ ей, больницъ, которыя, повидимому, всѣ устраиваются по одному образцу. Вдоль стѣнъ, выкрашенныхъ свѣтлою голубовато сѣрою краскою, тянулись ряды кроватей, съ вывѣшенными надъ ними ярлыками, гласившими объ имени и недугѣ больного. У каждой кровати, по обыкновенію торчалъ, маленький столикъ, на который почти ничего нельзя было

*

поставить по недостатку мѣста; сѣрыя суконныя одѣяла придавали картинѣ еще болѣе форменный, казарменный видъ.

Переодѣвшись въ сѣрый халатъ, я сѣлъ на отведенную мнѣ кровать и сталъ вглядываться въ сосѣдей. Лежавшіе здѣсь арестанты имѣли видъ гораздо болѣе оживленный, нежели тѣ, которыхъ я видѣлъ тамъ, въ жерлѣ тюрьмы; ни на одномъ лицѣ я не замѣтилъ здѣсь той печати угрюмой сосредоточенности, которая поражала зрителя за предѣлами больницы. Вскорѣ ко мнѣ подошелъ фельдшеръ.

— Ну, братъ, сказалъ онъ мнѣ:—хоть ты и опоздалъ, а я все-таки могу дать тебѣ пообѣдать—лишняя порція осталась. Затѣмъ, осмотрѣвъ мои пальцы и сдѣлавъ нѣсколько необходимыхъ вопросовъ, онъ прибавилъ:—Хочешь супу, да кусокъ жаркого?

Я отвѣчалъ утвердительно:

— У насъ, продолжалъ онъ: — не то, что тамъ, въ живодернѣ. У насъ все можно. Мы не наказываемъ, а лечимъ; тамъ вамъ здоровье разстраиваютъ, а здѣсь восстанавливаютъ. Ну, а выпить не прочь-бы?

Вскорѣ послѣ вкуснаго обѣда я увидѣлъ входившаго доктора.

— А, это вы! произнесъ онъ, подходя ко мнѣ.—Что же у васъ? Пальцы?

— Да-съ

— Да вы и кромѣ того больны, замѣтилъ онъ, выслушавъ мнѣ грудь. — Вы слишкомъ разстроены и раздражены. Вамъ дадутъ успокоительныхъ капель, да передъ обѣдомъ и ужиномъ вы станете принимать по

ложь столоваго вина, ну, и скоро поправитесь. Впрочемъ, оговорился онъ:—я васъ не гоню; напротивъ, советую вамъ хорошенько отдохнуть здѣсь.

Я благодарилъ его, какъ могъ.

— Что за благодарности! воскликнулъ онъ.—Это моя обязанность и ничего больше. Не хотите-ли, я пришлю вамъ чего нибудь почитать?

Ознакомившись съ сосѣдями, я узналъ много грустныхъ исторій. Около меня лежалъ арестантъ, у котораго едва начинала заживать огромная рана въ горлѣ. Онъ рассказывалъ, что обжогъ себѣ горло папиросой и вотъ какимъ образомъ. Большой любитель табаку, онъ нѣсколько разъ попадался начальству въ куреніи, за что и былъ строго наказываемъ: его выдерживали по суткамъ въ карцерѣ, безъ пищи, въ одномъ бѣльѣ, тогда какъ въ карцерѣ господствовалъ такой же морозъ, какъ на дворѣ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ пытокъ, попавшись еще разъ, онъ, недолго думая, схватилъ папиросу съ огнемъ въ ротъ и проглотилъ. Горло было воспалено и его едва могли спасти отъ смерти.

Другой сосѣдъ, человѣкъ съ весьма энергическимъ лицомъ, рассказаль о себѣ слѣдующее:

— Что вы думаете? говорилъ онъ однажды, усѣвшись ко мнѣ на кровать:—вы, можетъ, полагаете, что я такой, какъ всѣ эти? Да я разъ тюрьму взбунтовалъ; да-съ, цѣльную тюрьму, человѣкъ двѣсти. Извольте прислушать. Сидѣлъ я, братецъ мой, въ тюрьмѣ; тоже вотъ какъ теперь. Ну, и кормили насъ прескверно; работой тоже донимали. Арестанты недовольны. Вотъ, вижу я, время подходящее: взялъ, да и подговорилъ всѣхъ, чтобы зна-

читать, съ полковникомъ не здороваться. Онъ, молъ, взбѣситса, станетъ начальству жаловаться, ну, дѣло-то и откроется, потому тогда мы можемъ все начальству разсказать. Ладно. Согласились. Въ свѣтлое христово воскресенье приходитъ полковникъ, послѣ заутрени, въ столовую, а мы всѣ тамъ въ сборѣ. «Христокъ воскресе!» говоритъ онъ намъ громогласно. Всѣ молчимъ. «Здорово ребята» продолжаетъ онъ, немного погодя. Мы хоть-бы слово. «Да здравствуйте-же!» — А мы и не пивнемъ. Только, братецъ ты мой, позеленѣлъ онъ, да и вонъ пошелъ; а мы-то ему въ догонку кто пособачьи, кто покошачьи и что ни есть крѣпкими словами. Черезъ день — слѣдствіе. Выстроили насъ, обставили карауломъ съ ружьями, нанесли ушатовъ десять моченыхъ розогъ. Сѣвучія, значить. Приходитъ генералъ, главный начальникъ, бодро такъ ходитъ, животъ впередъ.

— Сію-же, говоритъ, минуту • выдать мнѣ зачинщивовъ? Не то всѣхъ перепорю.

Молчимъ. Начали съ краю; человекъ пять на средину вывели. Никто не признается. Вижу, пореи имъ не миновать; протискался впередъ, сталъ передъ генераломъ.

— Я зачинщикъ, говорю. — Дерите меня, коли есть охота, только прежде разберите наше дѣло.

— А въ чемъ дѣло? спрашиваетъ генералъ.

— Такъ и такъ говорю: — полковникъ насъ голодомъ морить, истязаетъ работою, заработки наши крадетъ...

Генералъ реветъ: «раздѣть его, негодяя!» ну, и раздѣли. И уязъ обозлился же я! Вѣрите-ли? даже не крикнулъ; ровно бы заснулъ подъ роагами. На другой день очнулся въ лазаретѣ. Они, конечно, сильно повалячили;

спина и до сихъ поръ ноетъ передъ погодой, ну, да зато и имъ попало. Черезъ недѣлю же половину начальства смѣнили, потому по городу-то слухъ пошелъ: въ газетахъ вишь ты пропечатали... Объ этомъ фершелъ сказывалъ, потому, будто самъ читалъ въ трактирѣ. Вотъ мы на какія штуки можемъ, братецъ, подниматься, коли ужъ очень жутко становится...

VI.

Пролежавъ недѣли три въ больницѣ, я вернулся въ лоно тюрьмы, но передъ выходомъ просилъ доктора хлопотать о томъ, чтобы взамѣнъ щипанія пеньки мнѣ дали какую нибудь другую работу. Докторъ исполнилъ мою просьбу и меня посадили въ отдѣленіе портныхъ, хотя я иголки не умѣлъ держать въ рукахъ. Мнѣ пріятно было хоть учиться портняжеству; кромѣ того, я, для разнообразія, переходя отъ одного ремесла къ другому, по немногу научился шить сапоги, столярному и переплетному мастерствамъ и даже выучился пѣть по нотамъ, о которыхъ до поступленія въ тюрьму не имѣлъ понятія. Узнавъ, что пѣвчіе, ради спѣвки, пользуются нѣсколькими свободными часами въ недѣлю, я улучилъ благопріятную минуту и попросился у начальства въ хоръ. Я приходилъ въ церковь однимъ изъ первыхъ и уходилъ оттуда позже всѣхъ, прикидывался ханжею и вошелъ въ милость къ священнику. Онъ давалъ мнѣ переписывать какое-то вздорное сочиненіе, объ исправленіи нравовъ, а я старался расхваливать его. Вскорѣ я добился того, что ходилъ къ священнику на квартиру. Попадѣ я то-

же понравился и житье мое стало несравненно лучше прежняго...

Говоря откровенно, тюремная жизнь жестоко меня исковеркала; я сталъ двуличенъ, пріучился равнодушно сносить обиды и даже колотушки, исполнять все что прикажутъ... Правда, чѣмъ холоднѣе и равнодушнѣе казался я съ виду, тѣмъ большая злоба развивалась во мнѣ ко всему окружающему; но натура начинала сильно извращаться. За исключеніемъ доктора и фельдшера, въ которыми я до сихъ поръ чувствую глубокую привязанность, я чувствовалъ сильнѣйшее презрѣніе ко всѣмъ окружающимъ меня въ тюрьмѣ лицамъ. Да и не одинъ я велъ себя такъ позорно: большинство арестантовъ поступало такъ же, какъ я. Оттого, между нами почти не существовало никакого товарищества, ни общности интересовъ. Каждый хлопоталъ лишь о себѣ и, гоняясь за личною выгодною, не стыдился вредить при этомъ другимъ. Въ угоду начальству, между нами было сильно развито сплетничество. Начальство обращало вниманіе исключительно на внѣшность, о нравственной же сторонѣ арестантскаго быта ни чуть не заботилось. И вотъ, въ глазахъ начальства, поминутно вертѣвшагося передъ нами, мы были автоматами (чего оно и требовало), а въ душѣ подходили на звѣрей. У насъ и инстинкты были не человѣческіе... Начальству, повидимому, вовсе не было никакого дѣла до этого; сознавая себя начальствомъ военнымъ, оно, по своей близорукости, видѣло спасеніе арестантовъ исключительно въ суровой, деспотической дисциплинѣ благо времени. Насъ считали вещами, а не людьми, и потому не удивительно, что на вопросъ: по-

чему арестантамъ при выходѣ ихъ изъ тюрьмы не выдаютъ заработанныхъ ими денегъ?—одинъ изъ начальниковъ отвѣчалъ: «да вѣдь они арестанты, какая же имъ плата?»

Мнѣ оставалось просидѣть въ тюрьмѣ еще мѣсяць. Не берусь передать, что я почувствовалъ въ теченіе этихъ послѣднихъ дней: я былъ точно въ лихорадкѣ. Я считалъ дни и часы, ничего не могъ, какъ слѣдуетъ, дѣлать. Но вотъ пришелъ и желанный, послѣдній день. Часовъ въ десять меня позвали въ канцелярію, куда я и кинулся опрOMETRY. Тамъ сидѣлъ тотъ самый помощникъ смотрителя, который столь внушительно обошелся со мною въ день моего вступленія въ тюрьму.

— Вотъ ты и вольный теперь, сказалъ онъ.—Я тебя посадилъ, я же и выпускаю. Не поминай, братъ, лихомъ; такіе начальники, какъ я—рѣдкость.

— Покорно благодарю васъ за все, сказалъ я, считая теперь уже излишнимъ прибавлять «ваше благородіе».

— То-то: «благодарю!» Ты прежде зайдешь съ солдатомъ въ полицію, а потомъ—маршъ на всѣ четыре стороны. Да еще вотъ что: получи свои деньги. Тебѣ причитается заработной платы 14½ коп.

Я получилъ эту ничтожнѣйшую сумму, представлявшую вознагражденіе за мой тяжкій, отвратительный полуто-рагодичный трудъ!.. Я ясно, при этомъ, почувствовалъ, что эти мѣдяки просто жгутъ мнѣ ладонь!.. Но удивительнѣй всего показалось мнѣ то, что даже гроши въ гдѣ то откопали, тогда какъ этой монеты почти не видать въ обращеніи. Знай, дескать, вразумлялъ я самъ себя

мысленно, что за нами ничего не пропадаетъ, все, какъ честные люди, сполна отдаемъ!..

— Роспишись въ деньгахъ, вмѣшался другой начальникъ, указавъ мнѣ рукою на какую-то тетрадку.

Я взглянулъ въ тетрадку, увидѣлъ въ ней 2 р. 14¹/₂ к. и вопросительно посмотрѣлъ на начальство.

— Да ну же поскорѣй: знаешь, я думаю, что забирають, сидя здѣсь, по мелочи деньги и потомъ умирають...

Я вспомнилъ, что такіе случаи дѣйствительно бывали и начальство выводило деньги на живыхъ, и я росписался. За то, что я, по глупости сдѣлалъ подлогъ, я просидѣлъ 1¹/₂ года шевельнулось у меня въ головѣ, а тутъ завѣдомо дѣлають подлоги и ничего, благоденствуютъ. Насъ арстантовъ учать быть честными, а сами такъ ли поступаютъ? Впрочемъ чертъ съ ними совсѣмъ. Я круто повернулся къ двери.

— Постой, постой, сказалъ офицеръ.—Что-жъ ты не прощаешься? Я думаю, за хлѣбъ, за соль поблагодарить нужно.

— Виноватъ, я очень разсѣянъ сегодня. Желаю вамъ всего хорошаго.

— Кому это: «вамъ»? Кажется, меня иначе величаютъ? Или уже позабылъ?

— Желаю вамъ, ваше благородіе, всего хорошаго, пробормоталъ я, чувствуя, что меня бросаетъ въ жаръ отъ нетерпѣнія.

— То-то. Кто намъ добро дѣлаеть, того надо знать, какъ величаютъ. Ну, съ Богомъ. — Тутъ, обратясь къ солдату, онъ прибавилъ:—Отведи его съ кофвертомъ по адресу и сдай подъ росписку.

Я выбѣжалъ на дворъ и съ жадностью сталъ вдыхать свѣжій воздухъ. За тюремными воротами, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ матерью, которая повисла у меня на шеѣ.

Мы отправились втроемъ въ полицію: солдатъ, я и моя мать. Въ полиціи какой-то человѣкъ осмотрѣлъ меня, потомъ съ меня, неизвѣстно для чего, сняли фотографическую карточку.

— Ты, братецъ, человѣкъ, я вижу, неглупый, сказалъ мнѣ чиновникъ:—въ тюрьмѣ ты, навѣрное, многому научился. Не хочешь-ли служить у насъ?

— Какъ служить? Писать?

— Нѣтъ, по сыскной части. Въ агенты. А? Мы хорошо платимъ и дѣльными людьми дорожимъ.

Я отказался: мнѣ не по нутру были обязанности такого рода.

— Да вѣдь тебя, продолжалъ чиновникъ:—съ волчьимъ паспортомъ никуда не примутъ; а у насъ — откроешь два-три важныхъ преступленія, получишь паспортъ чистый, безпорочный.

Я раскланялся и черезъ часъ былъ уже дома. Какъ здѣсь все глядѣло весело и празднично! И сколько радостныхъ слезъ пролили мы съ матерью! Но вотъ прошелъ день, другой; я началъ искать работы, такъ какъ намъ жить было нечѣмъ. Но куда ни обращался я, кого ни просилъ,—взглянуть на мой видъ, поморщатся и откажутъ. Товарищи тоже отступились отъ меня, какъ отъ прокаженного. За что же, спрашивалъ я самъ себя, за что меня окончательно сбили съ дороги? Вѣдь я уже перенесъ наказаніе въ тюрьмѣ, а тутъ еще мнѣ волчій

паспортъ вручили, по милости котораго я не могу сыскать себѣ работы и потерялъ всѣ прежнія знакомства! Позади рядъ мученій, впереди голодная смерть; того и гляди придется поступить въ сыщивы.

Такъ разсуждалъ я, идя однажды по улицѣ. Вдругъ, вижу — тюремный докторъ. Я поклонился, онъ подавъ мнѣ руку и спросилъ, каково мнѣ живется. Я объяснилъ свое горькое положеніе. Опъ вынулъ визитную карточку и, написавъ на ней нѣсколько словъ карандашомъ, передалъ мнѣ.

— Вотъ, сказалъ онъ: — сходите по адресу и вамъ дадутъ пока работу, не особенно, правда, пріятную, но что же дѣлать? Современемъ я приішу вамъ что нибудь получше.

Я поблагодарилъ его, отправился по адресу и на другой день, въ 9-ть часовъ утра, стоялъ на Невскомъ, имѣя на шапкѣ, вмѣсто прежней кокарды, бляху съ надписью «посыльный».

Да, я сдѣлался посыльнымъ и до сихъ поръ служу въ этой артели. У меня, кромѣ того, есть еще побочная работа — переписка, такъ что мы съ матерью живемъ безъ особенной нужды; но скажите же на милость, за что съ одного вола семь шкуръ содрали?

В О Н Е Ц Ъ .

Digitized by Google

